ISSN 2227-1538
eISSN 2307-4590

Гендерная политика и социальные изменения

Е.Г. Абраменко
РОЛЬ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В ЗАЩИТЕ ПРАВ
И ИНТЕРЕСОВ ЖЕНЩИН В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

М.А. Кашина, И.С. Клецина
РОЛЕВОЙ КОНФЛИКТ РАБОТАЮЩЕЙ ЖЕНЩИНЫ
И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЕ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ И ЗАДАЧА ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ

Н.Н. Козлова, С.В. Рассадин
НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ДЕЙСТВИЙ
В ИНТЕРЕСАХ ЖЕНЩИН: В ПОИСКАХ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОДЕЛИ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ

Р.Н. Сулейманова
ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО В РОССИИ
В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

4
2023

Главный редактор

ШУМИЛОВ Андрей Владимирович
кандидат политических наук, доцент

Зам. главного редактора

СКОВИКОВ Алексей Константинович
кандидат политических наук, доцент

Ответственный секретарь

НИКИФОРОВА Ирина Владимировна

Перевод

ОРЛОВА Елена Геннадьевна

Учредитель / Издатель

НИИ общественных и политических наук

16+

Научная редакция

ЕФРЕМОВ Олег Юрьевич
кандидат философских наук, доцент

ЗЛАТАНОВ Благой Георгиев
кандидат философских наук, доцент

КАСИМОВ Евгений Витальевич
кандидат исторических наук, доцент

АРУТЮНОВ Антон Георгиевич
научный сотрудник

Председатель Редколлегии номера

КОЗЛОВА Наталия Николаевна
доктор политических наук

Редакционная коллегия

АЛЕКСЕЕВ С.В. – кандидат политических наук, доцент (Москва)
БОЛЬШАКОВ А.Г. – доктор политических наук, профессор (Казань)
БОРЩЕВСКИЙ Г.А. – доктор политических наук, профессор (Москва)
БРОННИКОВ И.А. – кандидат политических наук, доцент (Москва)
ВАТЫЛЬ В.Н. – доктор политических наук, профессор (Гродно)
ГРИШИН О.Е. – кандидат политических наук, доцент (Москва)
ИЛЬМЯРВ М. – доктор истории, PhD (Таллин)
КАПИЦЫН В.М. – доктор политических наук, профессор (Москва)
КЕРЯН Г.М. – доктор политических наук, профессор (Ереван)
КОЗЛОВА Н.Н. доктор политических наук, профессор (Тверь)
КУРИЛЛА И.И. – доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
ЛЕДЯЕВ В.Г. – доктор философских наук, профессор (Москва),
доктор политики, PhD (Манчестер)
ЛЕОНТЬЕВА О.В. – кандидат политических наук, доцент (Тирасполь)
МИНЕЕВА Е.К. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары)
НАСИМОВА Г.О. – доктор политических наук, профессор (Алматы)
ОМЕЛЬЧЕНКО Н.А. – доктор исторических наук, профессор (Москва)
ПАСТУХОВА Л.С. – доктор педагогических наук, кандидат политических наук, доцент (Москва)
ПРОРОК В. – доктор философии, PhD (Прага)
СЕРГЕВНИН В.А. – PhD, доктор юриспруденции (Макомб)
СКИПЕРСКИХ А.В. – доктор политических наук, профессор (Елец)
СОКОЛОВ А.В. – доктор политических наук, доцент (Ярославль)
ТУРОВСКИЙ Р.Ф. – доктор политических наук, профессор (Москва)
ХОРИНА Г.П. – доктор философских наук, профессор (Москва)
ЧЕРНЫШОВ Ю.Г. – доктор исторических наук, профессор (Барнаул)
ШИРОКОВ О.Н. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары)
ЮРЧЕНКО С.В. – доктор политических наук, профессор, (Симферополь)

Editor in Chief

SHUMILOV Andrei

Executive Secretary

NIKIFOROVA Irina

Translate

ORLOVA Elena

Design

PAVLUNIN Dmitriy

Deputy Editor

SKOVIKOV Alexey

Editors

EFREMOV Oleg

ZLATANOV Blagoy

KASIMOV Evgeniy

ARUTYUNOV Anton

Publisher

Institute of Social and Political Sciences

Chairman of the Editorial board

KOZLOVA Natalia
Prof.

Editorial Board

ALEKSEEV S.
Assoc. Prof. (Moscow)
BOLSHAKOV A.
Prof. (Kazan)
BORSHCHEVSKY G.
Prof. (Moscow)
BRONNIKOV I.
Assoc. Prof. (Moscow)
VATYL V.
Prof. (Grodno)
GRISHIN O.
Assoc. Prof. (Moscow)
ILMJARV M.
PhD (Tallinn)
HORINA G.
Prof. (Moscow)
KAPITSYN V.
Prof. (Moscow)
KERYAN G.
Prof. (Yerevan)
KOZLOVA N.
Prof. (Tver)
KURILLA I.
Prof. (Saint-Petersburg)
LEONTIEVA O.
Assoc. Prof. (Tiraspol)
LEDYAEV V.
Ph.D. (Manchester), Prof. (Moscow)
MINEEVA E.
Prof. (Cheboksary)
NASIMOVA G.
Prof. (Almaty)
OMELCHENKO N.
Prof. (Moscow)
PASTUHOVA L.
Assoc. Prof. (Moscow)
PROROK V.
PhD (Prague)
SERGEVNIN V.
Prof. (Macomb)
SKIPERSKIH A.
Prof. (Yelets)
SHIROKOV O.
Prof. (Cheboksary)
SOKOLOV A.
Assoc. Prof. (Yaroslavl)
TUROVSKY R.
Prof. (Moscow)
CHERNYSHOV Y.
Prof. (Barnaul)
YURCHENKO S.
Prof. (Simferopol)

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Е.Г. Абраменко
РОЛЬ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В ЗАЩИТЕ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ ЖЕНЩИН
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ
6

М.А. Кашина, И.С. Клецина
РОЛЕВОЙ КОНФЛИКТ РАБОТАЮЩЕЙ ЖЕНЩИНЫ И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЕ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ЗАДАЧА ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ
22

Л.Я. Прокопенко
ЮЖНОАФРИКАНКИ В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ ЗА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАВА ЖЕНЩИН
35

А.В. Швецова, И.А. Симонова
СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТА «НЕМАТЕРИНСКИЕ ПРАКТИКИ МАТЕРЕЙ» КАК ОСНОВЫ ОПТИМИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ МАТЕРИНСТВА
48

М.Ю. Милованова
ПОЛИТИКА ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА
В СОВРЕМЕННОМ ОЛИМПИЙСКОМ ДВИЖЕНИИ
61

К.М. Табаринцева-Романова
К ВОПРОСУ О ДОСТИЖЕНИИ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА (ЦУР 5)
В КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ ИТАЛИИ
81

Н.Н. Козлова, С.В. Рассадин
НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ДЕЙСТВИЙ В ИНТЕРЕСАХ ЖЕНЩИН:
В ПОИСКАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОДЕЛИ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
93

Р.Н. Сулейманова
ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО В РОССИИ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ:
АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР
111

А.К. Сковиков
ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА: МИРОВОЙ ОПЫТ
И РОССИЙСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ
121

СТАТЬИ

А.Н. Чумиков
КОММУНИКАЦИИ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАН В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ КАК ФАКТОРЫ УПРАВЛЕНИЯ ВОСПРИЯТИЕМ АКТУАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА
136

В.А. Волох, А.Е. Надеждин
СОВРЕМЕННАЯ ГЕРМАНИЯ: ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЙ ТРЕК, ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ ДЕЙСТВИЯ КОАЛИЦИОННОГО ДОГОВОРА И МИГРАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ
159

Н.А. Григорьев
ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ
173

РЕЦЕНЗИЯ

А.В. Баранов
АКТУАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В КРЫМУ
186

Наши авторы
195

The contents

В журнале отражены личные взгляды авторов,
которые могут не совпадать с позицией редакции журнала «PolitBook».

ТЕМА НОМЕРА

Е.Г. Абраменко

РОЛЬ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В ЗАЩИТЕ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ ЖЕНЩИН В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация

Политико-правовой институт парламентаризма обладает потенциалом как в защите прав и интересов женщин, так и в их продвижении в систему управления. Ключевым элементом парламентаризма является парламент, который как орган законодательной власти обладает возможностью принимать законы, касающиеся вопросов внутренней и внешней политики, а также, он как орган представительной власти может содействовать как увеличению представленности женщин, так и активизации их законотворческой деятельности. В период с 2000 по 2019 гг. количество женщин парламентариев увеличилось с 10,9% до 40%, количество женщин-руководителей постоянных комиссий с 2 в 2012 до 4 в 2019 гг. Особенностью политико-правового института парламентаризма в Республике Беларусь является наличие в политической системе высшего представительного органа – Всебелорусского народного собрания, наделенного полномочиями в сфере определения стратегических направлений развития общества и государства. Существование и нормальное функционирование института парламентаризма невозможно без гражданского общества с разветвленной структурой инициативных групп. Наиболее значимыми общественными объединениями в Республике Беларусь являются профсоюзы, которые имеют право на участие в разработке и реализации социально-экономической политики государства, а

E. Abramenko

THE ROLE OF PARLIAMENTARISM IN PROTECTING WOMEN'S RIGHTS AND INTERESTS IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract

The political-legal institution of parliamentarism has the potential to both protect women's rights and interests and promote their advancement in governance. A key element of parliamentarism is parliament, which, as a legislative body, has the capacity to pass laws on domestic and foreign policy issues, and, as a representative body, can help both increase women's representation and women's legislative activity. In the period from 2000 to 2019, the number of women parliamentarians increased from 10, 9% to 40%, the number of women heads of standing commissions from 2 in 2012 to 4 in 2019. The peculiarity of the political and legal institution of parliamentarism in the Republic of Belarus is the presence in the political system of the supreme representative body - the All-Belarusian People's Assembly, empowered to determine the strategic directions of development of society and the state. The existence and normal functioning of the institution of parliamentarism is impossible without a civil society with an extensive structure of initiative groups. The most significant public associations in the Republic of Belarus are trade unions, which have the right to participate in the development and implementation of the social and economic policy of the state, as well as opportunities for promoting women's leadership. One of the civil society institutions promoting active participation of women in state governance is the "Belarusian Women's Union". The author draws

также возможности продвижения женщин в руководство. Одним из институтов гражданского общества, содействующих активному участию женщин в управлении государством является «Белорусский союз женщин». Автор обращает внимание на то, что потенциалом в продвижении идей гендерного равенства обладает молодежный парламент. В целом, перспективными направлениями повышения роли парламентаризма в защите прав и интересов женщин, достижении гендерного равенства, исходя из белорусских традиций видится усиление сотрудничества Парламента с профсоюзами, Белорусским союзом женщин через создание консультативных групп и учет гендерной проблематики при принятии законопроектов.

attention to the fact that the youth parliament has the potential to promote ideas of gender equality. In general, we see promising directions for increasing the role of parliamentarism in protecting women's rights and interests and achieving gender equality, based on Belarusian traditions, in strengthening cooperation between the Parliament and trade unions and the Belarusian Women's Union through the creation of advisory groups and taking gender issues into account when adopting draft laws.

Ключевые слова:
Республика Беларусь, парламентаризм, гендерное равенство, права женщин, парламент, гражданское общество, политические партии, профсоюзы, молодежный парламентаризм.

Key words:
Republic of Belarus, parliamentarism, gender equality, women's rights, parliament, civil society, political parties, trade unions, youth parliamentarism.

https://doi.org/10.24412/2227-1538-2023-4-6-21

На сегодняшний день система органов власти в Республике Беларусь представляет собой «гендерную пирамиду», существует «гендерная асимметрия», т.к. на нижних уровнях количество женщин максимально, а при переходе к более высоким уровням иерархии – снижается. Таким образом несмотря на то, что женщины, как социально-демографическая группа составляют более половины белорусского общества (53,7%), они недостаточно представлены в системе управления и не могут использовать возможность определения направления социально-экономического развития общества.

Республикой Беларусь ратифицированы важнейшие конвенции в области гендерного равенства: Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (КЛДЖ) и факультативный протокол к ней, Пекинская декларация, декларация об искоренении насилия в отношении женщин. Принцип гендерного равенства закреплен в Конституции Республики Беларусь, Избирательном кодексе, законах «О политических партиях», «Об общественных объединениях», «О профессиональных союзах», «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» и др.

На сегодняшний день специалистами в области гендерных исследований разрабатывается множество направлений, среди которых выделяется и

изучение гендерных аспектов политики. Среди основных направлений исследования гендерного неравенства в политической сфере являются изучение особенностей электорального поведения, политического участия женщин, представительства и парламентской деятельности. Эти вопросы рассматриваются в работах С.Г. Айвазовой [3], В.Г. Ушаковой [18], Н.А. Шведовой [21; 22; 23], Н.Н. Степановой [16], Р.Ф. Матвеева, Т.А. Королевой [10], Ф.И. Храмцовой [19], И.Р. Чикаловой [19], О.В. Лапа [11], Э.Н. Северина [13], Л.Г. Волиной [7], Д.Н. Скютте [14] и др.

Достижение гендерного равенства возможно только в случае наличия определенных механизмов по обеспечению прав и свобод женщин. Важную роль играет вовлечение женщин в процесс выработки и реализации государственной политики [13, с. 99]. Реализация прав и интересов женщин, их приход во власть – это объективная историческая неизбежность, если речь идет о строительстве демократического государства [22, с. 38]. Проблема защиты прав и интересов женщин особенно обострилась во время пандемии COVID-19: вытеснение женщин с рынка труда и увеличение гендерного разрыва в оплате труда [21, с. 34].

Целью данного исследования является определение роли политико-правового института парламентаризма в защите прав и интересов женщин и продвижения, и повышения их статуса в общественно-политической жизни.

При проведении исследования использовались общенаучные методы (анализ, синтез индукция, дедукция), социологический метод, системный подход, Системный подход позволил рассмотреть вопросы гендерного равноправия во всем комплексе. Социологический метод позволил выявить асимметрию при реализации прав женщин на практике. Нормативно-правовую базу исследования составили Конституция Республики Беларусь, Избирательный кодекс Республики Беларусь, закон Республики Беларусь «О политических партиях», закон Республики Беларусь «Об общественных организациях», закон Республики Беларусь «О профессиональных союзах» и др.

В исследовании мы будем определять парламентаризм, как политический институт, обеспечивающий взаимодействие избранного на основе общепризнанных демократических процедур народного представительства (парламента) с другими органами государственной власти, отражающий его особое положение в государственной системе и реализующий сотрудничество государства с гражданским обществом [1, с. 4].

Парламент – ключевой элемент парламентаризма, является одним из центров принятия решений. Одной из его институциональных функций выступает подготовка, обсуждение и принятие новых законов и других нормативно-правовых актов, а также изменение, дополнение, упразднение существующих. Деятельность представительного органа сосредоточена на решении важнейших задач общественного и экономического развития страны и отдельных вопросов, в частности защите прав и интересов граждан.

В документах международных организаций с конца XX века распространилась точка зрения о том, что для того, чтобы эффективно влиять на принимаемые политические решения женщинам необходимо преодолеть критическую цифру в 30% от избранных парламентариев. Тем не менее, некоторые исследователи обращают внимание на то, что само по себе количество женщин в парламенте не может изменить государственную политику, хотя и признают, что чем больше в законодательном органе представителей определенной социальной группы, тем легче им защищать и продвигать свои интересы. Исходя из опыта скандинавских стран, можно сделать вывод о том, что более высокая представленность женщин в парламентах, как правило, соотносится с более социально направленной в отношении женщин политикой. Хельга М. Хернес в 1987 году впервые использовав термин «государство дружественное женщинам», отметила, что высокий уровень представительства женщин в законодательных и исполнительных органах власти позволяет им менять политику государства, которое в итоге внедряет широкие меры социальной поддержки женщин вообще [24, с. 90].

Аргументы в пользу необходимости роста женского представительства в структурах власти содержит теория представительства, в основе которой заложен принцип «естественной справедливости» (или «символического равенства») [20, с. 95]. Американская исследовательница Сьюзен Кэрол обращает внимание на то, что большое представительство женщин является своего рода индикатором демократичности [25, с. 307].

В парламенте Республики Беларусь наблюдается постепенное увеличение количества женщин-депутатов: в Палате представителей II созыва женщины составляли 10,9% от общего состава палаты, III созыва – 27,7%, IV созыва – 31,8% [2, с. 9], V созыва – 26,3%, VI созыва – 34,5%, то VII созыва – 40%. Однако доля женщин – членов Совета Республики уменьшилась с 31,2% в 1996 году до 23,4% в 2019 году от общего числа членов Совета Республики. Действующим Председателем Совета Республики является Н.И.

Кочанова. Вместе с тем, председателями палат Национального собрания были и остаются мужчины. Тем не менее, следует отметить увеличение количества женщин – председателей парламентских комиссий: в Палате представителей 5-го созыва председателями комиссий были 2 женщины, 7-го созыва – 4. На сегодняшний день женщины возглавляют комиссии по законодательству, по бюджету и финансам, по труду и социальным вопросам, по здравоохранению, физической культуре, семейной и молодежной политике.

Важным инструментом защиты социально-экономических, трудовых, политических прав женщин является Всебелорусское народное собрание (ВНС). Всебелорусские народные собрания проходили в 1996, 2001, 2006, 2010, 2016, 2021 гг. Они приобрели формат особой формы народовластия, которое наряду с выборами, референдумами, деятельностью парламента и местных советов позволили гражданам расширить свое участие в делах государства. На VI ВНС среди делегатов насчитывалось 36,4% женщин. Согласно ст. 89[1] Конституции Республики Беларусь Всебелорусское народное собрание является высшим представительным органом народовластия. ВНС является масштабным народным форумом, который объединяет представителей разных регионов, социальных групп, профессий и возрастов для обсуждения вопросов жизни государства и общества. Основной закон наделил его достаточно широкими полномочиями в области внутренней и внешней политики. Участие женщин в работе Всебелорусского народного собрания важно, как для улучшения представительства, так и оказания влияния на политическую практику с точки зрения повестки дня.

Гендерные вопросы оказывают влияние на все этапы избирательного процесса: от создания избирательных комиссий до выдвижения кандидатов и голосования. Выборы могут оказывать решающее влияние на увеличение представительства женщин, ведение избирательной кампании, просвещение избирателей. Среди основных инструментов в сфере поощрения участия женщин в избирательном процессе можно назвать следующие: участие женщин в разработке политики и предоставление данных о выборах с разбивкой по полу. Отчеты Центральной избирательной комиссии Республики Беларусь дают возможность определить ситуацию с выдвижением женщин на выборные должности и определить, какие изменения можно внедрить для выравнивания ситуации в будущем.

Согласно статистическим данным количество женщин, выдвинутых кандидатами в депутаты Палаты представителей Национального собрания Респуб-

лики Беларусь, постепенно увеличивается: на выборах 2000 года среди зарегистрированных кандидатов было 10,7% кандидатов-женщин, в 2004 г. – 15,3%, в 2008 г. – 18,9%, в 2012 г. – 19%, в 2016 г. – 23,8%, в 2019 г. – 26,1%.

Следует заметить, что условием для эффективного функционирования парламентаризма как представительного органа и политического института является гражданское общество с разветвленной структурой инициативных групп, которое необходимо для активизации участия граждан в процессе гражданской инициативы для выработки политических решений. Развитое гражданское общество представляет собой одновременно и источник, и следствие политической и гражданской активности общества [9]. Особенностью развития гражданского общества в Республике Беларусь является пока неэффективное функционирование политических партий.

С учетом невысокого интереса граждан к политическим партиям, последние должны быть заинтересованы в поддержании активности всех своих членов. Женщины необходимы партиям и как активные члены и как электорат [23, с. 23]. Однако, все еще существуют барьеры, которые препятствуют полноценному участию женщин. Ключевые посты, как правило, занимают мужчины, а интересы женщин не учитываются. Многочисленные исследования показывают, что женщины имеют больше препятствий для служебного роста, чем мужчины [5, с. 93]. Основные препятствия объясняются - лишением женщин доступа к информации и отношением окружающих основанном на скептицизме и желании видеть в роли руководителя мужчину.

По состоянию на январь 2023 года в Республике Беларусь было зарегистрировано 15 политических партий: Либерально-демократическая партия, Белорусская социально-спортивная партия, Белорусская партия «Зеленые», Социально-демократическая партия народного согласия, Белорусская аграрная партия, Республиканская партия, Консервативно-христианская партия – БНФ, Партия БНФ, Республиканская партия труда и справедливости, Белорусская партия левых «Справедливый мир», Объединенная гражданская партия, Белорусская патриотическая партия, Партия «Белорусская социально-демократическая Грамада», Белорусская социально-демократическая партия (Грамада), Коммунистическая партия Беларуси. Среди лидеров партий женщин не было. Согласно Закону «Об изменении законов по вопросу деятельности политических партий и других общественных объединений» от 14 февраля 2023 года все действующие в Республике Беларусь политические партии должны пройти перерегистрацию до сентября 2023 года. Перерегистрацию

прошли 3 политические партии: Коммунистическая партия Беларуси (КПБ), Либерально-демократическая партия Беларуси (ЛДПБ) и Республиканская партия труда и справедливости (РТПС), также в 2023 году. была зарегистрирована партии «Белая Русь».

В высший совет Либерально-демократической партии (ЛДП) входят – 3 мужчины, и 1 женщина; среди председателей региональных отделений 14 женщин и 46 мужчин; в руководстве Республиканской партии труда и справедливости (РПТС) 4 женщины, 4 мужчины; в центральных органах Коммунистической партии Беларуси женщин нет, среди первых секретарей, райкомов, горкомов, секретарей обкомов 51 женщина и 91 мужчина.

Как правило, в программных документах политические партии говорят о равенстве в целом и о правах женщин. Чаще всего целью является защита социально-экономических, трудовых и семейных прав и интересов женщин. В программах политических партий фиксируется как социальный запрос на сохранение или изменение общественно-политического порядка, так и уровень знаний умений и навыков различных социальных слоев и групп [6, с. 92].

Партии имеют возможность для развития потенциала женщин, приобретения ими навыков политической деятельности. Партийная представительность женщин – парламентариев также невелика (таблица 1).

Таблица 1 – Партийная представительность женщин в Палате представителей Национального собрания Республики Беларусь

	II созыв		III созыв		IV созыв		V созыв		VI созыв		VII созыв	
Количество мужчин и женщин	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Коммунистическая партия Беларуси	6	0	2	3	4	2	2	2			4	7
Республиканская партия труда и справедливости	2	0					0	1	2	2	2	3
Социал-демократическая партия Народного согласия	1	0										
Белорусская аграрная партия	5	0	3	0	1	0	2	0			0	1
Объединенная гражданская партия	2	0							0	1		
Либерально-демократическая партия	1	0	1	0					1	0	1	0
Белорусская социально-спортивная партия	1	0										
Белорусская патриотическая партия									2	1	1	0

14 февраля 2023 года принят Закон «Об основах гражданского общества», устанавливающий правовые и организационные основы взаимодействия государственных органов и организаций и гражданского общества. В соответствии с данным законом Министерство юстиции Республики Беларусь своим решением отнесло к субъектам гражданского общества имеющим право взаимодействовать с государственными органами: Республиканское общественное объединение «Белая Русь», Белорусское общественное объединение ветеранов, Общественное объединение «Белорусский республиканский союз молодежи», Общественное объединение «Белорусский союз женщин» и Федерацию профсоюзов Беларуси.

Наиболее значимыми общественными объединениями в Республике Беларусь являются профсоюзы. На сегодняшний день Федерация профсоюзов Беларуси насчитывает белее 4 млн человек. Она объединяет 15 отраслевых профсоюзов, 6 областных и Минское городское объединения профсоюзов, а также 137 районных, городских объединений профсоюзов.

Согласно Закону Республики Беларусь «О профессиональных союзах», профсоюзы имеют право на участие в разработке и реализации социально-экономической политики государства и таким образом участвовать и в разработке гендерной политики (в частности, в области реализации и защиты трудовых прав). Профсоюзы имеют право проводить мониторинг занятости, проверять соблюдение законодательства о труде, охране труда, выполнения коллективных договоров, соблюдения социально-экономических прав трудящихся.

Одним из ключевых направлений деятельности Федерации профсоюзов Беларуси по защите прав работников является социальное партнерство (взаимодействие органов государственного управления, объединений нанимателей, профессиональных союзов). Согласно Конституции Республики Беларусь профсоюзы не обладают правом законодательной инициативы, однако профсоюзы вправе вносить в установленном порядке в органы государственного управления предложения о принятии, изменении или отмене актов законодательства Республики Беларусь по трудовым и социально-экономическим вопросам. Согласно Регламенту Совета Министров Республики Беларусь, проекты постановлений по вопросам, затрагивающим трудовые и социально-экономические права и интересы граждан, должны направляться в Федерацию профсоюзов Беларуси для внесения возможных замечаний и предложений. При внесении проекта в Совет Министров Республики Бела-

русь к нему прилагается информация о результатах его рассмотрения Федерацией профсоюзов Беларуси.

Нормативно-правовые акты, которые касаются трудовых и социально-экономических прав граждан, принимаются после предварительного уведомления соответствующего отраслевого профсоюза (объединений профсоюзов). Представители профсоюзных организаций, входящих в ФПБ, включены в состав Национального совета по трудовым и социальным вопросам, в коллегии министерств и ведомств.

Положительной тенденцией является возрастание участия профсоюзов в разработке нормативно-правовых актов. С 2015-2020 гг. ФПБ рассмотрела и внесла предложения в более чем 600 проектов нормативных правовых актов. В 2019 году Национальный профцентр впервые выступил одним из разработчиков законопроекта по изменению Трудового кодекса. Федерация профсоюзов внесла более 40 предложений по изменению 30 статей. Такое сотрудничество профсоюзов и законодательного органа будет способствовать развитию и совершенствованию парламентаризма.

В январе 2020 года по инициативе Федерации профсоюзов принят Указ Президента РБ №15, касающийся назначения пенсий за особые условия труда. Также, решены вопросы пенсионного обеспечения матерей с четырьмя детьми (в трудовой стаж сейчас насчитывается время ухода за всеми четырьмя детьми, а не тремя, как было ранее). До этого был снижен до 10 лет страховой стаж для начисления трудовой пенсии.

Согласно Программе деятельности Федерации Профсоюзов Беларуси, на 2020-2025 гг. одной из задач деятельности ФПБ является анализ социально-экономического положения работающих мужчин и женщин по уровню заработной платы, условиям труда, формам занятости, соблюдению государственных социальных гарантий, внесению предложений по соблюдению гендерного равенства.

Меры по поддержке женщин, защите их прав носят комплексный характер. Это устранение барьеров при приеме на работу, продвижении по службе, оплате труда, а также создание дополнительных возможностей для развития личностного потенциала.

Стоит отметить, что среди руководителей областных объединений профсоюзов женщин нет, однако среди руководителей районных и городских объединений женщины преобладают: 65,5% женщин и 34,5% мужчин. Среди руководителей отраслевых профсоюзов 6 женщин и 9 мужчин.

С одной стороны, выдвигая кандидатуры на руководящие посты, профсоюзы исходят из Концепции кадровой политики ФПБ, но с другой – именно профсоюзы могут оказать существенное влияние на продвижение женщин в руководство.

В аппарате отраслевых профсоюзов в большинстве случаев женщины являются главными бухгалтерами (102 женщины / 1 мужчина), руководителями отделов социально-экономической работы (39 женщин / 12 мужчин), главными правовыми инспекторами труда (50 женщин / 37 мужчин), в то время как главными техническими инспекторами труда преимущественно являются мужчины (26 женщин / 58 мужчин).

Стоит отметить, что белорусским профсоюзом работников химической, горной и нефтяной отраслей промышленности принята Концепция гендерной политики, а белорусским профсоюзом работников связи создан Совет по работе среди женщин, целью деятельности которого является усиление социальной защищенности женщин, обеспечение их прав и свобод, удовлетворение профессиональных и любительских интересов, укрепления семьи, охраны материнства и детства, вовлечения женщин в общественную деятельность.

Таким образом, защищая социально-экономические и трудовые права и интересы трудящихся и являясь наиболее многочисленной общественной организацией Федерация профсоюзов Беларуси через участие в законотворческой деятельности имеет возможность влияния на формирование гендерной политики и защите социально-экономических и трудовых прав и интересов женщин.

На сегодняшний день именно у профсоюзов есть условия для расширения участия женщин в социально-политической жизни. Профсоюзам необходимо обеспечивать равные возможности для женщин и мужчин для развития навыков, которые необходимы для успешных общественных деятелей. Средством для достижения этой цели является обязательное предоставление женщинам и мужчинам возможности занимать ответственные посты в организации и быть представленными в органах, принимающих решения.

Одним из институтов гражданского общества является «Белорусский союз женщин». Данная общественная организация имеет отделения во всех регионах страны, направляет усилия на содействие активному участию женщин в управлении государством, в обеспечении достойной работы, улучшения их благосостояния и здоровья, получению качественного образо-

вания, обеспечению здорового образа жизни, продовольственной безопасности, сохранению экосистем, сокращению всех форм насилия, обеспечению гендерного равенства.

«Белорусский союз женщин» среди направлений свой деятельности на 2021-2025 гг. выделяет содействие повышению социального статуса женщин в обществе, их участию в экономической, социальной и политической деятельности государства; участие женщин в проведении выборов в органы представительной власти, оказание содействия в выдвижении своих членов в местные Советы депутатов и Парламент, избирательные комиссии, осуществление наблюдения за выборами; участие в разработке и реализации законодательства, гарантирующего гендерное равенство в различных сферах жизнедеятельности, участие в гендерной экспертизе проектов законопроектов и др. На сегодняшний день большинство женщин депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь является представителями «Белорусского союза женщин».

В соответствии с КЛДЖ государства-участники должны содействовать назначению женщин на руководящие посты, консультироваться с группами, которые представляют интересы женщин, и учитывать их рекомендации. В связи с этим, при разработке законодательства затрагивающего вопросы гендерного равенства было бы целесообразно создать консультативные группы в составе представителей «Белорусского союза женщин» и профильных профсоюзов. Для обеспечения эффективности консультаций необходимо соблюдать следующие условия: своевременное предоставление информации; установление четких сроков для обсуждения проблем и выработки рекомендаций; создание механизма, через который лица принимающие решения должны предоставить отзывы об итогах консультаций и четкое обоснование принятых или отклоненных предложений с установлением конкретных сроков; обязательный учет внесенных предложений и коммуникация по разработке дальнейших действий.

Как специфический политический институт парламентаризм создает условия для развития местного самоуправления. Важность роли органов местного самоуправления обусловлено его надполитическим характером, так как в отличие от политических партий и общественных организаций, которые отражают интересы отдельных социальных групп, данные структуры объединяют все население данной территории.

Удельный вес женщин – депутатов местных Советов значительно больше, чем среди депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, причем на региональном уровне их количество растет: среди депутатов местных советов 24 созыва женщины составляли 44,41%, 25 созыва – 45,7%, 26 созыва – 45,5%, 27 созыва – 46,3%, а 28 созыва – 48,2%.

При областных и Минском городском исполнительных комитетах созданы экспертные группы по реализации гендерной политики, но их работа ограничивается реализацией принятых нормативно-правовых актов. Поддерживая мнение Ф.И. Храмцовой, среди задач развития регионального уровня можно назвать развитие потенциала экспертных рабочих групп, в области инициирования разработки и совершенствования административных, правовых, управленческих основ партнерства с институтами государственной власти и структурами гражданского общества; во-вторых, формирование современной гендерной культуры руководителей, их заместителей и специалистов местных органов управления через систему повышения квалификации и переподготовку кадров; в-третьих, подготовку специалистов в области гендерной экспертизы законодательства [19, с. 337-338].

Перспективным направлением в продвижении идей гендерного равенства является развитие молодежного парламентаризма, который представляет собой систему представительства прав и законных интересов молодежи как особой социальной группы, основанной на создании и функционировании при органах государственной власти или в установленном ими порядке специальной общественной консультативно – совещательной структуры молодежи – молодежного парламента, а также иных общественных институтов участия молодых граждан в жизни государства [17, с. 35]. Молодежное участие является важным аспектом общественно-политической жизни, оно позволяет получить опыт диалога между различными субъектами гражданского общества, создает возможности для принятия молодыми людьми ответственности за развитие государства и общества [12, с. 159].

Молодежный парламент Республики Беларусь создан при Совете Республики Национального собрания Республики Беларусь в июле 2020 года. Целью его деятельности является содействие деятельности Национального собрания Республики Беларусь в области законодательного регулирования прав и интересов молодежи. Таким образом, Молодежный парламент содей-

ствует артикуляции проблем и интересов молодежи, развитию политико-правовой культуры и гражданской активности молодых граждан, а также проводиться просветительская работа в области гендерных знаний, соответствующих проводимой государственной политике. Молодежные парламенты – это поле для выявления лидеров, интересующихся общественно-политической деятельностью, они дают возможность для создания резерва подготовленных специалистов, как для регионов, так и государства в целом. В составе первого созыва Молодежного парламента Республики Беларусь (2020–2022 гг.) наблюдался гендерный паритет, на сегодняшний день преобладают девушки – 58,6%. Тем не менее, в руководстве Молодежного парламента девушек нет, и они возглавляют 3 комиссии из 10.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что парламентаризм играет важную роль в отстаивании гендерного равенства. В конце 80-х гг. XX века норвежским политологом Хельгой М. Хернес было обосновано понятие «государство дружественное женщинам», она отмечала, что высокий уровень представительства женщин в органах власти позволяет им трансформировать социальную политику государства и внедрять меры по поддержке женщин. Ф. Гардинер и М. Лейенар связали понятие «Государство дружественное женщинам» с таким явлением, как культура равенства, т.е. стремление государства и общества к разработке и реализации мер, направленных на достижение равного распределения экономических, социальных и политических ресурсов между мужчинами и женщинами» [8, с. 95]. Культура равенства напрямую связана с теми шагами, которые предпринимаются для увеличения представительства женщин в составе парламента, правительства и институтов гражданского общества. Без заинтересованной законодательной власти работа в этом направлении может замедлиться и исчезнуть с повестки дня. Повышение эффективности работы Парламента на всех стадиях принятия решений во много зависит от продвижения женщин в органы власти и принятия мер по достижению гендерного паритета. Для того, чтобы гарантировать сохранение гендерных инициатив в законодательных и правительственных повестках дня, а также обеспечивать расширенную подотчетность и прозрачность в этом отношении, Республике Беларусь целесообразно усилить роль парламента в отношении развития гендерного равенства, и рассмотреть возможность учета гендерных факторов при разработке и реализации общегосударственных и отраслевых планов и программ. Необходимо расширить взаимодействие Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь с такими

институтами гражданского общества как профсоюзы, Белорусский союз женщин, Молодежный парламент для продвижения и защиты прав женщин во всех сферах, всестороннего учета гендерной проблематики, пропаганде гендерного равенства исходя из традиций белорусского народа.

Литература

1. Абраменко Е.Г. Гендерная политика: достижения и перспективы развития // Научные труды Республиканского института высшей школы. 2019. Вып. 18. С. 3-12.

2. Абраменко Е.Г. Парламентаризм в Республике Беларусь: направления развития // Научные труды Республиканского института высшей школы. 2020. Вып. 19. С. 3-12.

3. Айвазова С.Г. Гендерные особенности политического поведения россиян в контексте избирательного цикла парламентских и президентских выборов 2011-2012 гг. // Женщина в российском обществе. 2012. №3. С. 3-11.

4. Айвазова С.Г. Стратегия ««empauerment» в контексте массовой политики (гендерный аспект) // Женщина в российском обществе. 2013. №3. С. 3-12.

5. Бендас Т.В. Гендерные исследования лидерства // Вопросы философии. 2000. №1. С. 87-95.

6. Ватыль В.Н. Идеология предвыборных кампаний как школа политического образования // Белорусская политология: многообразие в единстве: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Гродно, 2012. С. 91-94.

7. Волина Л.Г. Институты реализации гендерной политики в Республике Беларусь // Научные труды Республиканского института высшей школы. 2012. Вып. 11. С. 29-36.

8. Гардинер Ф., Лейнар М. Обеспечение равенства полов: политика стран Западной Европы. Москва: Идея-Пресс, 2000. С. 95-133.

9. Головин Ю.А., Барский Я.В., Шумилов А.В. Практика взаимодействия населения с общественными организациями как институциональная форма проявления гражданской активности на региональном уровне // PolitBook. 2020. №4. С. 44-58.

10. Королева Т.А. Обеспечение равенства женщин в Финляндии: специфика гендерной политики // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. №4. С. 134-139.

11. Лапа О.В. Эволюция идеи прав женщин // Вестник Гродненского государственного университета им. Янки Купалы. История и археология. Философия. Политология. 2017. №9(3). С. 132-140.

12. Пастухова Л.С. Международный опыт молодежного парламентаризма // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2010. №2. С. 158-161.

13. Романова Н.П. Гармонизация гендерных отношений как составляющая процесса демократических преобразований // Вести Забайкальского государственного университета. 2018. №24(3). С. 93-102.

14. Северин Э.Н. Гендерная политика. Международный и национальный аспекты // Актуальные вопросы теории государственной политики и управления в современной политологии: материалы круглого стола кафедры политологии Белорусского госуд. ун-та. Минск, 2021. С. 81-86.

15. Скютте Д.Н. Конституционно-правовые основы обеспечения и реализации политических прав женщин в Республике Беларусь: теория и практика. Минск: БИП, 2022. 270 с.

16. Степанова Н.М., Кириченко М.М. Гендерная реконструкция политических систем. СПб: Алтея, 2003. 991 с.

17. Тумуров Ж.Т. Молодежный парламентаризм как политическое явление // Вестник Забайкальского государственного университета. 2013. №10. С. 32-37.

18. Ушакова В.Г. Гендер и электоральные предпочтения российских граждан: сб. науч. статей по итогам зимней социологической школы в 2011 г. СПб.: Скифия-Принт, 2013. С. 105-128.

19. Храмцова Ф.И. Гендерная политика в Республике Беларусь: региональное измерение // Социологический альманах. 2018. №9. С. 331-340.

20. Чикалова И.Р. Введение в гендерные исследования. СПб.: Алтея, 2001. С. 80-106.

21. Шведова Н.А. Гендерные роли в США: бремя пандемии коронавируса // США и Канада: экономика-политика-культура. 2022. №3. С. 23-40.

22. Шведова Н.А. Женское лидерство в мире «продвижение вперед» // Женщина в российском обществе. 2022. №1. С. 32-47.

23. Шведова Н.А. Политические партии и гендерное равенство // Женщина в российском обществе. 2016. №4. С. 13-30.

24. Borchorst A., Siim B. The women-friendly welfare states revisited // NORA – Nordic Journal of Feminist and Gender Research. 2002. Vol. 10:2. P. 90–98.

25. Carroll S. Women Candidates and Support for Feminist Concerns // Western Political Quarterly. 1984. Vol. 37(2). P. 307-323.

References

1. Abramenko E.G. Gendernaya politika: dostizheniya i perspektivy razvitiya. Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly. 2019. Vyp. 18. S. 3-12.

2. Abramenko E.G. Parlamentarizm v Respublike Belarus': napravleniya razvitiya. Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly. 2020. Vyp. 19. S. 3-12.

3. Aivazova S.G. Gendernye osobennosti politicheskogo povedeniya rossiyan v kontekste izbiratel'nogo tsikla parlamentskikh i prezidentskikh vyborov 2011-2012 gg. Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2012. №3. S. 3-11.

4. Aivazova S.G. Strategiya ««empauerment» v kontekste massovoi politiki (gendernyi aspekt). Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2013. №3. S. 3-12.

5. Bendas T.V. Gendernye issledovaniya liderstva. Voprosy filosofii. 2000. №1. S. 87-95.

6. Vatyl' V.N. Ideologiya predvybornykh kampanii kak shkola politicheskogo obrazovaniya. Belorusskaya politologiya: mnogoobrazie v edinstve: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Grodno, 2012. S. 91-94.

7. Volina L.G. Instituty realizatsii gendernoi politiki v Respublike Belarus'. Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly. 2012. Vyp. 11. S. 29-36.

8. Gardiner F., Leinar M. Obespechenie ravenstva polov: politika stran Zapadnoi Evropy. Moskva: Ideya-Press, 2000. S. 95-133.

9. Golovin Yu.A., Barskii Ya.V., Shumilov A.V. Praktika vzaimodeistviya naseleniya s obshchestvennymi organizatsiyami kak institutsional'naya forma proyavleniya grazhdanskoi aktivnosti na regional'nom urovne. PolitBook. 2020. №4. S. 44-58.

10. Koroleva T.A. Obespechenie ravenstva zhenshchin v Finlyandii: spetsifika gendernoi politiki // Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk. 2012. №4. S. 134-139.

11. Lapa O.V. Evolyutsiya idei prav zhenshchin. Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yanki Kupaly. Istoriya i arkheologiya. Filosofiya. Politologiya. 2017. №9(3). S. 132-140.

12. Pastukhova L.S. Mezhdunarodnyi opyt molodezhnogo parlamentarizma. Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta. 2010. №2. S. 158-161.

13. Romanova N.P. Garmonizatsiya gendernykh otnoshenii kak sostavlyayushchaya protsessa demokraticheskikh preobrazovanii.Vesti Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. №24(3). S. 93-102.

14. Severin E.N. Gendernaya politika. Mezhdunarodnyi i natsional'nyi aspekty // Aktual'nye voprosy teorii gosudarstvennoi politiki i upravleniya v sovremennoi politologii: materialy kruglogo stola kafedry politologii Belorusskogo gosud. un-ta. Minsk, 2021. S. 81-86.

15. Skyutte D.N. Konstitutsionno-pravovye osnovy obespecheniya i realizatsii politicheskikh prav zhenshchin v Respublike Belarus': teoriya i praktika. Minsk: BIP, 2022. 270 s.

16. Stepanova N.M., Kirichenko M.M. Gendernaya rekonstruktsiya politicheskikh sistem. SPb: Alteya, 2003. 991 s.

17. Tumurov Zh.T. Molodezhnyi parlamentarizm kak politicheskoe yavlenie. Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. №10. S. 32-37.

18. Ushakova V.G. Gender i elektoral'nye predpochteniya rossiiskikh grazhdan: sb. nauch. statei po itogam zimnei sotsiologicheskoi shkoly v 2011 g. SPb.: Skifiya-Print, 2013. S. 105-128.

19. Khramtsova F.I. Gendernaya politika v Respublike Belarus': regional'noe izmerenie. Sotsiologicheskii al'manakh. 2018. №9. S. 331-340.

20. Chikalova I.R. Vvedenie v gendernye issledovaniya. SPb.: Alteya, 2001. S. 80-106.

21. Shvedova N.A. Gendernye roli v SShA: bremya pandemii koronavirusa. SShA i Kanada: ekonomika-politika-kul'tura. 2022. №3. S. 23-40.

22. Shvedova N.A. Zhenskoe liderstvo v mire «prodvizhenie vpered». Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2022. №1. S. 32-47.

23. Shvedova N.A. Politicheskie partii i gendernoe ravenstvo. Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2016. №4. S. 13-30.

24. Borchorst A., Siim B. The women-friendly welfare states revisited. NORA – Nordic Journal of Feminist and Gender Research. 2002. Vol. 10:2. P. 90–98.

25. Carroll S. Women Candidates and Support for Feminist Concerns. Western Political Quarterly. 1984. Vol. 37(2). P. 307-323.

М.А. Кашина,
И.С. Клецина

РОЛЕВОЙ КОНФЛИКТ РАБОТАЮЩЕЙ ЖЕНЩИНЫ И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЕ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ЗАДАЧА ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация
Актуальность преодоления конфликта ролей работающей женщины возрастает в современных условиях, когда Россия имеет явно выраженные демографические проблемы и испытывает сложности с трудовыми ресурсами. Несмотря на то, что этот конфликт давно и хорошо известен, заметных сдвигов в его разрешении не наблюдается. Тем самым гендерная политика в этой части оказывается недостаточно эффективной и требует большего научного обоснования. Цель исследования: систематизировать в контексте гендерной политики отечественные научные публикации, посвященные описанию ролевого конфликта работающей женщины и практик его преодоления. Эмпирическую базу составили индексируемые в РИНЦ высокоцитируемые статьи, опубликованные в период 1989-2023 гг. Дизайн – качественное исследование, метод – анализ вторичных данных. Результаты: Ролевой конфликт работающей женщины имеет внутриличностную природу и вызван объективными и субъективными причинами. К объективным относятся состояние здоровья женщины, статус и режим занятости, наличие маленьких детей. Субъективные связаны с завышенными требованиями к семейным ролям со стороны самой женщины и близкого социального окружения, отсутствие у женщины заметных достижений в профессиональной сфере, недостаток под-

M. Kashina,
I. Kletsina

THE ROLE CONFLICT OF A WORKING WOMAN AND ITS OVERCOMING AS A SUBJECT OF SCIENTIFIC RESEARCH AND AS A TASK OF GENDER POLICY

Abstract
Modern Russia has obvious demographic problems and escalating difficulties with labor resources so the relevance of overcoming the conflict of roles of a working woman is increasing. This conflict has been well known for a long time, but there is not noticeable success in its decision. Thus, gender policy in this part is not effective enough and requires more scientific justification. Purpose of the paper: to systematize, in the context of gender policy, domestic scientific publications devoted to the description of the role conflict of working women and the practices of overcoming it. The empirical base consisted of highly cited articles indexed in the RSCI, published in the period 1989 - 2023. The research design is desk research; the method is secondary data analysis. Results: The role conflict of a working woman is of an intrapersonal nature and is caused by objective and subjective reasons. Objective reasons are the woman's health status, employment status and regime, and little kids. Subjective ones are excessive demands for family roles on the part of the woman herself and her close social environment, the woman's lack of noticeable achievements in the professional sphere, and the husband's lack of support for his wife's work. Three main concepts for resolving the role conflict of a working woman have been formed in the literature: balancing family and work, improving the quality of family life, and improving the quality of

держки мужем работы жены. В литературе сформировались три основных концепции решения ролевого конфликта работающей женщины: баланс семьи и работы, повышение качества семейной жизни, повышение качества трудовой жизни. Они делают акценты на разных аспектах ролевого конфликта и могут использоваться разными акторами гендерной политики. При этом необходима комплексная деятельность на всех уровнях общественной системы: индивидуальном, межличностном, в организациях, на институциональном, в частности, через организацию государством системной работы по преодолению консервативных гендерных стереотипов, оставляющих работающую женщину наедине со своей проблемой совмещения семейных и профессиональных ролей. Направления дальнейшей работы связаны с проведением компаративных исследований, позволяющих выявить страновую специфику практик разрешения данного универсального конфликта.

Ключевые слова:
баланс семьи и работы, гендерные роли, семейные роли, двойная занятость, качество семейной жизни, качество трудовой жизни, политика в отношении женщин.

working life. They focus on different aspects of role conflict and can be used by different actors of gender politics. At the same time, complex activities are needed at all levels of the social system: individual, interpersonal, in organizations, institutional, in particular, through the organization of systematic work by the state to overcome conservative gender stereotypes that leave working women alone with their problem of combining family and professional roles. Directions for further work are related to conducting comparative studies that make it possible to identify the country's specific of practices for resolving this common conflict.

Key words:
work-family balance, gender roles, family roles, dual employment, quality of family life, quality of work life, women's policies.

https://doi.org/10.24412/2227-1538-2023-4-22-34

Распоряжением Правительства РФ от 29 декабря 2022 года №4356-р была утверждена Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023-2030 гг. В ее преамбуле отмечается, что она направлена на «обеспечение принципа равных прав и свобод мужчин и женщин, и создание равных возможностей для их реализации». Во втором разделе документа «Оценка и изменение положения женщин в Российской Федерации» подчеркивается, что «Сохраняются барьеры занятости для женщин, обусловленные стереотипными представлениями о социальных ролях мужчин и женщин. Женщины имеют высокую бытовую нагрузку, в том числе по уходу за детьми и иными членами семьи, полностью или частично лишенными способности к самообслуживанию. По опросам Федеральной службы государственной статистики, работающие женщины тратят на ведение домашнего хозяйства на 1,5-2 часа, или в 2-2,5 раза, больше времени, чем мужчины. Это создает трудности в совмещении женщинами семейных обязанностей и трудовой деятельности.

При высоком уровне образования и занятости разрыв в заработной плате женщин и мужчин в среднем по экономике практически не меняется и сохраняется на высоком уровне (28%)». Тем самым российское государство официально признает существование у работающих женщин проблемы совмещения семейных и профессиональных ролей, следствием которой выступает сохраняющийся разрыв в заработной плате.

Отметим, что в предыдущей Национальной стратегии в интересах женщин на период 2017-2022 гг., утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 8 марта 2017 №410-р, также говорилось об этой проблеме, но несколько иначе. В частности, отмечалось, что «препятствиями для более полной реализации женщинами всего комплекса их прав и свобод являются сложившиеся в обществе представления о социальной роли женщины, которые отрицательно сказываются на самореализации и развитии индивидуальности женщин, препятствуют свободному выбору ими профессии и образа жизни и создают барьеры на пути достижения фактического равноправия женщин и мужчин как в общественно-политической, так и в социально-экономической жизни».

В соответствии с этими представлениями наиболее значимыми социальными ролями женщины признаются роли домохозяйки и матери, а профессиональные и карьерные достижения остаются второстепенными. Между тем признание общей ответственности женщин и мужчин за выполнение семейных обязанностей способствовало бы укреплению семьи и ценностей семейной жизни, а также созданию условий для успешного сочетания женщинами профессиональных и семейных обязанностей».

Как мы видим, в более ранней версии основного стратегического документа российской политики в отношении женщин акцент делался не на конфликте семейных и профессиональных ролей женщин, а на том, что традиционные представления о роли женщины в обществе мешают ее профессиональной самореализации и карьере, акцентировалась задача достижения фактического равноправия женщин и мужчин в политической и экономической жизни.

Такое изменение акцентов не случайно, оно вызвано актуализацией советского гендерного контракта: «работающая мать» в условиях сохраняющихся в стране демографических проблем, с одной стороны, а с другой - напряженностью на рынке труда, ростом востребованности женской рабочей силы в условиях сложной внешнеполитической ситуации.

Сегодня перед государством встает насущная задача преодоления конфликта ролей работающей женщины, поскольку женщина в равной степени нужна ему и как мать, и как работница. Однако эффективное решение этой задачи с помощью гендерной политики невозможно без научной рефлексии самого феномена ролевого конфликта работающей женщины, анализа уже имеющихся практик его преодоления. Это определило основной

исследовательский вопрос данной статьи: «Как в научных публикациях отечественных авторов концептуализируется проблема совмещения женщинами семейных обязанностей и трудовой деятельности, какие существуют практики решения этой проблемы, в том числе на институциональном уровне?»

Цель исследования состоит в систематизации в контексте гендерной политики отечественные научные публикации, посвященные описанию ролевого конфликта работающей женщины и практик его преодоления.

Эмпирическую базу исследования составили индексируемые в РИНЦ высокоцитируемые статьи, опубликованные в период 1989-2023 гг. Статьи отбирались по следующим ключевым словам: ролевой конфликт работающей женщины, баланс семьи и работы, двойная занятость.

Исследование проводилось с позиций гендерного подхода и теории социального конструирования гендера, предполагающей, что гендерные роли, в том числе в семье, не являются жестко биологически детерминированными и могут трансформироваться в ходе развития общества, не в последнюю очередь, под воздействием государственной политики.

Ролевой конфликт работающей женщины: общая характеристика

Для анализа ситуации неравномерного, гендерно ассиметричного распределения домашних обязанностей между мужчинами и женщинами исследователями используются такие понятия, как: дисбаланс семейных ролей мужчин и женщин, дисбаланс гендерных ролей, двойная занятость или двойная нагрузка женщин, гендерный дисбаланс. Данная проблема давно привлекает внимание ученых [2; 8; 20].

Основное содержание проблемы заключается в том, что при выполнении большей части хозяйственных забот, женщины должны балансировать между семьей и работой, такая ситуация ведет к появлению внутриличностного ролевого конфликта работающей женщины, который проявляется как комплекс субъективных негативных переживаний, испытываемых женщиной. Эти негативные переживания возникают в связи с восприятием и оценкой женщиной себя как плохо справляющейся с совмещением ролей в основных сферах ее жизни: семейной и профессиональной. Женщины переживают по поводу ограниченных ресурсов, необходимых для развития в профессии и построения карьеры, а также в связи с невозможностью уделять детям и мужу больше внимания и заботы. Самообвинения, провоцирующие чувство вины, способствуют снижению удовлетворенности семейной жизнью и ограничивают профессиональное развитие и рост. В результате женщины ежедневно находятся в конфликтной ситуации выбора «дом — работа», что негативно отражается на их субъективном психологическом благополучии [1; 3; 13].

В научных публикациях сформулированы основные причины и условия возникновения ролевого конфликта работающей женщины.

Среди объективных причин выделены: наличие детей младшего возраста в семье, а также состояние здоровья, статус и режим занятости женщины, недостаточное использование в домохозяйстве трудосберегающих технологий [8].

В качестве субъективных причин возникновения ролевого конфликта работающей женщины называются: высокие, нереалистичные требования к семейным ролям со стороны самой женщины и близкого социального окружения [13]; отсутствие одобрения и поддержки мужем работы жены [1]; отсутствие благополучия в семейной сфере и заметных достижений в профессиональной, в то время как наличие успехов способствуют меньшей выраженности ролевого конфликта [3].

Необходимо подчеркнуть, что проблема баланса семьи и работы по-прежнему имеет «женское лицо» и отражает высокую степень гендерного неравенства в семье и обществе [11]. Выходом из этой конфликтной ситуации является достижение баланса между семейными заботами и профессиональными обязанностями женщин, их работой в ходе проведения эффективной гендерной политики.

Теоретические подходы и концепции решения ролевого конфликта работающей женщины

Семейные работающие женщины с разной степенью успешности решают проблему совмещения профессиональной и семейных ролей. Как уже отмечалось, для преодоления своего ролевого конфликта женщине необходимо достичь баланса между семьей и работой. Достижение такого баланса является одной из наиболее актуальных проблем для большинства современных женщин [16; 18].

Концепция баланса семьи и работы. В обществе давно сформирован запрос на такие направления политики «баланс семья-работа», как дружественная среда на рынке труда к работникам с семейными обязанностями и эгалитарное распределение заботы в домохозяйстве [7]. Изучение баланса между жизнью и работой (work-life balance) становится все более востребованным не только в России, но и во многих странах мира [14].

В статье О.А. Здравомысловой приводятся результаты исследования, свидетельствующие о том, что в семьях молодых родителей поиск баланса семьи и работы является многоплановой и трудно разрешимой проблемой [5]. Она возникает с появлением в семье ребенка и остро проявляет себя весь период, пока в семье растут дети-дошкольники. Нерешенность этой проблемы становится одной из главных зон семейных конфликтов и источником семейной нестабильности. «Как показали результаты опроса, поддержание баланса семьи и работы стало внутренней проблемой семьи, которая самостоятельно пытается найти способы решения при минимальной поддержке общества и государства» [5, с. 217-218].

Концепция баланса семьи и работы опирается на гендерную идеологию и гендерные исследования в контексте потребностей женщин и их жизненной ситуации [16]. Долгое время идея «совмещения семьи и труда» представляла собой проблему самих женщин, которая была следствием задач двойной женской занятости на работе и дома как образа жизни. Для решения этой проблемы женщины стремились найти удобную работу, чтобы иметь «возможность вписать профессиональную занятость в материнство» [19, с. 40]. Удобная работа предполагала наличие таких условий, как: летний отпуск; гибкий график, позволяющий подстраивать рабочий день под расписание детей; удобное расположение места работы; хороший психологический климат, а также «добрый начальник», идущий навстречу потребностям работающей матери [19]. Понятно, что оборотной стороной удобного графика становилось ограничение карьерных возможностей и низкий уровень оплаты труда.

В рамках современного варианта концепции баланса семьи и работы решение проблемы баланса предлагается на трех уровнях: государственной политики в отношении семьи и занятости; рабочего места, то есть предприятий, реализующих ту или иную корпоративную политику, адресованную сотрудникам с семейными обязанностями; домохозяйств, вырабатывающих собственные стратегии решения конкретных проблем, связанных с совмещением семьи и работы [18].

Концепция качества семейной жизни, основанная на идеях гендерного подхода раскрыта в статье Е.В. Панкратовой и О.А. Хасбулатовой [12]. Данная концепция опирается на теорию ресурсов и в качестве основы использует идею равенства супругов при обмене ресурсами. «Наиболее выраженное неравноправие между супругами наблюдается в области обмена услугами и статусами. В современной семье женщина вносит в обмен ресурсами заведомо большую долю, отдавая практически все свое свободное после профессиональной деятельности время выполнению домашних обязанностей, уходу за близкими, воспитанию детей. При этом, даже когда супруги делят домашние обязанности между собой, женщина выполняет две трети домашней работы» [12, с. 48].

В результате удовлетворенность семейной жизнью супругов в значительной степени обусловлена характером распределения их гендерных ролей и ожидаемых образцов поведения для мужчин и женщин. Таким образом, в механизме оценки супругами уровня семейного благополучия должны присутствовать технологии, учитывающие специфику распределения гендерных ролей в семье [12].

Выделим еще одну сторону качества семейной жизни. О.А. Хасбулатова отмечает: «закрепленная в ст. 89 Семейного кодекса норма об обязанности супругов материально поддерживать друг друга носит декларативный характер. Фактически, если замужняя женщина решила посвятить себя семье и

воспитанию детей, она не получает права на содержание от своего мужа ни в течение брака, ни в случае развода. Это противоречие затрагивает интересы женщин, которые в силу различных причин вынужденно (отсутствие мест в дошкольных учреждениях) или осознанно (муж-кормилец, жена-домохозяйка) не работают и не имеют собственных доходов» [17, с. 9]. Не требует доказательств, что в подобной ситуации у женщин может повышаться уровень тревожности и развиваться депрессия, не говоря уже о том, что такая зависимость может стать фактором, провоцирующим мужчин на домашнее насилие.

В концепции качества трудовой жизни также использованы идеи гендерного подхода, так как повышение качества трудовой жизни женщин является одним из значимых способов нивелирования ролевых конфликтов [10].

Повышение качества трудовой жизни женщин предусматривает не только улучшение социально-экономического содержания труда, но и особое внимание к развитию интеллектуальных, творческих и организаторских способностей работающих женщин. Чувство удовлетворения от трудовых достижений в результате самореализации и самовыражения будет приводить к повышению качества жизни женщины и снижению возникающей в ее жизни ролевой напряженности [10]. Естественно, что развитие человеческого капитала женщин будет повышать уровень их доходов, что в свою очередь приведет к более равномерному распределению домашних обязанностей.

Практики преодоления ролевого конфликта работающей женщины

Преодолевать ролевой конфликт работающей женщины необходимо на всех уровнях общественной системы.

Индивидуальные стратегии снижения ролевого конфликта и достижения баланса семьи и работы связаны с построением ролевых иерархий в технике активного адаптационного ролевого структурирования [3].

Две характеристики, зафиксированные в психологических исследованиях, — удовлетворенность браком и отношение мужа к работе жены — указывают на огромную роль семьи в жизни работающей женщины и ее зависимость от внутрисемейной ситуации, и мужа прежде всего. Кроме того, такая зависимость от мнения мужа явно свидетельствует о том, что большинство женщин скорее склонны придерживаться традиционных представлений о своем месте в обществе, воспринимая мужчин (мужей) как обладателей большего числа прав и большей автономии от семьи, чем они сами.

Преодоление такой зависимости возможно через пропаганду самостоятельности и независимости в профессиональном плане среди самих работающих женщин, с одной стороны, и убеждение мужчин в том, что «хорошая» работа необычайно значима для женщин, а помощь и поддержка жены в профессиональном плане способствуют благополучию семьи в целом. Такую

пропаганду могут проводить как СМИ, так и сотрудники различных семейных (психологических) консультаций.

На мезоуровне, в организации. Социальная политика предприятий

В большинстве европейских стран политика баланса «семья-работа» уже проводится. Собственно, эффект семейной политики измеряется успешностью реализации мер баланса семейной и профессиональной жизни. А это — работа с ресурсом времени населения. Основными направлениями политики «баланс семья-работа» являются:

– инфраструктура общественной заботы о детях и долгой старости;

– дружественная среда на рынке труда по отношению к работникам с семейными обязанностями;

– эгалитарное распределение заботы в домохозяйстве [6].

Важно отметить, что используемая сегодня на практике модель «идеального гендерно-нейтрального работника» не отвечает реалиям сегодняшней жизни, т.к. противопоставляет карьеру и родительство. В современных организациях должны быть созданы условия, позволяющие работникам оптимально сочетать профессиональные и семейные обязанности. Рабочее место, дружественное семье, отвечает следующим требованиям: гибкий рабочий график, возможность неполной и/или дистанционной занятости, гарантированный родительский отпуск по уходу за ребенком с сохранением рабочего места, возможности по обеспечению социальной заботы о детях, например, бизнес-ясли, ваучеры на оплату услуг нянь, организация отдыха и досуга детей в каникулярное время [19].

Основная работа должна проводиться «на местах» и включать практики, которые облегчат совмещение труда и семейной жизни и которые организации смогут ввести в дополнение к законодательным требованиям. В их числе внеочередной отпуск, предоставляемые работодателем услуги по уходу за ребенком (или компенсация подобных затрат), гибкие схемы рабочего времени и расширение возможностей дистанционной занятости.

Со стороны работодателей видится необходимым увеличивать количество и качество рабочих мест с разной степенью погружения в занятость, чтобы современная женщина могла сделать оптимальный для себя выбор. Также имеет смысл продолжить развитие механизмов, облегчающих ведение женщинам домашнего хозяйства (садики при организации, социальные няни, доступность бытовых услуг и др.) [21].

На институциональном уровне. Государственная социальная политика

Основным условием успешности преодоления ролевого конфликта работающей женщины является отход от изначального сложившегося дисбаланса обмена ресурсами в семье и преодоление гендерных стереотипов, делающих работающую женщину единственной ответственной за решение ее проблемы «дом-работа». Необходимо создавать условия, позволяющие супругам выбрать эффективные стратегии для совмещения их профессиональных и семейных ролей. Для решения этой задачи важно объединить усилия ученых, специалистов органов управления всех уровней по выравниванию статусов мужчин и женщин в сфере профессиональной деятельности, развитию социальной инфраструктуры, сокращающей физические и временные затраты на домашний труд, продвижению в общественное сознание идеи о равноправии полов во всех сферах жизнедеятельности общества. Все это и должно составлять содержание гендерной политики, направленной на решение ролевого конфликта работающей женщины.

В первую очередь необходима системная работа по преодолению гендерных стереотипов, ограничивающих самостоятельность женщин и их независимость в профессиональном плане. Об этом говорилось в Национальной стратегии в интересах женщин на период 2017-2022 гг., но, как показала практика, заметных результатов борьбе с гендерными стереотипами не было достигнуто. Более того сегодня наблюдается ренессанс традиционных семейных ценностей, предполагающих главенствующую роль мужчины в семье и закрепляющих дисбаланс ресурсов женщин и мужчин.

Причем зачастую эти ценности поддерживаются на государственном уровне. Ярким примером может служить Концепция семейной политики в России на период до 2025 г., которая неоднократно подвергалась критике со стороны ученых [4; 9]. Собственно, это и объясняет, почему разрыв в заработной плате между мужчинами и женщинами за время реализации первой Национальной стратегии в интересах женщин на период до 2022 года нисколько не сократился.

Для преодоления гендерных стереотипов необходимо через систему дошкольного и школьного воспитания и образования формировать положительную направленность и готовность к практике более равномерного распределения домашнего труда между работающими членами семьи [15; 20].

Проведем итоги проведенного исследования, ролевой конфликт работающей женщины имеет внутриличностную природу и представляет собой комплекс субъективных негативных переживаний, испытываемых женщиной, возникающих в связи с восприятием и оценкой себя как плохо справ-

ляющейся с совмещением ролей в основных сферах ее жизни: семейной и профессиональной. Женщины переживают по поводу ограниченных ресурсов, необходимых для развития в профессии и построения карьеры, а также в связи с невозможностью уделять детям и мужу больше внимания и заботы.

Выделяются субъективные и объективные причины возникновения ролевого конфликта. К объективным относятся состояние здоровья женщины, статус и режим занятости, а также наличие маленьких детей. Субъективные связаны с завышенными требованиями к выполнению семейных ролей со стороны самой женщины и близкого социального окружения. отсутствие одобрения и поддержки мужем работы жены; отсутствие у женщины заметных успехов в профессиональной сфере.

В научной литературе сформированы три основные концепции решения ролевого конфликта работающей женщины:

1. Баланс семьи и работы, который должен достигаться на трех уровнях: государственной политики в отношении семьи и занятости; рабочего места, то есть предприятий, реализующих ту или иную корпоративную политику, адресованную сотрудникам с семейными обязанностями; домохозяйств, вырабатывающих собственные стратегии решения конкретных проблем, связанных с совмещением семьи и работы;

2. Повышение качества семейной жизни женщин за счет более равномерного распределения домашних обязанностей в семье и эквивалентного обмена ресурсами между супругами, главным из которых выступает свободное время (время отдыха);

3. Повышение качества трудовой жизни женщин за счет развития их интеллектуальных, творческих и организаторских способностей.

Решение ролевого конфликта должно осуществляться комплексно на всех уровнях общественной системы:

На индивидуальном – через активное адаптационное ролевое структурирование, проводимое самими женщинами.

На межличностном – через пропаганду среди работающих женщин самостоятельности и независимости в профессиональном плане, убеждение мужчин в том, что «хорошая» работа необычайно значима для женщин, а помощь и поддержка жены в профессиональном плане способствуют благополучию семьи в целом.

На мезоуровне, в организации - через проведение работодателем политики баланса «семья-работа» и создание рабочих мест дружественных семье.

На макроуровне, институциональном – через организацию системной работы по преодолению консервативных гендерных стереотипов, оставляю-

щих работающую женщину наедине со своей проблемой совмещения семейных и профессиональных обязанностей.

Все эти практики преодоления ролевого конфликта работающей женщины, как показал проведённый выше анализ, получили достаточно полное освещение в работах отечественных авторов. Но, тем не менее, как уже неоднократно отмечалось, заметных позитивных сдвигов в этом отношении не происходит.

Причины этого, по нашему мнению, связаны: во-первых, с непоследовательностью и противоречивостью гендерной политики российского государства, которое выступает за право женщин на профессиональную самореализацию и тут же пропагандирует многодетность и расширенные семьи, предполагающие большой объем женского труда в домохозяйстве; во-вторых, со слабостью той части женского движения, которая отстаивает современные, а не традиционалистские семейные ценности, сегодня эти женские организации находятся явно в меньшинстве; в-третьих, с отсутствием системности в проводимых государством мероприятиях, недостатке синергетических эффектов от предпринимаемых действий.

Решение ролевого конфликта работающей женщины не может ограничиваться только созданием рабочего места дружественного семье, сама женщина должна осознавать свою профессиональную значимость, ее муж должен эту значимость поддерживать. Они должны проводить эквивалентный обмен ресурсами в своем домашнем хозяйстве. В общественном сознании должно господствовать мнение, что домашняя работа должна выполняться всеми членами семьи без исключения, что нет ничего зазорного в том, что отец заботится о маленьком ребенке или даже уходит в отпуск по уходу до достижения им полутора лет.

Разрешение ролевого конфликта работающей женщины следует считать центральной задачей гендерной политики. Как жилищное строительство выступает локомотивом развития всех других отраслей экономики, так нахождение женщинами баланса между семьей и работой повлечет за собой улучшение их психологического самочувствия и повысит самооценку, улучшит морально психологический климат в семье и будет способствовать росту семейных доходов.

Направления дальнейшей работы в избранной теме связаны с проведением компаративных исследований, позволяющих включить в анализ социокультурный и исторический контекст, определяющий специфику проявления и разрешения универсального ролевого конфликта работающей женщины в разных странах.

Литература

1. Алешина Ю.Е., Лекторская Е.В. Ролевой конфликт работающей женщины // Вопросы психологии. 1989. №5. С. 80–88.

2. Балабанова Е.С. Домашний труд как символ гендера и власти // Социологические исследования. 2005. №6. С. 109-120.

3. Гаврилица О.А. Ролевой конфликт работающей женщины. Автореф. дис. канд. психол. наук. Москва, 1998. 25 с.

4. Гурко Т.А. О Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года: экспертная оценка // Социологическая наука и социальная практика. 2013. №3. С. 33-52.

5. Здравомыслова О.А. В поисках равновесия: проблема баланса семьи и работы в оценках женщин и мужчин // Настоящее и будущее семьи в меняющемся мире: Коллективная монография. Москва: Изд-во «Экон-Информ», 2015. С. 209-219.

6. Калабихина И.Е. Гендерный переход и демографическое развитие // Российский экономический интернет-журнал. 2009. №2. С. 540–554.

7. Калабихина И.Е. Измерение временем: новая парадигма социально-демографической политики // Народонаселение. 2020. №2. С. 37-50.

8. Калабихина И.Е., Шайкенова Ж.К. Затраты времени на домашнюю работу: детерминанты гендерного неравенства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. №3. С. 261–285.

9. Кашина М.А. Постсоветская государственная политика в отношении женщин: внутренние противоречия // Женщина в российском обществе. 2019. №4. С. 3-13.

10. Кипервар Е.А. Повышение качества трудовой жизни работающих женщин // Вестник НГУ. Сер.: Социально-экономические науки. 2008. Т. 8. Вып. 4. С. 93-100.

11. Клецина И.С., Иоффе Е.В. Нормы женского поведения: традиционная и современная модели // Женщина в российском обществе. 2019. №3. С. 72-90.

12. Панкратова Е.В., Хасбулатова О.А. Концепция качества семейной жизни в социологии: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. 2018. №1(86). С. 43-52.

13. Пачколина А.В. Проблема ролевого внутриличностного конфликта работающей женщины // Психолог. 2022. №3. С. 60-67.

14. Подольская А.А. Восприятие баланса жизни и работы женщинами, работающими в STEM отраслях (на примере ракетно-космической отрасли) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. №3. С. 192-210.

15. Римашевская Н.М., Малышева М.М., Писклакова-Паркер М.П. Баланс профессиональных и семейных ролей отцов как залог устойчивости семьи и общества // Народонаселение. №2. 2017. С. 28-41.

16. Рождественская Е.Ю. Академическая женская карьера: балансы и дисбалансы жизни и труда // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. №3. С. 27-47.

17. Хасбулатова О.А. Реалии российской гендерной политики в XXI // столетии // Женщина в российском обществе. 2011. №3. С.4-12

18. Чернова Ж.В. Баланс семьи и работы: политика и индивидуальные стратегии матерей // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. №3. С. 295-308.

19. Чернова Ж.В. Рабочее место, дружественное семье: постановка проблемы // Женщина в российском обществе. 2014. №1. С. 33-42.

20. Черных Е.А., Локтюхина Н.В., Назарова У.А. Двойная женская занятость: ситуация в мире и оценки по России // Труд и социальные отношения. 2022. Т. 33. №6. С. 18-36.

21. Черных Е.А., Назарова У.А., Локтюхина Н.В. Женщины с семейными обязанностями на российском рынке труда: особенности трудового поведения и совершенствование политики занятости // Женщина в российском обществе. 2023. №2. С. 14-36.

References

1. Aleshina Yu.E., Lektorskaya E.V. Rolevoi konflikt rabotayushchei zhenshchiny. Voprosy psikhologii. 1989. №5. C. 80–88.

2. Balabanova E.S. Domashnii trud kak simvol gendera i vlasti. Sotsiologicheskie issledovaniya. 2005. №6. S. 109-120.

3. Gavrilitsa O.A. Rolevoi konflikt rabotayushchei zhenshchiny. Avtoref. dis. kand. psikhol. nauk. Moskva, 1998. 25 s.

4. Gurko T.A. O Kontseptsii gosudarstvennoi semeinoi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda: ekspertnaya otsenka. Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika. 2013. №3. S. 33-52.

5. Zdravomyslova O.A. V poiskakh ravnovesiya: problema balansa sem'i i raboty v otsenkakh zhenshchin i muzhchin. Nastoyashchee i budushchee sem'i v menyayushchemsya mire. Moskva: Izd-vo «Ekon-Inform», 2015. S. 209-219.

6. Kalabikhina I.E. Gendernyi perekhod i demograficheskoe razvitie. Rossiiskii ekonomicheskii internet-zhurnal. 2009. №2. S. 540–554.

7. Kalabikhina I.E. Izmerenie vremenem: novaya paradigma sotsial'no-demograficheskoi politiki. Narodonaselenie. 2020. №2. S. 37-50.

8. Kalabikhina I.E., Shaikenova Zh.K. Zatraty vremeni na domashnyuyu rabotu: determinanty gendernogo neravenstva. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2019. №3. S. 261–285.

9. Kashina M.A. Postsovetskaya gosudarstvennaya politika v otnoshenii zhenshchin: vnutrennie protivorechiya. Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2019. №4. S. 3-13.

10. Kipervar E.A. Povyshenie kachestva trudovoi zhizni rabotayushchikh zhenshchin. Vestnik NGU. Ser.: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki. 2008. T. 8. Vyp. 4. S. 93-100.

11. Kletsina I.S., Ioffe E.V. Normy zhenskogo povedeniya: traditsionnaya i sovremennaya modeli. Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2019. №3. S. 72-90.

12. Pankratova E.V., Khasbulatova O.A. Kontseptsiya kachestva semeinoi zhizni v sotsiologii: gendernyi aspekt. Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2018. №1(86). S. 43-52.

13. Pachkolina A.V. Problema rolevogo vnutrilichnostnogo konflikta rabotayushchei zhenshchiny. Psikholog. 2022. №3. S. 60-67.

14. Podol'skaya A.A. Vospriyatie balansa zhizni i raboty zhenshchinami, rabotayushchimi v STEM otraslyakh (na primere raketno-kosmicheskoi otrasli). Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2019. №3. S. 192-210.

15. Rimashevskaya N.M., Malysheva M.M., Pisklakova-Parker M.P. Balans professional'nykh i semeinykh rolei ottsov kak zalog ustoichivosti sem'i i obshchestva. Narodonaselenie. №2. 2017. S. 28-41.

16. Rozhdestvenskaya E.Yu. Akademicheskaya zhenskaya kar'era: balansy i disbalansy zhizni i truda. Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2019. №3. S. 27-47.

17. Khasbulatova O.A. Realii rossiiskoi gendernoi politiki v KhKhI. stoletii. Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2011. №3. S. 4-12

18. Chernova Zh.V. Balans sem'i i raboty: politika i individual'nye strategii materei. Zhurnal issledovanii sotsial'noi politiki. 2012. T. 10. №3. S. 295-308.

19. Chernova Zh.V. Rabochee mesto, druzhestvennoe sem'e: postanovka problemy. Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2014. №1. S. 33-42.

20. Chernykh E.A., Loktyukhina N.V., Nazarova U.A. Dvoinaya zhenskaya zanyatost': situatsiya v mire i otsenki po Rossii. Trud i sotsial'nye otnosheniya. 2022. T. 33. №6. S. 18-36.

21. Chernykh E.A., Nazarova U.A., Loktyukhina N.V. Zhenshchiny s semeinymi obyazannostyami na rossiiskom rynke truda: osobennosti trudovogo povedeniya i sovershenstvovanie politiki zanyatosti. Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2023. №2. S. 14-36.

Л.Я. Прокопенко

ЮЖНОАФРИКАНКИ В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ ЗА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАВА ЖЕНЩИН

Аннотация

Партнер России по БРИКС Южно-Африканская Республика – пионер по многим направлениям политики гендерного равенства среди стран Юга Африки. За годы демократического развития страны с 1994 года гендерное равенство в политическом пространстве стало принципом государственной политики, который реализуется на практике. Одна из причин признания равенства женщин с мужчинами – то, что они наравне с ними принимали активное участие в борьбе с режимом апартеида, в том числе с оружием в руках.

Расширение представительства женщин в органах законодательной и исполнительной власти, в том числе на самом высоком уровне, стало одной из главных особенностей формирования политического руководства ЮАР. Во многом это осуществлено благодаря введению системы политических квот женского представительства на выборных должностях на региональном (в рамках Сообщества развития Юга Африки (САДК)) и на национальном уровнях, а также на уровне партий.

Показаны важные вехи столетней борьбы женщин Южной Африки за свои политические права. В исторической ретроспективе показана деятельность по расширению политических прав женщин ряда известных южноафриканок, в том числе сделавших успешную международную карьеру. Отдельно рассмотрена карьера бывшего Верховного комиссара ООН по правам человека в 2008–2014 гг. Наванетхем Пиллэй.

Автор отмечает преемственность политики президентов страны в вопросе развития гендерного равенства. Особо отмечаются важные препятствия на пути его расширения в политической сфере – насилие в разных формах его проявления и сохранение элементов традиционных,

L. Prokopenko

SOUTH AFRICAN WOMEN IN THE CONTEXT OF THE STRUGGLE FOR WOMEN'S POLITICAL RIGHTS

Abstract

Russia's partner in BRICS, South Africa, is a pioneer in many areas of the gender equality policy among the countries of Southern Africa. Over the years of the country's democratic development since 1994, gender equality in the political space has become a principle of its state policy that is being implemented in practice. One of the reasons to recognize the equality of women with men is that they, along with them, took an active part in the fight against the apartheid regime, even with deadly force.

The buildup of the representation of women in legislative and executive bodies, up to the highest level, has become one of the main features of the formation of the political leadership in South Africa. This was largely achieved through the consolidation of a quota system for women's representation in elected positions at the regional (within the Southern African Development Community, SADC), at the national and at the party levels.

The author shows important milestones in the century-long struggle of South African women for their political rights. A historical retrospective explores the work of a number of prominent South African women, including those with successful international careers, whose goal has been to advance women's political rights. The career of the former UN High Commissioner for Human Rights in 2008–2014, Mrs. Navanethem Pillay, is examined separately.

The author notes the continuity of the policies of the country's presidents on the issue of developing gender equality. Important obstacles to its expansion in the political sphere are especially noted: violence in its various forms and the hardiness of some elements of traditional ap-

сложившихся веками в африканском обществе подходов к гендерным ролям.

proaches to gender roles that have developed in African society over centuries.

Ключевые слова:
ЮАР, африканки, борцы с апартеидом, гендерное равенство, АНК, квоты, ЦУР ООН, Верховный комиссар ООН.

Key words:
South Africa, African women, anti-apartheid fighters, gender equality, ANC, quotas, SDGs, UN High Commissioner.

https://doi.org/10.24412/2227-1538-2023-4-35-47

События последних десятилетий не оставляют сомнений в том, что успех поступательного движения человечества невозможен без участия Африки. Это связано, прежде всего, с огромными природными ресурсами континента и с длительным периодом устойчивого экономического роста в большинстве стран.

В новых геополитических условиях (санкции Запада, попытки политической и гуманитарной изоляции России) Африка стала важным вектором внешнеполитического и внешнеэкономического сотрудничества для России. Значимым фактором является также партнерство России и ЮАР в рамках БРИКС.

Россию и африканские страны связывают многие десятилетия политического, экономического и культурного сотрудничества. Перспективы дальнейшего сотрудничества показали Первый Саммит и экономический форум Россия – Африка (г. Сочи, 23–24 октября 2019 года) и Второй Саммит и Экономический и гуманитарный форум Россия – Африка (г. Санкт-Петербург, 27–28 июля 2023 года), в подготовке и проведении которых активное участие принимал отметивший в 2019 году 60-летний юбилей Институт Африки РАН во главе с его директором членом-корреспондентом РАН И.О. Абрамовой. Развитие дальнейших связей предполагает расширение и углубление знаний о специфике исторического развития, экономики, культуры стран региона, политических элит и современных проблем африканского общества. Значимая роль в этом принадлежит российским африканистам, прежде всего ученым из Института Африки РАН – «главного мозгового центра российской африканистики» [1, с. 7].

В Институте Африки РАН уже три десятилетия работает Группа гендерных исследований (руководители – Н.Л. Крылова и Н.А. Ксенофонтова), издающая серию «Гендерные исследования Института Африки РАН». В ней публиковались и научные работы по теме становления гендерного равенства и позитивного опыта решения гендерных проблем в ЮАР и странах Юга Африки. Эти исследования российских африканистов были отмечены в главе о гендерной проблематике в отечественной политической науке (авторы – руководители Исследовательского комитета по гендерной политологии РАПН доктор социологических наук Т.Б. Рябова и доктор политических наук О.Г. Овчарова) в вышедшем в 2019 году под редакцией О.В. Гаман-Голутвиной президента Российской ассоциации политической науки (РАПН),

доктора политических наук и А.И. Никитина фундаментальном научном труде «Современная политическая наука. Методология».

В 2000 году по числу женщин в парламенте (30%) ЮАР входила в первую десятку стран мира. В 2009 году она сохранила эту позицию, а по числу женщин-министров была на 5-м месте. При этом женщин впервые в истории страны назначали на посты в высшем эшелоне власти, например, в 1999 году министром иностранных дел стала Нкосазана Дламини-Зума, в 2005 году заместителем президента страны – Фумзиле Мламбо-Нгкука, а в 2009 году министром обороны – Линдиве Сисулу. Одной из особенностей формирования политического руководства является африканизация политического аппарата, хотя она не носит крайние формы.

В ЮАР, как и в других странах Африки, предпосылками становления гендерного равенства в политике были политическая модернизация и рост политической активности самих женщин. Женщины Южной Африки получили значительный политический опыт, принимая активное участие в борьбе с апартеидом, когда они боролись, часто с оружием в руках, наравне с мужчинами. По этой причине признание их равенства с мужчинами рассматривается в стране как одно из проявлений социальной справедливости. В 1981 году президент возглавлявшего борьбу с режимом апартеида Африканского национального конгресса (АНК) Оливер Тамбо, сказал: «Борьба за освобождение женщины невозможна отдельно от борьбы против эксплуатации человека человеком» [15, p. 1]. Его слова не утратили актуальность, именно они были упомянуты в преамбуле к документу о дальнейшем развитии страны, опубликованном в 2012 году. В марте того же года в одном из документов Женской лиги АНК подчеркивалось, что она борется не за права женщин, а за права человека, не выделяя отдельно права женщин.

Борьба за гендерное равенство в ЮАР имеет уже столетнюю историю. В период существования режима апартеида (до 1989 года) в органах власти женщин (белых и цветных) было крайне мало, в парламенте они составляли не более 3%. Те немногие, кто в разное время были членами парламента (например, В.М. Беллингер, М. Костер, М. Малхербе, Б.Соломон, Х. Сузман), имели достаточный опыт проявления мужского шовинизма по отношению к ним. Интересно, что одним из первых борцов за права женщин была адвокат Берта Соломон, родившаяся в 1892 году в Минске (ее родители эмигрировали в Южную Африку в начале XX века). В 1938 году ее избрали членом парламента, в котором она работала на протяжении двадцати лет (до 1958 года). Как депутат она не только отстаивала юридические права женщин в семейном праве, но и ратовала за гендерное равенство в политике. А депутат парламента в 1953–1989 гг. Хелен Сузман была в числе немногих белых политиков, которые открыто критиковали апартеид.

В рядах женщин-борцов с апартеидом (в этом списке более 170 фамилий) чернокожие (Л. Нгойи, А. Сисулу, Д. Тамана, В. Мадикизела-Мандела,

Д. Ньембе, Б. Ксова, Н. Дламини-Зума), белые (Р.А. Саимонс, Х. Джозеф, Х. Берштейн, Х. Сузман) и цветные (А. Качалиа, Ф. Джинвала, Л. Сисулу). Многие из них были членами АНК (ныне правящей партии в ЮАР), были также члены Африканской коммунистической партии (ЮАКП) и Партии свободы Инката [8]. Например, Дороти Ньембе, которую любовно называли «Мама Д», – один из первых членов парламента новой Южной Африки и создателей демократической конституции. Необходимо отметить, что в свое время правительство СССР наградило ее орденом Дружбы народов. Большинство женщин-борцов с апартеидом были молодыми девушками, и прежде, чем они бросили вызов властям, «…им пришлось сначала «бороться» со своими отцами за право участвовать в этой борьбе» [11, p. 74].

В 1943 году в структуре АНК была создана Женская лига. В 1951 году ее президентом была избрана Лилиан Нгойи. Руководство Лиги подняло вопрос о гендерном равенстве членов партии. В апреле 1954 г. была создана Федерация южноафриканских женщин (Federation of South African Women, FSAW), программным документом которой стала Хартия женщин. Она содержала положения о борьбе женщин Южной Африки разных рас за свои права в контексте борьбы с режимом апартеида. В частности, в ней говорилось: «Мы, женщины, будем плечом к плечу с мужчинами бороться против бедности, расовой и классовой дискриминации, а также расовой сегрегации» [14]. В 1956 году Федерацию возглавила Л. Нгойи. Именно эта организация организовала и провела знаменитый 20-тыс. марш протеста против введения пропусков для африканок, который состоялся в Претории 9 августа 1956 года. Этот день, четверг, был выбран для акции не случайно, так он был выходным днем для чернокожих работников. Женщины разных рас, приехавшие со всех концов страны, направились небольшими группами (скопление больших групп были запрещены властями) к резиденции властей Union Buildings с целью передать петицию премьер-министру страны Дж. Г. Стрейдому. Возглавляли Марш Лилиан Нгойи, Хелен Джозеф, Альбертина Сисулу и София Уильямс де Брюн. Собравшиеся после получасового молчания спели песню “Wa thinta abafazi, wa thinta imbokodo, uza kufa!”, что в переводе с зулусского языка означает «Ударить женщину все равно, что ударить по камню (скале), будешь раздавлен!». Эти слова стали своеобразным призывом к сплочению женщин Южной Африки. Этот день стал поворотным моментом в истории женского движения, и с 1995 года он отмечается в демократической ЮАР как Национальный женский день.

Так же, как и борцов-мужчин африканок арестовывали и сажали в тюрьмы, например, бывший президент Женской лиги АНК Лилиан Нгойи в середине 1960-х гг. находилась в тюрьме в одиночном заключении, а Дороти Ньембе в 1969 году была признана виновной в укрывательстве бойцов «Умконто ве сизве» (в пер. с зулусского – «Копье нации», боевое крыло АНК), приговорена к 15 годам тюрьмы и полностью отбыла срок наказания.

В декабре 1995 года в новой демократической ЮАР парламент ратифицировал Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, которую часто называют «Билль о правах для женщин». В преамбуле Конституции страны 1996 года указывалось, что она «положит конец разногласиям прошлого и создаст общество, основанное на демократических основах, социальной справедливости и основных правах человека» [13].

Сторонником защиты прав женщин был Нельсон Мандела, считавший, что права женщин являются неотъемлемой частью свободного общества. Выступая в парламенте 8 мая 1994 года после своего избрания президентом ЮАР, он заявил: «Свобода не может быть достигнута, если женщины не будут освобождены от всех форм угнетения» [9]. Это не было только лозунгом: 12 женщин он назначил на высокие государственные посты (4 министра и 8 зам. министров), офис президента также возглавляла женщина – А. Мотшекга.

На практике современная концепция равенства женщин и мужчин в политике в этой стране реализуется через использование системы квот женского представительства на выборных должностях. Хорошо развит национальный механизм реализации гендерного равенства, он хорошо структурирован и охватывает все уровни государственного управления. Наряду с подразделениями в правительстве, Национальной ассамблее (парламенте), судах и специальных комиссиях созданы подразделения в институтах гражданского общества. Успехи проведения политики гендерного равенства в ЮАР стали результатом многолетней деятельности этих структур, основанной на взаимодействии и кооперировании. В национальном механизме по гендерному равенству выделены три основные цели: достижение равных возможностей женщин и мужчин в политической, гражданской, социально-экономической и культурной сферах, приоритетизация потребностей женщин (поскольку они в большей мере пострадали от системы апартеида), трансформация всех национальных, региональных и местных институтов посредством интеграции в их деятельность комплексного гендерного подхода.

Политическую волю руководства ЮАР красноречиво демонстрирует тот факт, что за годы становления демократии принято более 30 законодательных актов, имеющих целью достижение женского равноправия. Проблема женской эмансипации успешно решается в законодательной сфере. В 1997 году в ЮАР начала работать созданная по решению парламента Национальная комиссия по гендерному равенству. В нее вошли избранные парламентом представители обоих полов, а состав комиссии был одобрен президентом. В 1999 году введено положение, согласно которому в составе парламента и кабинета министров должно быть не менее 30% женщин, позже эта цифра была увеличена до 50%.

Важную роль в расширении политических прав женщин Южной Африки сыграла южноафриканский политик индийского происхождения Френе Джинвала (умерла в январе 2023 года в возрасте 90 лет).

Ф. Джинвала была активным борцом с режимом апартеида. Получила диплом юриста в Лондонском университете. Вступив в начале 1960-х гг. в АНК, который из-за преследований властями перешел на нелегальное положение, входила в состав его зарубежного руководства. Она руководила также работой комиссии по вопросам эмансипации женщин и участвовала в работе Женской лиги партии АНК. В 1991 году после 30 лет эмиграции Джинвала вернулась в Южную Африку и приняла активное участие в многопартийных переговорах о будущем страны. Она участвовала в создании Женской национальной коалиции (Women's National Coalition), в которой объединились различные организации с целью выработки Хартии равенства женщин. Женская национальная коалиция во главе с Джинвала добилась того, чтобы гендерное равенство было прочно закреплено в конституции демократической ЮАР, принятой в 1996 году.

В 1994 году она впервые в истории страны стала спикером парламента и оставалась им на протяжении 10 лет до 2004 года. Благодаря ее энергичной работе законодатели приняли около 500 новых законов, заложивших основу демократической ЮАР. Она способствовала также созданию программ обучения для женщин-парламентариев. Под руководством Джинвала они приложили немалые усилия для принятия целого ряда законов, в том числе способствующих становления гендерного равенства. По образному выражению американского исследователя Ханны Эвелин Бриттон, они с самого начала своего избрания стали «"перестраивать" парламент, создавая возможность для реализации прав женщин» [12, p. 27].

Джинвала неоднократно подчеркивала, что не верит в демократию, если это часть процесса принятия решений, в котором не участвуют женщины. Ее деятельность высоко ценил лидер АНК и первый президент демократической ЮАР Нельсон Мандела.

Убежденным поборником гендерного равенства в политическом пространстве была и остается Фумзиле Мламбо-Нгкука – Директор исполнитель структуры «ООН-Женщины» в 2013–2021 гг. В период апартеида была активистом молодежных и женских общественных организаций, стала членом АНК. Ее считают одним из лидеров женского движения страны. Во главе «ООН-Женщины» проявила себя активным деятелем и хорошим организатором, что отмечали Генеральные секретари ООН Пан Ги Мун и Антониу Гутерриш. Ф. Мламбо-Нгкука настаивала на том, что для достижения гендерного равенства «…необходимо мобилизовать не только парламенты, но и население, не только гражданское общество, но и все общество» [21]. Не изменилась ее позиция и после ухода с поста Директора исполнителя структуры «ООН-Женщины». В 2023 году она отмечала: «Через 50 лет мы не должны говорить о женщинах-лидерах, мы должны говорить только о лидерах» [20].

Определенная заслуга в развитии гендерного равенства в политике в ЮАР принадлежит и некоторым первым леди. В числе активных поборников

за гендерное равенство – Граса Машел, не только бывшая первая леди (супруга Нельсона Манделы в 1998–2013 гг.), но и признанный в мире борец за права женщин и детей [7]. Ее родина Мозамбик, она видный мозамбикский политик и общественный деятель, в 1975–1986 гг. была первой леди как супруга президента независимого Мозамбика Саморы Машела. Ее считают одной из самых влиятельных африканских активисток, а заслуги в деле борьбы за права женщин и детей отмечены многочисленными наградами.

Она продолжила общественную деятельность и после смерти Манделы. В 2010 году экс-первая леди основала в ЮАР фонд Graça Machel Trust (штаб-квартира находится в г. Йоханнесбург) – «панафриканскую правозащитную организацию, которая занимается, в том числе, расширением прав женщин. Г. Машел считает закономерным использовать имеющиеся положение на благо общества: «Как влиятельная женщина вы обязаны делать все возможное, чтобы другие женщины, которым гораздо труднее реализовать свои права … также могли подняться по этой лестнице» [10]. Она выступает с лекциями, посвященными расширению прав и возможностей женщин, в том числе в политике. В октябре 2022 года Машел приняла участие в Африканском благотворительном форуме (The African Philanthropy Forum, APF), в котором участвуют более 200 высокопоставленных лиц, филантропов, социальных инвесторов и представителей бизнеса. Очередной форум был посвящен гендерному равенству и расширению прав и возможностей женщин.

В ЮАР отчетливо прослеживается преемственность в области развития гендерной политики. В правительстве следующего после Манделы президента Табо Мбеки женщины занимали 35% постов министров и их заместителей. Во время двух сроков президентства Джекоба Зумы их число увеличилось до 40%.

За последнее десятилетие в ЮАР у поборников гендерного равенства в политической сфере были реальные основания рассчитывать на то, что главой государства может стать женщина. Сначала они были связаны с успехом партии Демократический альянс (ДА) во главе с Хелен Зилле, получившей на парламентских выборах 2014 года 22% голосов избирателей и составившей серьезную конкуренцию правящему АНК. Реальная возможность избрания женщины президентом страны появилась в период подготовки к выборам 2019 года. Тогда основным претендентом на пост лидера правящего АНК, а значит и будущего президента страны, считалась тогдашний председатель Комиссии Африканского союза (АС) Нкосазана Дламини-Зума – видный член АНК и опытный политик, которая работала в правительствах всех президентов (Н. Манделы, Т. Мбеки, К. Мотланте и Дж. Зумы). Однако в декабре 2017 года. лидером партии был избран Сирил Рамапоса, который в феврале 2018 года и стал новым президентом страны.

В ЮАР, как и в странах континента в целом, дальнейшее становление гендерного равенства в политике связано с реализацией Целей устойчивого развития (ЦУР), принятых ООН в 2015 году. Необходимо отметить, что Юж-

ная Африка была одним из сопредседателей межправительственной Открытой рабочей группы Генассамблеи ООН по ЦУР. А активистом международной группы по разработке ЦУР была Г. Машел.

Одним из препятствий на пути реализации Цели №5 ЦУР является проблема гендерного насилия. Насилие разного вида (от запугивания женщин-кандидатов до применения физического насилия) существенно препятствует участию женщин в политической борьбе на выборах. В процессе роста их политической активности, увеличения численности в органах власти и влиятельности женщины представляют собой серьезных оппонентов, поэтому и подвергаются насилию наравне с мужчинами.

Юридически африканки защищены от насилия как международным законодательством (Всеобщая декларация ООН прав человека (1948 г.), Резолюция ГА ООН 48/104 (1993 г.), Африканская хартия прав человека и народов (1981 г., г. Найроби (Кения)), Пекинская платформа действий (1995 г.), специальный Протокол к Африканской хартии прав человека и народов (2003 г., г. Мапуту (Мозамбик)), так и национальным.

Ситуацию значительно усугубила разразившаяся пандемия COVID–19. Правительство Южной Африки ускорило принятие и реализацию Национального стратегического плана по борьбе с гендерным насилием. В августе 2020 года был созван президентский саммит по борьбе с гендерным насилием, в результате которого кабинет министров президента С. Рамапосы одобрил три законопроекта, направленные на борьбу с насилием в отношении женщин.

Однако при значительных достижениях официальной гендерной политики в стране встречаются проявления мужского шовинизма. Российские ученые А.Б. Давидсон и И.И. Филатова отмечают: «Любой зулус объяснит вам, почему многие из его соотечественников считают едва ли не оскорблением тот факт, что заместителем президента страны после снятия с этого поста Дж. Зумы была назначена зулуска Ф. Мламбо-Нгкука. Дело не только в том, что она женщина, хотя и этот фактор неблагоприятный: негоже женщине представлять в правительстве нацию великих воинов» [2, с. 430]. О двойных стандартах говорят сами африканки. Например, Зукисва Мколомба, молодой член парламента, которую в августе 2022 года президент страны Сирил Рамапоса назначил заместителем председателя Комиссии государственной службы, говорит, что женщины в органах власти «не имеют такого права голоса как мужчины, и им не разрешено руководить так, как они считают нужным» [16].

Среди борцов за права женщин особо выделяется фигура Наванетхем (Нави) Пиллэй – Верховный комиссар ООН по правам человека в 2008–2014 гг. Она первая южноафриканка, чья деятельность на таком высоком посту в ООН получила широкое международное признание. Пиллэй один из

наиболее уважаемых экспертов в области международного уголовного права и прав человека.

В области защиты прав человека 82-летняя Пиллэй работает уже пять десятилетий. Как и у многих чернокожих ветеранов-юристов ЮАР, ее студенческие годы были связаны с борьбой против режима апартеида. А после прихода к власти АНК в 1994 году ее деятельность была направлена на развитие демократии и внедрение новой конституции, принятой в 1996 г. Необходимо отметить, что большая часть карьеры известного южноафриканского юриста прошла вне Южной Африки, и самый весомый вклад в борьбу за права человека Пиллэй внесла на международном уровне.

Пиллэй родилась 23 сентября 1941 года в г. Дурбан (Южно-Африканский союз (ЮАС), ныне ЮАР) в семье бедного выходца из Индии. Ее дедушка по отцовской линии приехал из Индии в Южную Африку работать наемным рабочим на плантациях сахарного тростника. Ее отец не мог учиться в школе, потому что был вынужден работать с 8-летнего возраста. Мать тоже была из бедной семьи, была неграмотной. Пиллэй никогда не стеснялась своего происхождения, не считая свои полные лишений детство и юность чем-то исключительным. Уже в 80-летнем возрасте она говорила: «Я рассказываю историю своей жизни всему миру … но она не нова для южноафриканцев, потому что мы все вышли из лишений, дискриминации и нищеты» [17].

Девушка хорошо училась в школе, и местная индийская община оплатила одаренной девушке учебу на юридическом факультете Натальского университета (г. Дурбан). Однако молодой юрист не могла найти работу: ряд юридических фирм, куда она пыталась устроиться, отказывали ей, что она объясняла в том числе гендерной дискриминацией. В 1967 году в своей родной провинции Наталь она первой из цветных женщин начала собственную юридическую практику, была адвокатом по гражданским и уголовным делам, связанным с преследованием активистов и нарушением их прав. В период 28 лет юридической практики Пиллэй также помогала жертвам гендерного насилия.

Она первая южноафриканка, которая получила степень доктора юридических наук (1988 г.) в Гарварде. Была одним из лидеров женского движения Южной Африки. В начале 1990-х годов вернулась на родину, после прихода к власти АНК в 1994 г. была членом Женской национальной коалиции (Women’s National Coalition). В январе 1995 года по инициативе президента страны Н. Манделы была назначена на должность судьи Высокого суда в Натале, став первой цветной женщиной в этом органе.

С 1995 по 2004 гг. Пиллэй была судьей, а позже председателем Международного уголовного трибунала по Руанде (МУТР) (International Criminal Tribunal for Rwanda, ICTR), созданного в ноябре 1994 года для рассмотрения международных преступлений после геноцида в Руанде. В мае 1995 года Ге-

неральная Ассамблея ООН избрала Пиллэй его судьей. В 1999 году она стала его председателем. Южноафриканка участвовала в рассмотрении ряда исторических дел. Знаковыми стали дела по обвинению в изнасиловании женщин народа тутси как преступление против человечности и акт геноцида. Н. Пиллэй заявила, что отныне изнасилование будет считаться военным преступлением. Для международного уголовного права это стало еще одним важным этапом в деле борьбе с сексуальным насилием во время конфликтов.

В 2003 году Пиллэй начала работать судьей апелляционной палаты Международного уголовного суда (МУС). В 2008 году ГА ООН назначила ее Верховным комиссаром ООН по правам человека. Н. Пиллэй внесла большой вклад в разработку нормативной базы международного правосудия, включая принципы и практику борьбы с гендерными преступлениями. Благодаря ее усилиям во многом изменился сам глобальный дискурс, политика и практика, касающихся прав человека. Некоторые даже называют ее «современной иконой мировых усилий по защите международного права» [19, p. 1].

Южноафриканка и борец с апартеидом, она хорошо понимала необходимость недопущения расовой и гендерной дискриминации. Она говорила: «Тот, кто толкует закон, как минимум, не менее, если не более, важен, чем тот, кто его составляет…Я не сумею выразить, до какой степени необходимым я считаю представительство женщин и учет гендерной концепции на всех уровнях следствия, обвинения, защиты в суде, защиты свидетелей и судебного разбирательства» [3, с. 1].

Верховный комиссар ООН по правам человека Н. Пиллэй в феврале 2011 года посетила нашу страну. Состоялись ее встречи с президентом РФ Д.А. Медведевым, министрами, главами ведомств, председателем Верховного Суда, генеральным прокурором, членами Государственной Думы, представителями гражданского общества и правозащитниками. 17 февраля 2011 года на пресс-конференции по итогам визита в Россию она сказала: «Мне было очень приятно и почетно посетить вашу великую страну» [5]. Однако в июле 2012 года Пиллэй выступила с заявлением по поводу принятых Государственной Думой РФ законопроектов, которые, по ее мнению, были направлены на ограничение прав и свобод человека в России. МИД РФ официально заявил, что изменение законодательства – «прерогатива законодательной власти суверенного государства, и внешнее вмешательство в эту сферу деятельности – от кого бы оно ни исходило – недопустимо» [4].

После окончания срока своих полномочий в августе 2014 года Пиллэй продолжила общественную деятельность в ЮАР и за ее пределами.

В 2020 году Национальный женский день 9 августа проходил под лозунгом «Поколение равенства: реализация прав женщин ради равного будущего». Концепция «Равенства поколений» связывает Южную Африку с международными усилиями по реализации ЦУР 5 к 2030 году. Департамент по делам женщин, молодежи и людей с ограниченными возможностями Южной Африки

заявил о намерении совместно с другими министерствами и гражданским обществом сделать начавшееся десятилетие десятилетием действий.

В начале 2021 года в ЮАР на министерских постах было 48,3% женщин (на уровне с Нидерландами и США), эти показатели выше, чем в соседних странах Юга Африки, например, Мозамбика (45,5%), Намибии (39,1%), Анголы (31,8%) [22]. К тому же за 2019–2021 гг. ЮАР добилась одного из лучших результатов роста по индексу представительства женщин на руководящих должностях государственной службы (Women leaders index) – 7,2 балла [23]. В 2022 г. разрыв в представительстве женщин и мужчин в высших эшелонах власти в ЮАР составил всего 1,4% [16], то есть в этом плане практически достигнут гендерный паритет. В августе 2023 года, согласно данным Межпарламентского союза (Inter-Parliamentary-Union, IPU), в парламенте ЮАР было 44,4% женщин [18]. Это не только количественные показатели. Признавая наличие ряда проблем в политической и экономической жизни современной ЮАР, необходимо отметить, что эффективная работа южноафриканок в органах законодательной и исполнительной власти во многом способствует развитию страны.

В 1911 году вышла книга «Женщина и труд» известной южноафриканской писательницы Оливии Шрейнер, которая одной из первых стала серьезно изучать гендерные проблемы в странах Европы и Африки. Женщины Южной Африки стремились к справедливости, добиваясь права наравне с мужчинами решать судьбы своей страны. Спустя 100 лет в ЮАР на политическом поле появились значимые фигуры женщин-политиков, которые составляют достойную конкуренцию мужчинам-политикам. Соотечественницы О. Шрейнер теперь занимают значимые должности не только в парламенте и правительстве своей страны, им доверяют высокие посты в международных организациях: Нкосазана Дламини-Зума в 2012–2017 гг. была председателем Комиссии Африканского союза (АС), Наванетхем Пиллэй в 2008–2014 гг. – Верховным комиссаром ООН по правам человека, Фумзиле Мламбо-Нгкука – Директор исполнитель структуры «ООН-Женщины» в 2013–2021 гг., а Шейла Сисулу с 2003 г. является заместителем исполнительного директора Всемирной продовольственной программы ООН. Это достойный ответ на вопрос о смысле борьбы женщин за свои права, а также об их способности эффективно участвовать в процессе принятия решений.

Литература

1. Абрамова И.О. Главный мозговой центр российской африканистики // Ученые записки Института Африки РАН. 2019. №4(49). С. 7–13.

2. Давидсон А.Б., Филатова И.И. Южная Африка: власть, демонтаж апартеида, новые политические ориентиры // Современная Африка: метаморфозы политической власти. Москва: Вост. лит. 2009. С. 377–445.

3. Квест Ш. Гендер и реформирование системы правосудия. ОБСЕ ООН. Женева. 2008. 32 с.

4. Москва считает неподобающими заявления Верховного комиссара ООН по правам человека о ряде законопроектов РФ. URL: https://tass.ru/politika/540174 (дата обращения 16.08.2023).

5. Об итогах визита в РФ 13–19 февраля 2011 г. Верховного комиссара ООН по правам человека. URL: http://www.unrussia.ru/ru/node/537 (дата обращения 20.08.2023).

6. Прокопенко Л.Я. Женщины и власть (на примере стран Юга Африки). Москва: Институт Африки РАН. 2018. 206 с.

7. Прокопенко Л.Я. Граса Машел. Больше, чем первая леди // Ученые записки Института Африки РАН. 2023. №1(62). С. 91–104.

8. Шубин В.Г. Африканский национальный конгресс в годы подполья и вооруженной борьбы. Москва: Институт Африки РАН. 1999. 468 с.

9. Archive: Nelson Mandela and women's rights. URL: https://www.nelsonmandela.org/acom-blog/archive-nelson-mandela-and-womens-rights (дата обращения 05.09.2023).

10. Baker A. Graça Machel: Women's Rights Will Determine Africa's Future. URL: https://time.com/6253226/graca-machel-impact-award (дата обращения 02.09.2023).

11. Bridger E. Young Women against Apartheid: Gender, Youth and South Africa's Liberation Struggle. United Kingdom: James Currey Publisher. 2021. 410 p.

12. Britton H.E. Women in the South African Parliament: From Resistance to Governance. University of Illinois Press. 2005. 224 p.

13. Constitution of the Republic of South Africa, 1996. URL: http://www.info.gov.za/documents/constitution/1996/96cons9.htm (дата обращения 29.08.2023).

14. Document 22 – Report of the first National Conference of Women held in the Trades Hall, Johannesburg, South Africa, 17 April 1954. URL: http://www.sahistory.org.za/archive/document-22-report-first-national-conference-women-held-trades-hall-johannesburg-south-africa (дата обращения 05.09.2023).

15. Gender Paper ANC. Policy Discussion Document. March 2012. URL: http://www.anc.org.za/docs/discus/2012/gendery.pdf (дата обращения 05.09.2023).

16. Hunt M. Women Leaders Index: why gender parity in South Africa's public service isn't just a numbers game. URL: https://www.globalgovernmentforum.com/women-leaders-index-why-gender-parity-in-south-africas-public-service-isnt-just-a-numbers-game (дата обращения 03.09.2023).

17. Minors D. Wits awards jurist and activist Navi Pillay her 18th honorary degree. URL: https://mg.co.za/education/2022-05-02-wits-awards-jurist-and-activist-navi-pillay-her-18th-honorary-degree (дата обращения 20.08.2023).

18. Monthly ranking of women in national parliaments. URL: https://data.ipu.org/women-ranking?month=8&year=2023 (дата обращения 20.08.2023).

19. Protecting Humanity. Essays in International Law and Policy in Honour of Navanethem Pillay. Chile Eboe-Osuji (ed.). Martinus Nijhoff Publishers. 2010. 910 p.

20. The 50 over 50 list of Africa's female powerhouses: success at every age. URL: https://www.forbesafrica.com/lists/2023/02/14/50-over-50-success-at-every-age (дата обращения 05.09.2023).

21. Why we need new allies for gender equality. URL: https://www.weforum.org/agenda/2015/01/why-we-need-new-allies-for-gender-equality (дата обращения 05.09.2023).

22. Women in Politics: 2021. URL: IPU_WomenInPolitics_2021_EN_V2.pdf (дата обращения 07.09.2023).

23. Women leaders index 2022. Report. URL: https://womenleadersindex.com/report (дата обращения 07.09.2023).

References

1. Abramova I.O. Glavnyi mozgovoi tsentr rossiiskoi afrikanistiki. Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN. 2019. №4(49). S. 7–13.

2. Davidson A.B., Filatova I.I. Yuzhnaya Afrika: vlast', demontazh aparteida, novye politicheskie orientiry. Sovremennaya Afrika: metamorfozy politicheskoi vlasti. Moskva: Vost. lit. 2009. C. 377–445.

3. Kvest Sh. Gender i reformirovanie sistemy pravosudiya. OBSE OON. Zheneva. 2008. 32 s.

4. Moskva schitaet nepodobayushchimi zayavleniya Verkhovnogo komissara OON po pravam cheloveka o ryade zakonoproektov RF. URL: https://tass.ru/politika/540174 (data obrashcheniya 16.08.2023).

5. Ob itogakh vizita v RF 13–19 fevralya 2011 g. Verkhovnogo komissara OON po pravam cheloveka. URL: http://www.unrussia.ru/ru/node/537 (data obrashcheniya 20.08.2023).

6. Prokopenko L.Ya. Zhenshchiny i vlast' (na primere stran Yuga Afriki). Moskva: Institut Afriki RAN. 2018. 206 s.

7. Prokopenko L.Ya. Grasa Mashel. Bol'she chem pervaya ledi. Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN. 2023. №1(62). S. 91–104.

8. Shubin V.G. Afrikanskii natsional'nyi kongress v gody podpol'ya i vooruzhennoi bor'by. Moskva: Institut Afriki RAN. 1999. 468 s.

9. Archive: Nelson Mandela and women's rights. URL: https://www.nelsonmandela.org/acom-blog/archive-nelson-mandela-and-womens-rights (data obrashcheniya 05.09.2023).

10. Baker A. Graça Machel: Women's Rights Will Determine Africa's Future. URL: https://time.com/6253226/graca-machel-impact-award (data obrashcheniya 02.09.2023).

11. Bridger E. Young Women against Apartheid: Gender, Youth and South Africa's Liberation Struggle. United Kingdom: James Currey Publisher. 2021. 410 p.

12. Britton H.E. Women in the South African Parliament: From Resistance to Governance. University of Illinois Press. 2005. 224 p.

13. Constitution of the Republic of South Africa, 1996. URL: http://www.info.gov.za/documents/constitution/1996/96cons9.htm (data obrashcheniya 29.08.2023).

14. Document 22 – Report of the first National Conference of Women held in the Trades Hall, Johannesburg, South Africa, 17 April 1954. URL: http://www.sahistory.org.za/archive/document-22-report-first-national-conference-women-held-trades-hall-johannesburg-south-africa (data obrashcheniya 05.09.2023).

15. Gender Paper ANC. Policy Discussion Document. March 2012. URL: http://www.anc.org.za/docs/discus/2012/gendery.pdf (data obrashcheniya 05.09.2023).

16. Hunt M. Women Leaders Index: why gender parity in South Africa's public service isn't just a numbers game. URL: https://www.globalgovernmentforum.com/women-leaders-index-why-gender-parity-in-south-africas-public-service-isnt-just-a-numbers-game (data obrashcheniya 03.09.2023).

17. Minors D. Wits awards jurist and activist Navi Pillay her 18th honorary degree. URL: https://mg.co.za/education/2022-05-02-wits-awards-jurist-and-activist-navi-pillay-her-18th-honorary-degree (data obrashcheniya 20.08.2023).

18. Monthly ranking of women in national parliaments. URL: https://data.ipu.org/women-ranking?month=8&year=2023 (data obrashcheniya 20.08.2023).

19. Protecting Humanity. Essays in International Law and Policy in Honour of Navanethem Pillay. Chile Eboe-Osuji (ed.). Martinus Nijhoff Publishers. 2010. 910 p.

20. The 50 over 50 list of Africa's female powerhouses: success at every age. URL: https://www.forbesafrica.com/lists/2023/02/14/50-over-50-success-at-every-age (data obrashcheniya 05.09.2023).

21. Why we need new allies for gender equality. URL: https://www.weforum.org/agenda/2015/01/why-we-need-new-allies-for-gender-equality (data obrashcheniya 05.09.2023).

22. Women in Politics: 2021. URL: IPU_WomenInPolitics_2021_EN_V2.pdf (data obrashcheniya 07.09.2023).

23. Women leaders index 2022. Report. URL: https://womenleadersindex.com/report (data obrashcheniya 07.09.2023).

А.В. Швецова,
И.А. Симонова

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТА «НЕМАТЕРИНСКИЕ ПРАКТИКИ МАТЕРЕЙ» КАК ОСНОВЫ ОПТИМИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ МАТЕРИНСТВА

Аннотация

В статье представлен блок результатов исследовательского проекта, посвященного специфике современного материнства в разрезе трансформации ролевых моделей российских женщин. Основная цель – конкретизация стратегического потенциала концепта ««нематеринские» практики матерей» для оптимизации системы социально-экономической поддержки женщин в период отпуска по уходу за ребенком, способствующей расширению их социальных и экономических возможностей в контексте выявленных сценариев внесемейной активности. Показано, что действующие в настоящее время меры экономической поддержки направлены на снижение глубины бедности наиболее уязвимых домохозяйств и воспроизводят модель социальной помощи. Такой подход оправдан в период кризиса, однако малоэффективен в качестве стратегического механизма стабилизации демографических показателей и улучшения качества жизни населения, поскольку позволяет лишь поддерживать нуждающиеся семьи на уровне выживаемости. Профессиональный и предпринимательский потенциал молодых матерей, как активной части населения, которая оказывается в невыигрышных условиях, остается невостребованным. Опираясь на накопленные в ходе исследования «нематеринских» практик знания об актуальных для российского социума сценариях материн-

A. Shvetsova,
I. Simonova

STRATEGIC POTENTIAL OF THE CONCEPT "NON-MATERNAL PRACTICES OF MOTHERS" AS A BASIS FOR OPTIMIZING THE SYSTEM OF ECONOMIC SUPPORT FOR MOTHERHOOD

Abstract

The article presents a block of results of the research project dedicated to the specifics of modern motherhood in the context of the transformation of the role models of Russian women. The main goal is to specify the strategic potential of the concept of "non-maternal" practices of mothers to optimize the system of socio-economic support for women during parental leave, which contributes to the expansion of their social and economic opportunities in the context of the identified scenarios of extra-family activity. It is shown that the current economic support measures are aimed at reducing the depth of poverty of the most vulnerable households and reproduce the model of social assistance. This approach is justified during a crisis, but is ineffective as a strategic mechanism for stabilizing demographic indicators and improving the quality of life of the population, since it only allows supporting needy families at the level of survival. The professional and entrepreneurial potential of young mothers, as an active part of the population, which finds itself in unfavorable conditions, remains unclaimed. Based on the knowledge accumulated during the study of "non-maternity" practices about the scenarios of motherhood that are relevant for the Russian society, we offer alternative solutions for optimizing the system of

ства, мы предлагаем альтернативные решения для оптимизации системы экономической поддержки матерей. На материалах онлайн-опроса (N=445, респонденты – женщины, имеющие детей дошкольного возраста) показаны основные противоречия действующей системы поддержки на фоне актуальных потребностей женщин: слабость каналов коммуникации с матерями; ориентация программ помощи на узкий сегмент малоимущих матерей; дефицит программ по поддержке предпринимательских инициатив для матерей. Следствием этих противоречий становятся фактическая бедность женщин с детьми при декларируемой ценности материнства; низкая субъективная оценка эффективности мер государственной поддержки, снижение доверия к ним; неполное использование социально-экономического потенциала материнства. В качестве принципов оптимизации системы предложены решения, основанные на приоритете личной активности исследуемой целевой группы. Во-первых, это расширение возможностей профессиональной реализации для экономически активных женщин посредством правовых, административных, образовательных мер. Во-вторых, создание условий для развития предпринимательской активности женщин, в том числе поддержка коммуникации с ними по данному направлению. В-третьих, преобразование социальной инфраструктуры на принципах разумной рациональности.

Ключевые слова:
материнство, гендерная политика, гендерное равенство, поддержка материнства, нематеринские практики матерей, социальная политика, демографическая политика.

economic support for mothers. Based on the materials of the online survey (N=445, respondents are women with children of preschool age), the main contradictions of the current support system against the backdrop of the actual needs of women are shown: weak channels of communication with mothers; orientation of assistance programs to a narrow segment of poor mothers; lack of programs to support entrepreneurial initiatives for mothers. These contradictions result in the actual poverty of women with children, despite the declared value of motherhood; low subjective assessment of the effectiveness of state support measures, a decrease in confidence in them; incomplete use of the socio-economic potential of motherhood. Solutions based on the priority of personal activity of the studied target group are proposed as the principles of system optimization. Firstly, it is the expansion of professional opportunities for economically active women through legal, administrative, and educational measures. Secondly, the creation of conditions for the development of women's entrepreneurial activity, including support for communication with them in this area. Thirdly, the transformation of social infrastructure on the principles of reasonable rationality.

Key words:
motherhood, gender policy, gender equality, motherhood support, non-maternal practices of mothers, social policy, demographic policy.

https://doi.org/10.24412/2227-1538-2023-4-48-60

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-28-00636 «Современные «нематеринские» практики молодых матерей: репертуар, потенциал и общественный риск».

Экономическая поддержка женщин в связи с материнством является одной из ключевых задач демографической политики ввиду высокого риска попадания молодых матерей в число бедных. Согласно данным Всероссийского научно-исследовательского института труда, существует устойчивый тренд преобладания семей с детьми среди бедного населения страны [10],

причем в особо уязвимом положении находятся многодетные и одинокие матери [6; 14]. В этой ситуации возрастает роль государственной социальной системы и ее способности амортизировать шоковые эффекты пандемии, экономических кризисов и военных конфликтов. Действующая в России модель основана на дифференциации оказываемой помощи в зависимости от уровня благосостояния семьи, причем получателями большинства выплат являются семьи, чей среднедушевой доход меньше регионального прожиточного минимума. Пронаталистская повестка [21] доминирует в Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023-2030 гг. [8], согласно которой в число мер государственной поддержки, направленных на снижение риска возникновения бедности при рождении ребенка, входят ежемесячные выплаты, налоговые льготы, льготная ипотека. Однако, в соответствии с официальными разъяснениями, большинство мер предназначено для семей, находящихся в критической финансовой ситуации и обладающих минимумом имущества (так, если у семьи есть автомобиль младше 5 лет с двигателем мощностью больше 250 л.с. – в пособии откажут).

Таким образом, действующая система экономической поддержки материнства строится по принципу оказания социальной помощи и определяется учеными в терминах «этакратический гендерный порядок», «патерналистская социальная политика» [5]. Данная модель заключается в прямых финансовых выплатах малообеспеченным семьям, что способствует сокращению глубины бедности и уменьшению ее масштабов лишь до уровня выживаемости. В целом такой подход признается малоэффективным для достижения стратегических целей демографической политики (обеспечение прироста человеческого и социального капитала [18]), ведет к угасанию государственных социальных функций. На наш взгляд, альтернативным способом организации системы экономической поддержки материнства является приоритет личной активности целевой группы – расширение возможностей для профессиональной самореализации и предпринимательства, поддерживаемых развитием социальной инфраструктуры.

Возможность влияния на демографическое поведение и репродуктивные установки ограничена не только экономическими и административными ресурсами государства, но и дефицитом надежных и методологически корректных научных данных [2]. Одним из таких малоизученных феноменов остается занятость молодых матерей. В российском научном дискурсе исследования, посвященные этому вопросу, единичны, но их анализ позволяет говорить о солидарности авторов в оценках сложившейся ситуации. Так, на основе данных групповых интервью коллектив Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» сформулировал барье-

ры возобновления занятости молодых матерей, среди которых незаинтересованность работодателей в сотрудниках с маленькими детьми, проблемы доступности и качества дошкольных учреждений (особенно ясельных групп), социальные установки на незанятость женщин и воспитание ребенка матерью, отсутствие рабочих мест, потеря квалификации за период отпуска [9]. Социолог Ольга Гокова провела серию опросов в ряде субъектов РФ и пришла к выводу, что существует потребность в развитии нестандартной занятости для женщин, имеющих детей. Выход из ситуации автор видит в формировании экосистемы сопровождения занятости – комплекса сервисных услуг для «бесшовного» сопровождения женщин на рынке труда [4]. Комплексное исследование дистанционной материнской занятости, выполненное научным коллективом Уральского государственного экономического университета под руководством Натальи Тонких, посвящено влиянию дистанционных форм на трансформацию института родительства и репродуктивное поведение [16; 17]. Авторы подтвердили гипотезу о социальной эффективности дистанционного формата оплачиваемой работы для женщин, доказав, что возможность выполнять родительские и профессиональные функции положительно коррелирует с готовностью к материнству. Кроме того, есть данные о переосмыслении женщинами своего профессионального опыта в период декрета и стремлении молодых матерей найти приемлемый в данных условиях способ самореализации [7; 12].

Исследователи также солидарны в том, что длительный отпуск по уходу за ребенком нормативно защищает женщину от увольнения, однако фактически ведет к утрате профессиональных позиций, снижая ее карьерные шансы [20; 24]. Более того, с рождением детей возрастает мотивация женщин в отношении работы и их продуктивность, но они вынуждены сознательно уменьшать свои карьерные амбиции, отдавая приоритет семейным делам [26; 28]. Правовое обеспечение гибкости форматов занятости стало бы полезной опцией для тысяч молодых матерей. Вместе с тем, такое решение нуждается в соответствующей инфраструктурной поддержке. Социальную инфраструктуру можно определить, как коллективно наращенный потенциал коммуникационных, образовательных, медицинских, санитарных объектов, учреждений общепита, сервиса и пр., обеспечивающих функционирование жизнедеятельности отдельных лиц и групп людей. Очевидно, что социальная инфраструктура влияет на распределение возможностей, а доступ к ней неравномерен [23]. Ее элементы являются пространствами, которые уязвимы для недофинансирования и административного пренебрежения [27; 30]. Для молодых матерей доступность объектов социальной инфраструктуры (детских садов, школ, спортивных и творческих секций, ме-

дицинских учреждений) и их качество являются базовым условием нормального профессионального функционирования.

В качестве основы для оптимизации системы экономической поддержки материнства мы предлагаем использовать концепт ««нематеринские» практики матерей», преобразующий формат дискурса от социальной помощи к социальному партнерству. Определяя «нематеринские» практики как совокупность действий женщин в период декретного отпуска, направленных на удовлетворение социальных, экономических, психологических потребностей и возникающих вследствие отмены привычного ритма жизни, мы стремимся подчеркнуть причинно-следственный характер их возникновения. Методологическими основаниями данного концепта являются теория социального конструирования гендера [1] (материнство определено социальным контекстом и внутренними установками женщины); теория социальных полей (влияние социального и культурного капитала на внесемейную активность матери) [3; 15]; концепция гендерной трансформации общества [11], именуемая в работах Галины Георгиевны Силласте также сменой гендерного ландшафта [13].

В силу общественной традиции толковать «декретный отпуск» как беззаботный период и исключительную привилегию, молодые мамы оказываются вытесненными из социальных и профессиональных процессов. Их ритм жизни, локации и практики организуются вокруг заботы о ребенке, к чему большинство современных женщин оказывается неготовыми. Это вызывает трудности не только психологического характера (международные данные называют следующие цифры: до 13% женщин, имеющих младенцев, находятся в состоянии депрессии [29; 31; 32] и 20,7% соответствуют критериям одного или нескольких тревожных расстройств [22; 25]), но и экономического, поскольку, как отмечалось выше, модель социальной поддержки молодых матерей не предполагает поддержание «додекретного» материального уровня, тогда как расходы кратно возрастают.

Использование данного концепта дает возможность изучения реальных жизненных сценариев молодых матерей, описания и структурирования их повседневных практик. На административном уровне понимание того, как на самом деле организован «декрет», способствует выработке решений по устранению потенциальных рисков (как экономических, так и социально-психологических) и развитию возможностей женщин.

Для верификации предложенного концептуального аппарата мы провели онлайн-опрос, в котором приняли участие женщины, имеющие детей дошкольного возраста (N=445, сроки сбора данных – апрель-май 2023 года, выборка случайная, рекрутирование через рассылку по сети дошкольных образовательных учреждений Свердловской области, распространение анке-

ты на региональном интернет-портала U-Mama). Структура анкеты последовательная, включает 34 вопроса об особенностях материнства, реализуемых «нематеринских» практиках, репертуаре их наполнения.

Распределение ответов на вопрос «Отметьте наиболее значимые для Вас проблемы, возникшие после рождения ребенка (детей)» (Таблица 1), позволяет сделать вывод о том, что ухудшение финансовой ситуации в связи с рождением ребенка является одной из наиболее острых проблем российских матерей (14,16%). Наряду с ней возникает целый спектр социально-психологических последствий декрета в виде хронической усталости и недосыпании (15,3%), ощущения «дня сурка» (15,11%), отсутствия времени на себя и свои интересы (14,79%), дефицита общения (10,43%).

Таблица 1 – Распределение ответов на вопрос «Отметьте наиболее значимые для Вас проблемы, возникшие после рождения ребенка (детей)»

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
Ухудшение моего здоровья	153	9.67%
Ухудшение отношений с мужем	98	6.19%
Однообразие, «день сурка»	239	15.11%
Ухудшение финансовой ситуации, потеря финансовой независимости	224	14.16%
Постоянная усталость, хроническое недосыпание	242	15.3%
Отсутствие времени на себя	234	14.79%
Недостаток общения	165	10.43%
Отсутствие возможности работать	126	7.96%
Здоровье ребенка	83	5.25%
Другое	18	1.14%

В числе прочих вариантов были отмечены следующие (единично):

Неприспособленность города для колясок. На многих старых выходах из метро нет даже пандусов; тотальный стресс; и выйти на работу, из-за этого расстались с мужем; отсутствие собственной жизни и реализации; ухудшение ментального здоровья; апатия, депрессия, потеря радости жизни; проблем не испытывала.

Более трети опрошенных сообщили о серьезных финансовых трудностях во время декрета («Было трудно, пришлось «затянуть пояса» – 27,19%, «Было очень трудно, денег сильно не хватало» – 7,42%, таблица 2).

Таблица 2 – Распределение ответов на вопрос «Каким был уровень вашего финансового состояния в период декрета?»

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
Чувствовала себя спокойно, денег хватало на все	105	23.6%
Можно было жить привычной жизнью, но к экстренным тратам была не готова	186	41.8%
Было трудно, пришлось «затянуть пояса»	121	27.19%
Было очень трудно, денег сильно не хватало	33	7.42%

Финансовые трудности и описанные выше социально-психологические проблемы создают ситуацию, когда значительная часть молодых матерей (по нашим данным не менее 44%) вынужденно или по собственному желанию не используют трехлетний отпуск по уходу за ребенком. Стоит отметить широкую вариативность форм занятости, включающую выход на полный рабочий день, частичную занятость, удаленную работу, фриланс, собственный бизнес. Помимо профессиональных траекторий в имеющейся профессии, нематеринские практики представлены разнообразными увлечениями, как имеющими экономический эффект, так и занятиями «для души»: (рукоделие / производство крафтовых товаров; волонтерство / социальный активизм; экологические практики; бьюти; дизайн и др.). Ограниченная возможность пространственного передвижения определяет популярность онлайн-практик, реализуемых молодыми матерями в социальных сетях (этому вопросу посвящена отдельная статья авторов [19]), а также реализации практик на дому (57% ответивших). Важно, что лишь порядка 17% женщин отметили, что не занимались ничем кроме стандартных уходовых функций. Фактически, большая часть женщин сохраняют высокую экономическую активность, в том числе как продолжают браться за выполнение рабочих задач по основному месту работы, так и пытаются зарабатывать на новых «нематеринских» практиках. Отметим, что почти половина опрошенных женщин повышали свою квалификацию или получали образование в новой сфере.

Таким образом, мы имеем дело с комплексом субъективных потребностей, характерных для данной целевой группы. И именно через призму этих потребностей важно оценить существующие меры поддержки и имеющуюся инфра-

структуру. Так, в отношении действующих механизмов поддержки молодых матерей, относительную осведомленность женщины демонстрируют лишь касательно государственных пособий и программ центров занятости. При этом почти четверть опрошенных о таких мерах не знают (табл. 3). В качестве комментариев к вопросу женщины оставляли критические замечания о величине пособий («Пособия на детей мизерные, других пособий не знаю»), трудности в реализации прав на их получение («Отказали в обучении от центра занятости»).

Таблица 3 – Распределение ответов на вопрос «Какие механизмы поддержки молодых мам Вы знаете?»

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
Программы центров занятости	142	19.29%
Программы фондов поддержки предпринимательства	62	8.42%
Программы в центрах прототипирования, в креативных кластерах	4	0.54%
Проекты НКО для женщин, матерей	25	3.4%
Форумы, интернет-сообщества для женщин	111	15.08%
Государственная поддержка (пособия и пр.)	209	28.4%
Не знаю никаких программ	176	23.91%
Другое	7	0.95%

Пользователями государственных программ поддержки и проектов некоммерческого сектора заявили себя менее половины опрошенных (таб. 4). При этом именно те программы, которые, исходя из приведенного выше анализа «нематеринских» практик, должны были бы привлечь внимание женщин, оказались наименее востребованными. Например, на 175 из 445 опрошенных женщин, прошедших обучение, приходится лишь 34 респондента, которые пользовались программами центров занятости, предполагающими обучение для матерей. Также и предпринимательские инициативы зачастую были реализованы женщинами самостоятельно, и 6 женщин прибегли к помощи центров поддержки предпринимательства, при этом старт бизнесу в период ухода за меленьким ребенком дали 40 опрошенных. Процент обращений к опыту других женщин через форумы и организации некоммерческого сектора оказался несколько выше, как и общая осведомленность о них, что говорит о готовности женщин получать информацию в профильных комьюнити и, в целом, о социальном запросе на профильную информационную инфраструктуру.

Таблица 4 – Распределение ответов на вопрос «Какие источники поддержки молодых мам Вы лично использовали?»

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
Программы центров занятости	34	6.75%
Программы фондов поддержки предпринимательства	6	1.19%
Программы в центрах прототипирования, в креативных кластерах	2	0.4%
Проекты НКО для женщин, матерей	8	1.59%
Форумы, интернет-сообщества для женщин	45	8.93%
Государственная поддержка (пособия и пр.)	150	29.76%
Не использовала	252	50%
Другое	7	1.39%

Определенно, есть сложности в том, как организованы каналы коммуникации между государством и его благополучательницами: женщины в большей степени рассчитывают на рекомендации других женщин, а также полагаются на собственные силы в вопросах обучения и предпринимательских инициатив, а также общего выбора активностей. Низкая фактическая востребованность государственных мер, таким образом, не говорит о низкой потребности в них среди российских матерей, но может объясняться не только порядками информирования об имеющихся программах, но и сложностью бюрократических процедур их использования. Также стоит искать барьеры в рассогласованности программ поддержки и особенностей социальной инфраструктуры для материнства: последняя выступает как контекстуальное условие доступности первых. Таким образом, можно сделать вывод о некоторых несоответствиях предпринимаемых государством мер поддержки реальным потребностям матерей.

Концептуальное обобщение накопленного опыта изучения активностей матерей, выходящих за рамки уходовых практик, позволяет констатировать необходимость пересмотра программ экономической поддержки современных женщин в связи с материнством. Основополагающими должны стать, на наш взгляд, три направлениями работы. Во-первых, расширение возможностей профессиональной реализации для экономически активных женщин. Данное направление может включать в себя решения правового характера, стимулирование работодателей на создание комфортных условий труда для молодых матерей (в том числе, через гибкое налоговое управление), оптимизацию программ профессиональной переподготовки молодых матерей. Во-вторых, со-

здание условий для развития предпринимательской активности женщин. Период отпуска по уходу за ребенком сопряжен со сменой ритма жизни и пересмотром системы ценностей. Эти изменения в ряде случаев стимулируют предпринимательскую инициативность, поскольку именно этот формат занятости наиболее удобен с точки зрения организации времени. Основными барьерами в развитии своего дела выступают нехватка компетенций в области предпринимательства, отсутствие стартового капитала, сложность бюрократических и отчетных процедур, демотивирующие налоговые ставки. Стоит отметить также тот факт, что мамы-предприниматели не только лишены на данный момент специальных мер поддержки, но находятся вне действия основных социальных пособий. В-третьих, безусловной необходимостью является преобразование социальной инфраструктуры, в том числе, информационной структуры на принципах разумной рациональности: необходимо строить оценку и отбор критериев для их организации с учётом потребностей разных категорий жителей, в том числе, и женщин с маленькими детьми. Отсутствие возможности временно доверить уход за ребенком специалистам, удаленность досуговых центров от школ и детских садов, перманентные сложности с качеством медицинских услуг аккумулируются в словах одной из наших респонденток: «Создается ощущение, что ты и твой ребенок никому не нужны». Следует работать и в направлении преодоления информационного вакуума в вопросах программ поддержки инициативных матерей: при доступности консультаций по вопросам процесса родов и практик ухода за младенцами, вопросы профессиональных и досуговых сфер практически не затрагиваются в рамках Школ будущих родителей при всей их очевидной важности.

Таким образом, использование концепта ««нематеринские» практики матерей» открывает возможности для накопления и систематизации научных знаний о реальной ситуации материнства, в том числе, и в части экономических эффектов и соответствующего потенциала женщин-матерей. Предложенная оптика позволяет увидеть современную ситуацию в сфере материнства и программ его сопровождения, а главное детально анализировать возможности и риски, связанные с деятельностью матерей в период наибольшей привязанности женщин к ребенку. Научно обоснованный разговор о «нематеринских» практиках действительно позволяет осуществить поворот к анализу жизненного мира женщин, который до этого оставался в тени исследований диады «мать-ребенок», и сконцентрироваться на целом комплексе проблем, практическое решение которых невозможно без целенаправленного анализа реальной картины в сфере организации женщинами своего опыта материнства.

Литература

1. Бем С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. Москва: РОССПЭН. 2004. 336 с.

2. Бирюкова С.С., Козлов В.А. Демографические исследования в современном контексте: долгосрочные тренды развития и влияние внешних шоков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. №2. С. 3–13.

3. Бурдьё П. Формы капитала / Пер. с англ. М.С. Добряковой; Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения (фрагменты книги) // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. Москва: РОССПЭН. 2004. 680 с.

4. Гокова О.В. Формирование экосистемы занятости женщин с детьми (на примере Омской области) // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2022. Т. 20. № 4. С. 105–114.

5. Козлова Н.Н., Овчарова О.Г., Рассадин С.В. Социально-философский анализ государственной семейной политики в современной России: основные подходы // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Философия. 2020. Т. 52. №2. С. 117-123.

6. Круглова Е.Л. Феминизация бедности как одна из основных угроз молодой российской семьи // Дискуссия. 2020. Т. 99. № 2. С. 58–65.

7. Куликов Л.В., Малёнова А.Ю., Потапова Ю.В. Субъективная картина материнства в российских и зарубежных исследованиях // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2020. № 4. С. 135–167.

8. Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023 - 2030 годы. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 4356-р. URL: https://clck.ru/36DTjp (дата обращения 22.05.2023).

9. Пишняк А.И., Надеждина Е.В. Занятость российских женщин после рождения детей: стимулы и барьеры // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18. №2. С. 221–238.

10. Разумов А.А., Селиванова О.В. Влияние детских пособий и компенсационных выплат на снижение уровня бедности в регионах РФ // Социально-трудовые исследования. 2023. Т. 50. №1. С. 83-93.

11. Российский гендерный порядок: социологический подход: Коллективная монография / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2007. 306 с.

12. Саночкина А.В. Проблемы самореализации женщин в период отпуска по уходу за ребенком // Актуальные проблемы психологии личности: Сб. науч. трудов / Под науч. ред. Н.Н. Васягиной, Е.А. Казаевой. Екатеринбург: УрГПУ. 2019. С. 234–238.

13. Силласте Г.Г. Социальные транзиции и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2019. №2. С. 3-16.

14. Смолева Е.О. Многодетные и одинокие матери: стереотипы и социальная уязвимость // Женщина в российском обществе. 2017. Т. 85. №4. С. 14-25.

15. Социология социального пространства / Пер. с фр.; общ. ред. и послесл. Н.А. Шматко. В 2-х т. Москва: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя. 2005. 288 с.

16. Тонких Н.В., Антонов Д.А., Агафонов В.Г., Камарова Т.А., Коропец О.А., Мельникова А.С., Пеша А.В., Чудиновских М.В. Дистанционная женская занятость в контексте института родительства / монография. Екатеринбург. 2019. 310 с.

17. Тонких Н. В. Дистанционная занятость и родительство: мнения женщин // Народонаселение. 2021. Т. 24. №3. С. 92-104.

18. Черкасская Г.В. Модели российской национальной системы социальной защиты: действующая и перспективная // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. Т. 6. №1. С. 77-91.

19. Швецова А.В., Симонова И.А., Оболенская А.Г., Кривощёкова М.С. Онлайн-практики экономического поведения российских женщин в период декретного отпуска // Экономическая социология. 2022. Т. 23, №4. С. 12-36.

20. Bear J.B., Glick P. Breadwinner bonus and caregiver penalty in workplace rewards for men and women. Social Psychological and Personality Science. 2017. Vol. 8. №7. pp. 780–788.

21. Cook L., Iarskaia-Smirnova E., Kozlov V. Trying to Reverse Demographic Decline: Pro-Natalist and Family Policies in Russia, Poland and Hungary. Social Policy and Society. 2023. Vol. 22. №2. pp. 355-375.

22. Fawcett E. J., Fairbrother N., Cox M. L., White I. R., Fawcett J. M. The prevalence of anxiety disorders during pregnancy and the postpartum period: A multivariate bayesian meta-analysis. Journal of Clinical Psychiatry. 2019. Vol. 80.

23. Hall S. M. Social reproduction as social infrastructure. Soundings. 2020. Vol. 76. pp. 82-94.

24. Hideg I., Krstic A., Trau R.N.C., Zarina T. The unintended consequences of maternity leaves: How agency interventions mitigate the negative effects of longer legislated maternity leaves. Journal of Applied Psychology. 2018. Vol. 103. №10. pp. 1155–1164.

25. Inness B.E., McCabe R.E., Streiner D.L., Barrett E., Green S.M. The Worry Behaviors Inventory–Perinatal Revised: Adaptation and Initial Validation for Use in Perinatal Samples. Assessment. 2023. Vol. 0.

26. Kokubo A., Yoshikawa K., Wu C. Facilitating transition from maternity leave to work for working mothers: A self-efficacy intervention study. Cambridge Prisms: Global Mental Health. 2023 Vol. 10.

27. Latham A., Layton J. Social infrastructure: why it matters and how urban geographers might study it. Urban Geography. 2022. Vol. 43. pp. 659-668.

28. O'Connor C., Wright A. Female Career Progression and Maternity Leave: An Irish Exploration. Business and Economic Research. 2013. №3.

29. O'hara M. W., Swain A. M. Rates and risk of postpartum depression – A meta-analysis. International Review of Psychiatry. 2009. Vol. 8. pp. 37–54.

30. Shaw I. Worlding austerity: The spatial violence of poverty. Environment and planning D: society and space. 2019. Vol. 37. N6. pp. 971–989.

References

1. Bem S. Linzy gendera: Transformatsiya vzglyadov na problemu neravenstva polov. Moskva: ROSSPEN. 2004. 336 s.

2. Biryukova S.S., Kozlov V.A. Demograficheskie issledovaniya v sovremennom kontekste: dolgosrochnye trendy razvitiya i vliyanie vneshnikh shokov. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2023. №2. S. 3–13.

3. Burd'e P. Formy kapitala / Per. s angl. M.S. Dobryakovoi; Burd'e P. Razlichenie: sotsial'naya kritika suzhdeniya (fragmenty knigi). Zapadnaya ekonomicheskaya sotsiologiya: khrestomatiya sovremennoi klassiki. Moskva: ROSSPEN. 2004. 680 s.

4. Gokova O.V. Formirovanie ekosistemy zanyatosti zhenshchin s det'mi (na primere Omskoi oblasti). Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Ekonomika». 2022. T. 20. № 4. S. 105–114.

5. Kozlova N.N., Ovcharova O.G., Rassadin S.V. Sotsial'no-filosofskii analiz gosudarstvennoi semeinoi politiki v sovremennoi Rossii: osnovnye podkhody. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filosofiya. 2020. T. 52. №2. S. 117-123.

6. Kruglova E.L. Feminizatsiya bednosti kak odna iz osnovnykh ugroz molodoi rossiiskoi sem'i. Diskussiya. 2020. T. 99. № 2. S. 58–65.

7. Kulikov L.V., Malenova A.Yu., Potapova Yu.V. Sub"ektivnaya kartina materinstva v rossiiskikh i zarubezhnykh issledovaniyakh. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya. 2020. № 4. S. 135–167.

8. Natsional'naya strategiya deistvii v interesakh zhenshchin na 2023 - 2030 gody. Utverzhdena Rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 29 dekabrya 2022 g. № 4356-r. URL: https://clck.ru/36DTjp (data obrashcheniya 22.05.2023).

9. Pishnyak A.I., Nadezhdina E.V. Zanyatost' rossiiskikh zhenshchin posle rozhdeniya detei: stimuly i bar'ery. Zhurnal issledovanii sotsial'noi politiki. 2020. T. 18. №2. S. 221–238.

10. Razumov A.A., Selivanova O.V. Vliyanie detskikh posobii i kompensatsionnykh vyplat na snizhenie urovnya bednosti v regionakh RF. Sotsial'no-trudovye issledovaniya. 2023. T. 50. №1. S.83-93.

11. Rossiiskii gendernyi poryadok: sotsiologicheskii podkhod / Pod red. E. Zdravomyslovoi, A. Temkinoi. SPb.: Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 2007. 306 s.

12. Sanochkina A.V. Problemy samorealizatsii zhenshchin v period otpuska po ukhodu za rebenkom. Aktual'nye problemy psikhologii lichnosti: Sb. nauch. trudov / Pod nauch. red. N.N. Vasyaginoi, E.A. Kazaevoi. Ekaterinburg: UrGPU. 2019. S. 234–238.

13. Sillaste G. G. Sotsial'nye tranzitsii i formirovanie novogo gendernogo poryadka. Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2019. №2. S. 3-16.

14. Smoleva E.O. Mnogodetnye i odinokie materi: stereotipy i sotsial'naya uyazvimost'. Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2017. T. 85. №4. S. 14-25.

15. Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva / Per. s fr.; obshch. red. i poslesl. N.A. Shmatko. V 2-kh t. Moskva: Institut eksperimental'noi sotsiologii; SPb.: Aleteiya. 2005. 288 s.

16. Tonkikh N.V., Antonov D.A., Agafonov V.G., Kamarova T.A., Koropets O.A., Mel'nikova A.S., Pesha A.V., Chudinovskikh M.V. Distantsionnaya zhenskaya zanyatost' v kontekste instituta roditel'stva / monografiya. Ekaterinburg. 2019. 310 s.

17. Tonkikh N. V. Distantsionnaya zanyatost' i roditel'stvo: mneniya zhenshchin. Narodonaselenie. 2021. T. 24. №3. S. 92-104.

18. Cherkasskaya G.V. Modeli rossiiskoi natsional'noi sistemy sotsial'noi zashchity: deistvuyushchaya i perspektivnaya. Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2011. T. 6. №1. S. 77-91.

19. Shvetsova A.V., Simonova I.A., Obolenskaya A.G., Krivoshchekova M.S. Onlain-praktiki ekonomicheskogo povedeniya rossiiskikh zhenshchin v period dekretnogo otpuska. Ekonomicheskaya sotsiologiya. 2022. T. 23, №4. S. 12-36.

20. Bear J.B., Glick P. Breadwinner bonus and caregiver penalty in workplace rewards for men and women. Social Psychological and Personality Science. 2017. Vol. 8. №7. pp. 780–788.

21. Cook L., Iarskaia-Smirnova E., Kozlov V. Trying to Reverse Demographic Decline: Pro-Natalist and Family Policies in Russia, Poland and Hungary. Social Policy and Soci-ety. 2023. Vol. 22. №2. pp. 355-375.

22. Fawcett E. J., Fairbrother N., Cox M. L., White I. R., Fawcett J. M. The prevalence of anxiety disorders during pregnancy and the postpartum period: A multivariate bayesian meta-analysis. Journal of Clinical Psychiatry. 2019. Vol. 80.

23. Hall S. M. Social reproduction as social infrastructure. Soundings. 2020. Vol. 76. pp. 82-94.

24. Hideg I., Krstic A., Trau R.N.C., Zarina T. The unintended consequences of maternity leaves: How agency interventions mitigate the negative effects of longer legislated maternity leaves. Journal of Applied Psychology. 2018. Vol. 103. №10. pp. 1155–1164.

25. Inness B.E., McCabe R.E., Streiner D.L., Barrett E., Green S.M. The Worry Behaviors Inventory–Perinatal Revised: Adaptation and Initial Validation for Use in Perinatal Samples. Assessment. 2023. Vol. 0.

26. Kokubo A., Yoshikawa K., Wu C. Facilitating transition from maternity leave to work for working mothers: A self-efficacy intervention study. Cambridge Prisms: Global Mental Health. 2023 Vol. 10.

27. Latham A., Layton J. Social infrastructure: why it matters and how urban geographers might study it. Urban Geography. 2022. Vol. 43. pp. 659-668.

28. O'Connor C., Wright A. Female Career Progression and Maternity Leave: An Irish Exploration. Business and Economic Research. 2013. №3.

29. O'hara M. W., Swain A. M. Rates and risk of postpartum depression – A meta-analysis. International Review of Psychiatry. 2009. Vol. 8. pp. 37–54.

30. Shaw I. Worlding austerity: The spatial violence of poverty. Environment and planning D: society and space. 2019. Vol. 37. N6. pp. 971–989.

М.Ю. Милованова

ПОЛИТИКА ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В СОВРЕМЕННОМ ОЛИМПИЙСКОМ ДВИЖЕНИИ

Аннотация

В статье дана характеристика поэтапного продвижения политики гендерного равенства в современном Олимпийском движении, ставшего трендом международной повестки Целей устойчивого развития, провозглашенного ООН в 2015 году. Благодаря планомерной деятельности Международного Олимпийского комитета (МОК) принцип гендерного равенства активно внедряется в современный спорт высоких достижений, как мировую систему, глобальную сферу политики и бизнеса. Теоретико-методологической основой стал ресурсный подход, раскрытие понятия гендерные ресурсы как человеческого измерения и потенциала для прогрессивного развития спорта. На основе проведённого анализа публичных источников официальных сайтов ООН, МОК, спортивных медиа дана характеристика эволюции трактовки принципа гендерного равенства, его правового и институционального закрепления, а также поставлена проблема, с которой столкнулось современное олимпийское движение в связи с достижениями расшифровки генома человека, позволивших масштабировать гендерные экспертизы, принятие решения МОК допускать к участию в спортивных соревнованиях трансгендеров. Именно последнее ставит под вопрос реализацию равноправия женщин и мужчин в спорте, как той сферы, где биологические и физиологические особенности полов играют немаловажную роль для уровня показателей и возможностей человеческого организма, влияют на конкуренцию спортивных результатов.

Ключевые слова:

политика, спорт, гендер, гендерное равенство, новый гендерный порядок, ген-

M. Milovanova

GENDER EQUALITY POLICY IN THE MODERN OLYMPIC MOVEMENT

Abstract

The article describes the gradual promotion of gender equality policy in the modern Olympic movement, which has become a trend on the international agenda of the Sustainable Development Goals, proclaimed by the UN in 2015. Thanks to the systematic activities of the International Olympic Committee (IOC), the principle of gender equality is being actively introduced into modern high-performance sports as a global system, the global sphere of politics and business. The theoretical and methodological basis was the resource approach, the disclosure of the concept of gender resources as a human dimension and potential for the progressive development of sports. Based on the analysis of public sources of the official websites of the United Nations, the IOC, and sports media, the author characterizes the evolution of the interpretation of the principle of gender equality, its legal and institutional consolidation, and also poses the problem faced by the modern Olympic movement in connection with the achievements of decoding the human genome, which made it possible to scale gender expertise, the decision of the IOC to allow participation in sports transgender competitions. It is the latter that calls into question the realization of equality of women and men in sports, as the sphere where biological and physiological characteristics of the sexes play an important role for the level of indicators and capabilities of the human body, affect the competition of sports results.

Key words:

politics, sports, gender, gender equality, gender order, gender resources, trends, In-

дерные ресурсы, тренды, Международный Олимпийский Комитет (МОК).

ternational Olympic Committee (IOC).

https://doi.org/10.24412/2227-1538-2023-4-61-80

XXI век проходит под знаком становления нового гендерного порядка (gender order). Гендерный порядок в социологии трактуется как «действующая в обществе комплексная система тесного взаимодействия трех структурных элементов — социальных норм, политической культуры и социальных институтов, формирующих своей деятельностью позитивно ориентированное отношение общества к гендерным проблемам и готовность к участию в их решении» [26, с. 38]. Социальный порядок видоизменяется в истории, всегда имеет своё гендерное выражение. Современный нам гендерный порядок вслед «за изменением традиционного (по меркам прошлого столетия) социального положения женщин как гендерной общности повлекло за собой цепочку социальных и политических коррекций и вновь поставило в фокус внимания идеологию равенства и равноправия» [25, с. 4]. Гендер как один из социальных конструктов не может не влиять на состояние современного спорта как мировой системы, для которого реализация политики гендерного равенства стала современным глобальным трендом. Уже на старте образования ООН в 1945 году были приняты серьёзные организационные решения путём создания Комиссии по положению женщин. На тот момент эта структура стала крупнейшим руководящим органом, отвечающим за мероприятия по устранению гендерного неравенства и улучшения положения женщин. Она стала проводником поощрения прав женщин, фиксирования положения женщин во всех странах мира, формирования глобальных стандартов по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин. Однако известная статья 1 Устава ООН об «уважении к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии» оказалась недостаточной в определении прав человека и потребовался Всеобщий договор. Принятие Всеобщей декларации прав человека Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года закрепило гендерное равенство как часть международного права – «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах» и, что «каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, религии или иного положения» [20].

Немаловажным стало принятие Найробийских перспективных стратегий на Третьей Всемирной конференции по положению женщин в 1985 году, когда было уточнено понятие гендерное равенство как осуществление равенства прав, которых женщины лишены по причине дискриминации.

«Женщины и девочки составляют половину населения планеты, что равнозначно половине потенциала человечества. Гендерное равенство, одно из важнейших прав человека, играет ключевую роль в деле обеспечения мира и согласия в обществе и полноценной реализации человеческого потенциала на основе устойчивого развития» [21].

В 1995 году в Пекине состоялась Четвертая Всемирная конференция по положению женщин. Значение принятой на данном мировом форуме Пекинской Декларации и Платформы действий определяется демонстрацией преемственности всем ранее принятым международным актам, что стало своего рода новой эстафетой для грядущего XXI века. Ключевой новеллой становится перенос осознанного внимания с положения самих женщин на концепцию полов, признание необходимости переоценки всей структуры общества и всего комплекса отношений между женщинами и мужчинами как гендерных. В Пекине произошло ещё одно важное событие – институциональное закрепление термина «гендер» [24, с. 34].

На современном этапе гендерное равенство реализуется как цель устойчивого развития (ЦУР 5) на основании решения Генеральной ассамблеи ООН 2015 года [20; 36].

Отметим, что бинарность полов лежит в основе спортивной системы и предполагает разделение спортсменов на определённые категории биологического пола при рождении. Благодаря совместной инициативе Комиссии МОК «Женщины в спорте» и Комиссии спортсменов по проведению всеобъемлющего обзора текущего гендерного равенства с 2017 года МОК стал готовить первый проект Обзора Гендерного равенства [35].

Актуальность заявленной темы продиктована кардинальными видоизменениям в общественном мнении как относительно норм биологических особенностей полов, так и гендерного порядка как социального конструкта, что ярко проявляется в спорте. На фоне антироссийских санкций и фактического удаления России из мирового спорта становится ещё более актуальным толкование гендерной идентичности как наиболее глубинной характеристики человека. В условиях, когда меткое определение Дж. Оруэлла о международных спортивных соревнованиях как «войне минус стрельба», о том, что «на международном уровне спорт откровенно имитирует войну» [19], с новым импульсом обнажается кризисное состояние олимпийского спорта, наблюдается поляризация стран, учитывающих культурно-историческую, национальную специфику, потребность для сохранения суверенитета страны в комплексном формировании национальной модели гендерного равноправия, включая спорт. Уже есть решение МОК о допуске на Олимпийские игры в Париже в 2024 году российских спортсменов в

нейтральном статусе, как это уже случилось на Олимпиаде в Токио в 2021 году (без герба, гимна, флага, без национальной символики на форме спортсмена).

Теоретико-методологические подходы

Реализация политики гендерного равенства рассматривается в данной статье целеполагающей с позиции определения понятия «гендерные ресурсы», значимости их человеческого измерения в эпоху современных социальных изменений, нового гендерного порядка. Обеспечение интересов и потребностей женщин и мужчин в современном олимпийском движении также является задачей данной публикации. Гендерные ресурсы – женщины и мужчины как социологические категории, имеют во все времена определенный круг деятельности, способ существования определенных иерархий и неравенств, стиль жизни, обязанности, повинности, ту или иную меру престижа, профессиональные шансы и т.п. Как было отмечено выше, лишь четверть века назад гендерный тренд дал новую ветвь развития, состоящую в переносе осознанного внимания с положения самих женщин на концепцию полов, признания необходимости переоценки всей структуры общества и всего комплекса отношений между женщинами и мужчинами как гендерных. Именно ресурсный подход позволяет воплощать балансировку интересов и потребностей женщин и мужчин в качестве объекта исследования [14, с. 639], при этом учитывается глубинная трактовка гендера как исследование не столько женщин и мужчин, сколько действующие между ними социальные взаимодействия, их потенциальность, отношения, детерминированные воспроизводимыми действующими в том или ином обществе социальными нормами, ролями, статусами, гендерными установками и стереотипами. Трудно опровергнуть то, что раскрытие потенциала женщин и мужчин как спортсменов, есть главнейший ресурс спорта как составляющей сферы социального развития, как регулирующей деятельности на пути к прогрессу. Ресурсный подход имеет междисциплинарную научную основу, актуален как в историческом, так и в проективном исследовании, возможно его сопряжение с методом П. Бурдье [30, с. 115] в обосновании социального пространства как совокупности «полей» и набора силовых отношений между позициями, которые не сводятся к взаимодействиям между индивидами. Позиции делятся на господствующие и подчиненные. Такая практика была характерна для современного олимпизма с момента его возрождения в конце XIX века – господствующее положение «мужского» в спорте и подчиненное «женского». Возможность участия женщин внедрялась постепенно, изначально как допуск. Социологический подход изучения равноправного участия жен-

щин и мужчин в олимпийском движении не исключает учёта биологически обусловленных половых особенностей, социально-психологических характеристик, особо необходимо принимать во внимание действующие социальные нормы, статусы, гендерные представления и стереотипы.

Закономерно, что изучение гендерного равенства, как нового тренда в спорте, исследуется в рамках гендерной социологии как частной социологической теории, изучающей закономерности развития и социального взаимодействия гендерных общностей (мужской и женской) во всех сферах общественной жизни, эволюцию их социальных статусов, сознания и отношений с учетом влияния конкретных исторических условий, культурных традиций, символов и стереотипов, а также биопсихологических особенностей» [24, с. 34]. Наряду с этим формируются новые разделения, в том числе и гендерное многообразие, продвигаемое в контексте прав человека, но, по сути, нарушающее баланс интересов, равноправие между женщинами и мужчинами. Идейное, организационное кризисное состояние современного олимпизма проявляется как гендерная проблема, когда видоизменяются представления об их возможностях, правах, мере свободы и подчинения, формах развития и самореализации, границах допустимого и рационального, доступа к ресурсам и их использованию, женщинах и мужчинах.

Степень научной изученности темы

Методология ресурсного подхода является междисциплинарной, поэтому проследим изучение трансформации гендерных отношений в спорте именно с такого ракурса. История подобных исследований насчитывает менее полувека. Известный исследователь особенностей социализации личности спортсменов Р. Мартенс в работе «Социальная психология и спорт», проблему гендерных отношений в спорте не затрагивает [13; 28, с. 220]. Лишь с 80-х гг. XX века, когда участие женщин в спорте стало реально массовым, в социологию спорта входит гендерная проблематика. О приоритетах ООН в продвижении принципа гендерного равенства активно пишет Н.А. Шведова [34, с. 31]. Среди российских авторов, исследующих спорт как мировую систему и социокультурный феномен в эпоху глобализации, можно назвать А.В. Кыласова [10], по истории женского спорта в олимпиадах древности и в современном мире С.Ю. Фролова [31]. Теме феминизации спорта посвящена работа В.Д. Иванова [7], Л.И. Лубышевой [11], проблема трансформации гендерных отношений изучается С.Н. Горловой, Е.В. Сухановой, И.С. Дунаевым [6], биографии выдающихся современных спортсменок - женщин представлены И.С. Стригой [27]. С точки зрения методологии оправдан интегративный подход с позиции гендера и социологии медицины,

активно разрабатываемый лишь в последние два десятилетия. В трудах Н.А. Овчинниковой, А.И. Редькина, О.А. Шевченко, Д.И. Воронцова [17], М.А. Бородиной, С.С. Зенина, Г.Н. Суворова [2]. Авторы ставят вопрос правового регулирования применения геномных исследований для целей гендерной верификации в спорте высоких достижений на уровне российского законодательства, считают назревшей проблему неизбежности этапа интеграции Российской Федерации в мировое спортивное движение или его дистанцирования. О правовых и иных аспектах участия спортсменов-трансгендеров в международных соревнованиях пишут Е.Ю. Андриянова [1], А.С. Волгина [3], А.М. Волкодав [4], А.А. Рязанцев [23], А.Н. Чудайкина [33], М.Н. Коростелева [8], особенности половой генетики и биомедицины рассмотрены в работах М.Г. Ткачук [29], С.М. Цвингер, О.О. Портянникова, Е.И. Морозова, А.А. Жилина [32].

Наиболее важными документами, направленными на достижение гендерного равенства являются Рамочная программа МОК по вопросам справедливости, инклюзивности и недискриминации по признаку гендерной идентичности и половых различий, Доклад 5-й Всемирной конференции МОК по проблемам женщин и спорта, Доклад МОК о гендерном равенстве и инклюзии (2021), Информационный бюллетень «Женщины в олимпийском движении», Проект обзора гендерного равенства МОК и инструментарий МОК по защите спортсменов от притеснений и злоупотреблений в спорте, рекомендации и план действий группы высокого уровня по гендерному равенству в спорте, подготовленные Европейской комиссией и её Генеральным директоратом по вопросам образования, молодежи, спорта и культуры в 2022 г.

Эволюция олимпизма в контексте гендерного равенства: от Древней Греции до Кубертена

Первой женщиной «олимпионик», упоминаемой в истории, стала Киниска, сестра спартанского царя Агесилая, ставшая единственной известной участницей и победительницей древних Олимпийских игр. Она занималась разведением лошадей, и выставленная ею четверка пришла к финишу на гонках первой. Женщины на официальные Игры не допускались, им даже не разрешалось присутствовать на состязаниях, а нарушивших это запрещение ожидала смертная казнь. Их сбрасывали со скалы, возвышавшейся вблизи Олимпии, о чем упоминает Павсаний в «Описании Эллады» [28, с. 220].

Пьер де Кубертен, родоначальник и идейный вдохновитель возрождения современного Олимпийского движения, в первые Игры в 1896 году в Афинах не горел желанием включать женщин в олимпийскую программу. Однако с позиции допуска на второй Олимпиаде в 1900 г. из 997 спортсме-

нов уже было 22 женщины. Девушки приняли участие в турнирах по гольфу, крокету, теннису, парусному спорту. Звание первой Олимпийской чемпионки оспаривают две спортсменки - британская теннисистка Шарлотта Купер и швейцарская графиня американского происхождения Элен де Портале, которая вместе с мужем и его братом принимала участие в соревнованиях по парусному спорту.

Роль МОК в эволюции правовых и институциональных рамок обеспечения участия женщин в спорте

Выдающимся модернизатором олимпийского движения стал Хуан Антонио Самаранч, испанский политик и бизнесмен, седьмой по счёту президент, возглавлявший МОК более двух десятилетий, с 1980 по 2001 г. Его примечательная роль связана с принятием огромной ответственности и сосредоточения усилий на повышении эффективности и стабильности деятельности МОК, укреплении авторитета олимпийского движения. В годы его президентства три ключевых звена олимпийского движения – Международный олимпийский комитет (МОК), Национальные олимпийские комитеты (НОК), Международные спортивные федерации (МСФ) были нацелены на совместную работу и тесное сотрудничество. Кроме этого, происходили коммерциализация олимпийского движения, пересмотр отношение к профессионализму и повышению спортивного уровня Олимпийских игр, их зрелищности. Стоит отметить позитивные результаты этого периода - признание массового спорта, спорта для всех, спорта для инвалидов, развитие олимпийской солидарности, расширение сотрудничества с правительственными и неправительственными организациями, профессиональное сотрудничество со средствами массовой информации, прежде всего с телевидением. Внедрение концепции Хуан Антонио Самаранча в целом помогло воплотить в жизнь более комплексную гендерно-сбалансированную модель современного олимпизма. Ресурс Олимпийского движения как более стабильного, авторитетного и многочисленного раскрылся прежде всего благодаря массовому участию женщин-спортсменок. Особо хочется отметить, что именно в годы его президенства, в 1981 году женщины впервые были избраны членами МОК, в который до этого входили только мужчины. Эстафетная палочка по продвижению политики гендерного равенства передавалась в деятельности Международного олимпийского комитета (МОК) на протяжении последних трех десятилетий, её можно считать последовательной в контексте обеспечения большего гендерного равенства в спорте и через спорт.

С 1991 года было введено правило, согласно которому любой новый вид спорта, претендующий на включение в олимпийскую программу, должен

иметь женские соревнования. Женскими стали такие виды спорта: летние – восточные единоборства, дзюдо, игровые (баскетбол, волейбол, гандбол, футбол), легкая атлетика (метание диска, копья, толкание ядра), тяжелая атлетика (рывок, толчок); зимние – биатлон, бобслей, горный слалом и др. Только 10 лет назад, в 2012 году женщинам разрешили выступать во всех видах спорта.

В марте 2017 года был запущен Проект обзора гендерного равенства МОК в рамках совместной инициативы Комиссий МОК по делам женщин в спорте и спортсменов по проведению всеобъемлющего обзора текущего состояния гендерного равенства в олимпийском движении.

Марисоль Касадо в качестве Председателя Рабочей группы МОК по гендерному равенству так говорит о стратегической задаче, возглавляемой ею структуре:

«Хотя мы наблюдаем улучшения в области гендерного равенства в спорте, нам нужно больше и быстрее. Мы не можем просто прийти к 50-50 представительству в состязаниях и сказать, что работа выполнена» [35].

В феврале 2018 года Исполнительный совет МОК рекомендовал двадцать пять достаточно кардинальных решений, далее одобренных для внедрения. Новации продвижения гендерного равенства на спортивной арене и за ее пределами проходят по пяти ключевым темам: спорт, финансирование, управление, сбалансированное изображение обоих полов и человеческие ресурсы, включая защиту спортсменов от домогательств и злоупотреблений в спорте. Предполагается, что опора на действующую политику и практику реализации других организаций будет способствовать достижению реальных результатов для ликвидации барьеров, которые препятствуют участию женщин и девочек на всех уровнях спорта и Олимпийском движении [35]. В современном олимпизме взят курс на введение формата «микс», в которых мужчины и женщины выступают совместно в одной команде. Такой подход применяется в легкой атлетике, настольном теннисе, плавании, стрельбе из лука, пулевой стрельбе, триатлоне, большом теннисе. Достаточно активно входят и мужчины в женские виды спорта, например, в синхронном плавании, художественной гимнастике. Пока эти виды спорта по популярности, как с точки зрения половой принадлежности спортсменов, так и зрительским предпочтениям, остаются «женскими».

Подчеркнем, что гендерный анализ предполагает оценку экономических показателей как ресурсов, к которым можно отнести размер призовых. Почти 90% международных федераций заявляют, что платят одинаковые призовые как мужчинам, так и женщинам.

Примечательны две новые меры, утверждённые МОК в 2019 году. Благодаря этим мерам гораздо больше спортсменов-женщин сможет участвовать в олимпиадах. Так, на Играх 2020 года в Токио в составе команды каждого НОК впервые присутствовали как минимум один спортсмен-мужчина и одна спортсменка-женщина. Теперь каждый НОК также может назначить знаменосцами одного спортсмена-мужчину и одну спортсменку-женщину, чтобы они вместе несли флаг во время церемонии открытия.

Олимпиада-2022 в Китае уже вошла в историю как «самые гендерно-нейтральные» игры. Гендерного баланса удалось достичь в таких видах спорта, как скелетон, сноубординг, санный спорт (индивидуальный зачет) и конькобежный спорт. Доля женщин среди спортсменов-участников достигла 45%. Примечательно, что на этой олимпиаде в Пекине состав российской олимпийской сборной стал примером гендерной сбалансированности из 212 спортсменов – 109 мужчин и 103 женщины.

На сегодняшний день действующий Исполнительный комитет МОК проработал для Олимпиады-2024, которая пройдёт в Париже, рекомендации, когда впервые будет соблюдено полное гендерное равенство – 50% мужчин и 50% женщин-спортсменов. Прогнозируется, что полностью гендерно равными в программе Игр будут 28 из 32 видов спорта [18].

В ноябре 2021 года Международный олимпийский комитет (МОК) ввел новую концепцию справедливости, интеграции и недискриминации на основе гендерной идентичности и половых различий [35]. В данном ключе есть ряд важных исследовательских задач в социологии спорта.

Гендер в Олимпийском движении и вызовы трансгендерности

Исследование гендерного равенства в спорте предопределяет ответить на вопрос, почему женщины не соревнуются вместе с мужчинами? В научной литературе выделяются биологически и социально обусловленные причины. К биологическим относят физиологические особенности организма, гормональные различия, а к социальным – культуру и обычаи, воспитание с позиции традиционных ценностей. Так, есть страны, в которых занятия спортом для женщин практически невозможно, что связано с особым табуированным отношением к женскому телу. Ярким примером является плавание, где девушки из определенных стран не могут обнажить свое тело и надеть купальник. В качестве разрывающих социокультурные гендерные конструкты служат истории достижений иранских спортсменок. Захра Немати (род. в 1985 году, г. Керман, Иран) стала чемпионкой мира по стрельбе из лука на колясках и бронзовым призером (команда) Паралимпийских игр в Лондоне в 2012 году). Именно она стала знаменосцем сборной Ирана на церемонии открытия

Олимпийских игр-2016 в Рио. Кимия Ализаде Зенурин (род. в 1998 году Кередж, Иран) завоевала на Олимпиаде 2016 году «бронзу», стала первой в истории своей страны олимпийской медалисткой по тхэквондо.

Если обращаться к истории вопроса, то в 2003 году МОК разрешил биологическим мужчинам, которые самопровозгласили себя женщинами, участвовать в женских спортивных соревнованиях при условии проведения операции по смене пола, и прохождения двухлетнего курса гормональной терапии по снижению тестостерона [16]. Наиболее спорной становится деятельность МОК относительно трансгендерной идентичности. Под термином «трансгендер» понимают человека с идентичностью, которая отличается от пола, присвоенного ему при рождении; поведением и самовыражением, идущим вразрез с социальными общепринятыми нормами в зависимости от определенного пола; и/или желанием изменить половые/гендерные характеристики организма. Эта категория включает в себя трансгендерных мужчин и женщин, небинарных лиц (т.е. с гендерной идентичностью, которые не являются исключительно женщинами или мужчинами), и не идентифицирующих себя лиц (т.е. лиц, которые не идентифицируют себя как мужчины, женщины или трансгендеры). При этом трансгендерный мужчина – лицо женского пола с мужской половой самоидентификацией, трансгендерная женщина – лицо мужского пола с женской половой самоидентификацией; цисгендер – лицо, чья гендерная идентичность совпадает с предписанным с рождения полом [8].

Справедливости ради следует упомянуть и более ранние, но единичные примеры, когда вопрос пола стал причиной спортивных скандалов, информация о которых открыта в информационном пространстве. В частности, история 19-летней спортсменки Доры Ратьен, завоевавшей в 1938 году золотую медаль по прыжкам в высоту. Известно, что её разоблачили вне спортивных состязаний, но факта мошенничества не фиксировали, так как у мальчика не были явно выражены половые признаки и воспитывали его как девочку. После разоблачения Дора стала Генрихом. В науке и медицине стали фиксироваться подобные случае и с середины 60-х гг. XX века, а проверка на половую принадлежность стала обязательной для всех спортсменок. По сообщениям прессы после введения этого правила неожиданно отказались от соревнований знаменитые советские легкоатлетки сестры Тамара и Ирина Пресс, стремительно взлетевшие на спортивный Олимп, взявшие золото на Олимпиадах в 1960 и 1964 гг. Их окрестили «братьями Пресс», но разбирательства так и не состоялось [9].

На рубеже 60-70-х гг. XX века генетика как наука достигла такого уровня развития, что гендерная экспертиза стала всё более внедрятся в

персональные хромосомные исследования. Стало понятным, что человек, имея внешние признаки мужчины или женщины может иметь набор половых хромосом противоположного пола. В истории олимпизма зафиксированы случаи, когда по результатам гендерной экспертизы произошли дисквалификации. Например, чемпионка мира по горным лыжам Эрика Шинегерр, голландская легкоатлетка Диллема Фукье, испанская легкоатлетка Мария Хосе Мартинес-Патиньо [9].

В 90-х гг. XX века был запущен международный научно-исследовательский проект «Геном человека» и к 2003 году было секвенировано 85% генома человека, а в 2022 году уже достигнуто полное секвенирование генома человека. Медицина высоких спортивных достижений закономерно двигалась в ногу со временем и на рубеже двух веков стали известны около двух десятков разных интер-вариаций генотипа. Более того, часть из них не очень редкие и встречаются с вероятностью 1 на 1000, другие чрезвычайно оригинальны и описаны лишь несколько раз за всю историю медицины. По источникам МОК к 1999 году оказалось, что данный вопрос настолько сложен и многозначен, что хромосомные тесты отменили. И есть мнение, что всем «спокойнее игнорировать проблему интер-спортсменов, чем тратить гигантские суммы на тесты, не дающие однозначного ответа на вопрос». В истории олимпийского движения описан громкий скандал с двукратной олимпийской чемпионкой Кастер Семеня, разразившийся в 2009 году. Исключительность достижений легкоатлетки побудила Международную ассоциацию легкоатлетических федераций провести расследование, в ходе которого возник вопрос о ее действительной половой принадлежности. Выяснилось, что она в принципе является скорее женщиной, но у нее от природы высокий уровень мужских гормонов [9]. В создавшихся условиях в МОК вынуждено стали разрабатываться новые нормы для таких спортсменов. Им стало возможно участвовать в спортивных состязаниях, но лишь при снижении уровня тестостерона. Таким образом, проблема гендерной идентификации весьма актуальна и не разрешена, скорее всего произойдёт её усугубление в связи с вероятным приходом в большой спорт мужчин, изменивших пол в результате операции.

По новым рекомендациям МОК, «ни один спортсмен не может быть исключен из соревнований на основании его трансгендерной идентичности или половых различий». МОК разрабатывал этот документ, состоящий из 10 пунктов, в течение двух лет. Новая концепция гендерной идентичности и половых различий была представлена МОК после Олимпиады-2020 в Токио, где новозеландская тяжелоатлетка Лорел Хаббард стала первым трансгендером в истории Игр. Также в Токио канадская футболистка Ребекка Куинн

стала первым трансгендером, завоевавшим олимпийскую медаль [36], что вызвало публичное обсуждение вопроса, вызвав неоднозначное общественное мнение.

После Олимпиады в Токио МОК разработал новый документ «По вопросам справедливости, инклюзивности и недискриминации на основе гендерной идентичности и половых различий» [22]. В данном документе утверждается, что каждый человек имеет право заниматься спортом без дискриминации и с уважением к своему здоровью, безопасности и достоинству, он состоит из 10 принципов.

Первый — инклюзивность — гласит, что любой спортсмен, вне зависимости от гендерной идентичности, имеет право соревноваться в «безопасной и комфортной обстановке», а любые виды дискриминации должны быть пресечены.

Второй — предотвращение вреда (prevention of harm). Физическое и психологическое благополучие спортсменов должно быть приоритетным при установлении критериев отбора. Спортивные организации, в свою очередь, должны выявлять и предотвращать негативное прямое и косвенное воздействие на здоровье и благополучие спортсменов, которое может возникнуть в результате разработки, внедрения и/или интерпретации критериев отбора.

Третий и четвертый пункты пересекаются между собой: принципы недискриминации и честности. Спортсмену предлагается разрешить участие в той гендерной категории, которая наилучшим образом соответствует их гендерной идентичности [35]. При этом не исключается, что при подозрениях на наличие у человека нечестного соревновательного преимущества может потребоваться проверка его физической силы и способностей. По утверждению экспертов МОКа, важно не допускать, чтобы участники соревнований намеренно заявляли, что их гендер отличается от пола «только для того, чтобы сменить категорию».

В пятом принципе (no presumption of advantage) говорится, что ни один спортсмен не должен быть отстранен от участия в соревнованиях или исключен из соревнований исключительно на основании непроверенного или предполагаемого конкурентного преимущества из-за их половых различий, физической внешности и/или статуса трансгендера [35]. В шестом и последующих пунктах в основном идет речь о справедливом отношении к участникам соревнований, о недопустимости проведения принудительных медицинских процедур только ради допуска к турниру, о важности рассмотрения мнения спортсменов и о их праве на приватность. Проводились консультации с более чем 250 спортсменами и заинтересованными сторонами. Документ заменил руководящие принципы, выпущенные в 2015 году, и да-

лее действует после зимних Олимпийских игр 2022 года в Пекине. Однако МОК заявил, что не в состоянии выпустить правила, определяющие критерии допуска для каждого вида спорта. Организация оставила это на усмотрение федераций [35]. Согласно этим правилам, мужчина определяется не по физиологическим признакам, а по уровню тестостерона в крови. Иными словами, спортсменам-трансгендерам разрешили соревноваться наравне с полом, к которому они себя относят. Данное нововведение очень возмутило цисгендерных спортсменок, так как МОК допускает до соревнований самоопределившихся женщин, если их уровень тестостерона не превышает 10 нано моль на литр в течение года. В то время как уровень тестостерона у мужчин колеблется от 7,7 до 29,4 нано моль на литр против 0,12 до 1,77 нано моль на литр у женщин. Данное ограничение никак не уравнивает физические возможности женщин и трансженщин, а это значит, что женский спорт может оказаться под ударом [33, с. 122-123].

В работе ряда авторов, говорится о том, что существует медицинский и научный консенсус, подкреплённый экспертными данными о том, что высокие уровни эндогенного тестостерона у индивида, родившегося мужчиной, но идентифицирующего себя как женщина, способны дать ему значительные преимущества перед биологическими женщинами в спорте. Так, если организм претерпел период полового созревания именно как мужчина, то на протяжении жизни этот факт продолжит оказывать значимое влияние на его физические возможности. Приводятся данные проведённых опросов спортсменок в России, по которым выявлено выраженное негативное отношение к участию в соревнованиях их соперниц/соперников-трансгендеров. Со стороны женщин это объясняется желанием участвовать в соревнованиях с биологически равными себе спортсменками, а не с мужчинами-трансгендерами [1, с. 74-80].

Возвращаясь к сравнению с правилами 2015 года, новые рекомендации МОК позволяют трансженщинам (то есть биологическим мужчинам) не снижать уровень тестостерона для участия в женских соревнованиях. Исходя из этого документа, желание транс-персоны участвовать в женских соревнованиях важнее принципа справедливости соревнования, и во главе угла этого документа стоят не столько соревнования, сколько инклюзивность.

Таким образом, соблюдение прав меньшинств, по сути, нарушает право женщин на честное спортивное состязание. Биологические женщины-спортсменки выступают против таких новшеств, понимая, что они сильно уменьшают их шансы подняться на пьедестал, и это уже доказано той же Олимпиадой в Токио. Однако МОК не может формально запретить самоопре-

делившимся женщинам выступать наравне с биологическими женщинами, так как это повлечёт за собой многочисленные судебные иски.

Нововведённое правило ставит под удар фактор честного состязания, поэтому большинство спортсменов высказываются за отдельные соревнования для трансгендеров. Можно высказать предположение, что общественный резонанс в связи с победами трансгендеров привлечёт внимание МОК и повлечёт за собой пересмотр нового правила с ужесточением условий участия в соревнованиях для биологических мужчин. Также стоит отметить, что присутствие трансгендеров в мужском соревновательном зачёте, как правило, не вызывает больших проблем, именно поэтому в контексте равноправия внимание сфокусировано именно на женском спорте.

С медицинской точки зрения, представители мужского пола обладают физическим превосходством над женщиной, которое изначально формируется в пубертатный период, когда организм вырабатывает максимальное количество тестостерона. Достигнутые в этот период преимущества в физическом развитии и физической подготовленности сохраняются за человеком на всю жизнь, что делает невозможным становление полноценным представителем женского пола после гормональной терапии.

Таким образом, существует неопределенность в вопросе о целесообразности и правомерности реализации гендерной верификации, что обусловлено рядом проблем. С медицинской точки зрения, нерешенным является вопрос о допустимости использования в качестве универсального критерия для гендерной верификации уровня тестостерона [23, с. 137-138]. С правовой точки зрения, неизбежно возникает вопрос о соответствии установленных отдельными спортивными организациями критериев допуска к соревнованиям, принципам недискриминации, правам на личную неприкосновенность, защиту чести и достоинства личности [2, с. 29-35], а также то, что «решение Спортивного арбитражного суда (CAS) и МОК должно стать судьбоносным для всего женского спорта высших достижений, и активную роль в решении этой проблемы должен сыграть НОК России» [23, с. 137-138]. Для решения этой проблемы предлагается, например, создание отдельных турниров, комитетов и объединений для трансгендерных спортсменов или же определить те виды спорта и соревнования, в которых трансженщины не будут иметь превосходства над цисгендерными спортсменками. Такими видами спорта могут стать, например, шахматы и стрельба. Однако для объективного решения вопроса о трансгендерах необходимо руководствоваться научными исследованиями клинических и спортивных психологов, генетиков, биохимиков, врачей, гинекологов, эндокринологов и специалистов многих других направлений [23, с. 137-138].

Политика МОК по обеспечению гендерного равенства стремится максимально уравнять представительство мужчин и женщин во всех аспектах олимпийского движения. Однако одновременно принимаются довольно странные решения, которые снижают интерес к Олимпиаде в целом и ставят справедливость женской части спортивных состязаний под угрозу. Проблема определения гендера остается нерешенной, что провоцирует многочисленные скандалы вокруг спортсменов, которые идентифицируют себя как женщины или мужчины независимо от биологического пола. Кроме социального недовольства и непринятия таких атлетов, возникает более серьезная для спорта проблема — обеспечения равных условий для состязаний [5, с. 24-30].

В современном мире формируется новый гендерный порядок, становление которого находит яркое отражение в спорте как мировой системе и социокультурном феномене. Гендерный дискурс XX века, наполненный социально-революционным преобразованием мира с важнейшей компонентой «женский вопрос», стал веком усиления влиятельности женщин, произошла эмансипация спорта, активное освоение женщинами–спортсменками нетрадиционных, новых и чисто «мужских» видов спорта. Массовый приход «слабого пола» в спорт позволил женщинам показать, и в этой популярной сфере человеческой деятельности, выдающиеся результаты. Важнейшее решение Генеральной ассамблеей ООН, утвердившей Декларацию «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» и в числе прочих семнадцати Целей устойчивого развития ЦУР 5. Гендерное равенство дало женщинам новые возможности для реализации спортивных интересов и новых спортивных побед. Все обозначенные социальные изменения дают основание говорить о гендерных ресурсах как глубинных процессах, которые способствуют вовлечению потенциала человеческого организма, мужчин и женщин как равноправных участников спортивных состязаний. Ресурсный подход позволяет изучать гендерные отношения в спорте на междисциплинарной основе, учитывать при гендерном анализе грани, которые обозначены в социальной психологии, биологии и медицине при выделении биологических и психических особенностей полов, в истории, культурологии, политических науках при определении влиятельности фактора культурно-исторического кода, традиционных ценностей, социально-обусловленных норм и стереотипов. Можно сделать вывод о последовательной политике Международного Олимпийского Комитета (МОК) в продвижении принципа гендерного равенства, начиная с 80-х гг. XX века и до сегодняшнего дня, выступающего главным проводником данного принципа в спорте и через спорт. Одно из последних решений МОК 2021 года о новой концепции справедливости,

интеграции и недискриминации на основе гендерной идентичности и половых различий, особенно относительно трансгендерной идентичности стали наиболее спорными и дискуссионными. Идея устранения дискриминации трансгендерного сообщества все в возрастающей степени овладевает миром и проникает в спорт. Согласимся с позицией, что острая и длительная борьба женщин за чистоту и равноправие в спорте привела к ситуации, когда требуется защитить женский спорт. На карту поставлен вопрос реализации равноправия женщин и мужчин в спорте, как той сферы, где биологические и физиологические особенности полов играют немаловажную роль для уровня показателей и возможностей человеческого организма, влияют на конкуренцию спортивных результатов. В спортивной сфере необходимо принятие определённых решений, уважающих позицию Национальных олимпийских комитетов, связанных с правом транс-персон на участие в соревнованиях таким образом, чтобы при этом не были ущемлены права цисгендерных участников соревнований. В условиях антироссийских санкций и фактического удаления России из мирового спорта назрела потребность в комплексной разработке национальной модели гендерного равноправия, её идейно-содержательного, правового, организационного и геополитического наполнения. Именно это представляется перспективным как в научном, так и практическом отношении для прогресса спорта, трендов его развития.

Литература

1. Андриянова Е.Ю., Труфанова С.Н. Контроль на половую принадлежность в спорте: с кем будут соревноваться женщины. Наука и спорт: современные тенденции. 2021. №1. С. 74-82.

2. Бородина М.А., Зенин С.С., Суворов Г.Н. Общая характеристика концепции правового регулирования применения геномных исследований для целей гендерной верификации в спорте высших достижений // Проблемы права. 2022. №1(84). С. 29–35.

3. Волгина А.С. Участие спортсменов-трансгендеров в международных соревнованиях // Актуальные вопросы публичного права. Екатеринбург: Уральск. гос. юрид. ун-т, 2019. С. 112–115.

4. Волкодав А.М. Участие трансгендеров в спорте высших достижений как угроза для мирового женского спорта. Современные тенденции развития науки и мирового сообщества. Сб. науч. трудов по материалам II Междунар. науч.-практич. конф. Анапа: Изд-во «НИЦ ЭСП» в ЮФО, 2022. 96 с.

5. Воробьева А. Политика МОК по обеспечению гендерного равенства в олимпийском спорте. Наука в олимпийском спорте. 2021. №2. С. 24-33.

6. Горлова С.Н., Суханова Е.В., Дунаев И.С. Гендерная трансформация в женском спорте // Проблемы физкультурного образования: содержание, направленность, методика, организация: материалы VII Международного научного конгресса, Воронеж, 07–08 апреля 2022 года. Воронеж: Издательско-полиграфический центр "Научная книга", 2022. С. 80-84.

7. Иванов В.Д., Федорова М.А. Феминизация спорта // Актуальные проблемы педагогики и психологии. 2020. Т. 1. №2. С. 36-44.

8. Коростелева М.М. Некоторые особенности медико-биологического сопровождения спортсменов-трансгендеров и небинарных лиц в спорте // Современные вопросы биомедицины. 2021. Т. 5. №4(17).

9. Культурология. РФ. URL: https://kulturologia.ru/blogs/270220/45614/ (дата обращения 25.04.2023).

10. Кыласов А.В. Спорт как социокультурный феномен эпохи глобализации: автореф. дисс. канд. культурологии. Москва, 2011. 31 с.

11. Лубышева Л.И. Женщина и спорт: социальный аспект // Теория и практика физической культуры. 2000. №6. С. 13-16.

12. Манифест МОК по трансгендерам: эти 10 принципов – революция в мировом спорте URL: https://www.sports.ru/tribuna/blogs/streamofconsciousness/2987160.html (дата обращения 27.07.2022.).

13. Мартенс Р. Социальная психология и спорт: Перевод с англ. / Р. Мартенс. Москва: Физкультура и спорт, 1979. 176 с.

14. Милованова М.Ю. Гендерные ресурсы социальных изменений: к вопросу о методологии исследования // Социология в постглобальном мире. Материалы всеросс. науч. конф. XVI Ковалевские чтения 17-19 ноября 2022 года. СПб.: Издательство Скифия-принт, 2022, 639 с.

15. Мировая система спорта. Москва: Компания КноРус, 2019. 132 с.

16. Новые правила МОК дали преимущество трансгендерам. Официальный сайт электронного периодического издания «MK.ru». URL: https://www.mk.ru/sport/2020/02/05/novye-pravila-mok-dali-preimushhestvo-transgenderam.html (дата обращения 01.05.2023).

17. Овчинникова Н.А., Редькина А.И., Шевченко О.А., Воронцов Д.И. Анализ правового регулирования в Российской Федерации геномных исследований и их результатов в области спортивной медицины и противодействия генному допингу в спорте // Право и государство: теория и практика. 2019. №10(178). С. 196-198.

18. Олимпиада-2024 будет основана на гендерном равенстве – МОК. URL: https://news-front.info/2020/12/08/olimpiada-2024-budet-osnovana-na-gendernom-ravenstve-mok/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения 24.04.2023).

19. Оруэлл Дж. Спортивный дух. Эссе. URL: https://www.orwellfoundation.com/the-orwell-foundation/orwell/essays-and-other-works/the-sporting-spirit (дата обращения 26.04.2023).

20. Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/conferences/women/beijing1995 (дата обращения 17.04.2023).

21. Официальный сайт ООН. Доклад Всемирной конференции для обзора и оценки достижений Десятилетия женщины Организации Объединённых Наций: равенство, развитие и мир, Найроби, 15–26 июля 1985 года, глава I, раздел A). URL: https://www.un.org/ru (дата обращения 17.04.2023).

22. Половой вопрос: МОК порекомендовал трансгендерам участвовать в Олимпиадах. Официальный сайт сетевого издания iz.ru. URL: https://iz.ru/1252492/mariia-frolova/polovoi-vopros-mok-porekomendoval-transgenderam-uchastvovat-v-olimpiadakh (дата обращения 01.05.2023).

23. Рязанцев А.А., Толекова К.А. Участие трансгендеров в соревнованиях как угроза для мирового женского спорта: политические аспекты. Теории и проблемы политических исследований. 2021. Т. 10. №3А. С. 137-144.

24. Силласте Г.Г. Гендерная социология и российская реальность. Москва: Альфа-М, НИЦ ИНФРА-М, 2016. 540 с.

25. Силласте Г.Г. Социальные транзиции и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2019. №2. С. 3–16.

26. Силласте Г.Г. Рынок труда, занятости и профессий как экономическое пространство формирования нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2020. №2. С. 38—51.

27. Стрига С.И. Неслабый пол: женщины, изменившие мир спорта // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2022. №1(54). С. 53-60.

28. Сучилин А.А. Трансформация идеалов и гендерных отношений в олимпийском движении // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2016. Т. 11. №1. С. 220-230.

29. Ткачук М.Г. Половой диморфизм и его отражение в спорте. Москва: ДиректМедиа, 2015. 111 с.

30. Тощенко Ж.Т. Тезаурус социологии. Кн. 2. Методология и методы социологических исследований: темат. слов.-справ. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 415 с.

31. Фролова С.Ю., Михайлов Б.А. История становления женского спорта на первых Олимпийских играх // Физическая культура и спорт в профессиональном образовании: Межвузовский сборник научно-методических работ / Под науч. ред. В.А. Щеголева. Санкт-Петербург, 2020. С. 144-147.

32. Цвингер С.М., Портянникова О.О., Морозова Е.И., Жилина А.А. Некоторые аспекты генетической предрасположенности спортсменов к определенным физическим характеристикам // Спорт и спортивная медицина: Материалы II Междунар. науч.-практич. конф., Чайковский / Под общей ред. В.В. Зебзеева. Чайковский: Чайковский государственный институт физической культуры, 2021. С. 157-161.

33. Чудайкина Е.Н. Спортсмены-трансгендеры в мировом спорте // Актуальные проблемы физической культуры, спорта и здорового образа жизни на современном этапе: Сб. ст. X Междунар. науч.-практич. конф. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2020. С. 122-125.

34. Шведова Н.А. Гендерное равенство в приоритетах ООН // Международные процессы. 2020. Т. 18. №2(61). С. 31-47.

35. Official website of the International Olympic Committee. IOC framework on fairness, inclusion and non-discrimination on the basis of gender identity and sex variations. International Olympic Committee. URL: https://stillmed.olympics.com/media/Documents/Beyond-the-Games/Human-Rights/IOC-Framework-Fairness-Inclusion-Non-discrimination-2021.pdf (дата обращения 25.04.2023).

36. The World Economic Forum. The Global Gender Gap Report 2018. URL: http://www3.weforum.org/ docs/WEF_GGGR_2018.pdf (дата обращения 17.03.2023).

References

1. Andriyanova E.Yu., Trufanova S. N. Kontrol' na polovuyu prinadlezhnost' v sporte: s kem budut sorevnovat'sya zhenshchiny. Nauka i sport: sovremennye tendentsii. 2021. №1. S 74-82.

2. Borodina M.A., Zenin S.S., Suvorov G.N. Obshchaya kharakteristika kontseptsii pravovogo regulirovaniya primeneniya genomnykh issledovanii dlya tselei gendernoi verifikatsii v sporte vysshikh dostizhenii. Problemy prava. 2022. №1(84). S. 29–35.

3. Volgina A.S. Uchastie sportsmenov-transgenderov v mezhdunarodnykh sorevnovaniyakh. Aktual'nye voprosy publichnogo prava. Ekaterinburg: Ural'sk. gos. yurid. un-t, 2019. S. 112–115.

4. Volkodav A.M. Uchastie transgenderov v sporte vysshikh dostizheniĭ kak ugroza dlya mirovogo zhenskogo sporta. Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i mirovogo soobshchestva. Sb. nauch. trudov po materialam II Mezhdunar. nauch.-praktich. konf. Anapa: Izd-vo «NITs ESP» v YuFO, 2022. 96 s.

5. Vorob'eva A. Politika MOK po obespecheniyu gendernogo ravenstva v olimpiiskom sporte. Nauka v olimpiiskom sporte. 2021. №2. S. 24-33.

6. Gorlova S.N., Sukhanova E.V., Dunaev I.S. Gendernaya transformatsiya v zhenskom sporte. Problemy fizkul'turnogo obrazovaniya: soderzhanie, napravlennost', metodika, organizatsiya: materialy VII Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa, Voronezh, 07–08 aprelya 2022 goda. Voronezh: Izdatel'sko-poligraficheskii tsentr "Nauchnaya kniga", 2022. S. 80-84.

7. Ivanov V.D., Fedorova M.A. Feminizatsiya sporta. Aktual'nye pro-blemy pedagogiki i psikhologii. 2020. T. 1. №2. S. 36-44.

8. Korosteleva M.M. Nekotorye osobennosti mediko-biologicheskogo sopровozhdeniya sportsmenov-transgenderov i nebinarnykh lits v sporte. Sovremennye voprosy biomeditsiny. 2021. T. 5. №4(17).

9. Kul'turologiya. RF. URL: https://kulturologia.ru/blogs/270220/45614/ (Data obrashcheniya 25.04.2023.).

10. Kylasov A.V. Sport kak sotsiokul'turnyi fenomen epokhi globalizatsii: avtoref. diss. kand. kul'turologii. Moskva, 2011. 31 s.

11. Lubysheva L.I. Zhenshchina i sport: sotsial'nyi aspekt. Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury. 2000. №6. S. 13-16.

12. Manifest MOK po transgenderam: eti 10 printsipov – revolyutsiya v mirovom sporte. URL: https://www.sports.ru/tribuna/blogs/ streamofconsciousness/2987160.html (Data obrashcheniya 27.07.2022.).

13. Martens R. Sotsial'naya psikhologiya i sport: Perevod s angliiskogo / R. Martens. Moskva: Fizkul'tura i sport, 1979. 176 s.

14. Milovanova M.Yu. Gendernye resursy sotsial'nykh izmenenii: k voprosu o metodologii issledovaniya. Sotsiologiya v postglobal'nom mire. Materialy vseross. nauch. konf. XVI Kovalevskie chteniya 17-19 noyabrya 2022 goda. SPb.: Izdatel'stvo Skifiya-print, 2022, 639 s.

15. Mirovaya sistema sporta. Moskva: Kompaniya KnoRus, 2019. 132 s.

16. Novye pravila MOK dali preimushchestvo transgenderam. Ofitsi-al'nyi sait elektronnogo periodicheskogo izdaniya «MK.ru». URL: https://www.mk.ru/sport/2020/02/05/novye-pravila-mok-dali-preimushhestvo-transgenderam.html (data obrashcheniya 01.05.2023).

17. Ovchinnikova N.A., Red'kina A.I., Shevchenko O.A., Vorontsov D.I. Analiz pravovogo regulirovaniya v Rossiiskoi Federatsii genomnykh issledovanii i ikh rezul'tatov v oblasti sportivnoi meditsiny i protivodei-stviya gennomu dopingu v sporte. Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2019. №10(178). S. 196-198.

18. Olimpiada-2024 budet osnovana na gendernom ravenstve – MOK. URL: https://news-front.info/2020/12/08/olimpiada-2024-budet-osnovana-na-gendernom-ravenstve-mok/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (data obrashcheniya 24.04.2023).

19. Oruell Dzh. Sportivnyi dukh. Esse. URL: https://www.orwellfoundation.com/the-orwell-foundation/orwell/essays-and-other-works/the-sporting-spirit (data obrashcheniya 26.04.2023).

20. Ofitsial'nyi sait OON. URL: https://www.un.org/ru/conferences/women/beijing1995 (data obrashcheniya 17.04.2023).

21. Ofitsial'nyi sait OON. Doklad Vsemirnoi konferentsii dlya ob-zora i otsenki dostizhenii Desyatiletiya zhenshchiny Organizatsii Ob"edinennykh Natsii: ravenstvo, razvitie i mir, Nairobi, 15–26 iyulya 1985 goda, glava I, razdel A). URL: https://www.un.org/ru (data obrashcheniya 17.04.2023).

22. Polovoi vopros: MOK porekomendoval transgenderam uchastvovat' v Olimpiadakh. Ofitsial'nyi sait setevogo izdaniya iz.ru. URL: https://iz.ru/1252492/mariia-frolova/polovoi-vopros-mok-porekomendoval-transgenderam-uchastvovat-v-olimpiadakh (data obrashcheniya 01.05.2023).

23. Ryazantsev A. A., Tolekova K. A. Uchastie transgenderov v sorevnovaniyakh kak ugroza dlya mirovogo zhenskogo sporta: politicheskie aspekty. Teorii i problemy politicheskikh issledovanii. 2021. T. 10. № 3A. S. 137-144.

24. Sillaste G. G. Gendernaya sotsiologiya i rossiiskaya real'nost'. Moskva: Al'fa-M, NITs INFRA-M, 2016. 540 s.

25. Sillaste G. G. Sotsial'nye tranzitsii i formirovanie novogo gendernogo poryadka. Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2019. №2. S. 3–16.

26. Sillaste G.G. Rynok truda, zanyatosti i professii kak ekonomicheskoe prostranstvo formirovaniya novogo gendernogo poryadka. Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2020. №2. S. 38—51.

27. Striga S.I. Neslabyi pol: zhenshchiny, izmenivshie mir sporta. Psikhologo-pedagogicheskie problemy bezopasnosti cheloveka i obshchestva. 2022. №1(54). S. 53-60.

28. Suchilin A.A. Transformatsiya idealov i gendernykh otnoshenii v olimpiiskom dvizhenii // Pedagogiko-psikhologicheskie i mediko-biologicheskie problemy fizicheskoi kul'tury i sporta. 2016. T. 11. №1. S. 220-230.

29. Tkachuk M.G. Polovoi dimorfizm i ego otrazhenie v sporte. Moskva: DirektMedia, 2015. 111 s.

30. Toshchenko Zh.T. Tezaurus sotsiologii. Kn. 2. Metodologiya i metody sotsiologicheskikh issledovanii: temat. slov.-sprav. Moskva: YuNITI-DANA, 2013. 415 s.

31. Frolova S.Yu., Mikhailov B.A. Istoriya stanovleniya zhenskogo sporta na pervykh Olimpiiskikh igrakh. Fizicheskaya kul'tura i sport v professional'nom obrazovanii: Mezhvuzovskii sbornik nauchno-metodicheskikh rabot / Pod nauch. red. V.A. Shchegoleva. Sankt-Peterburg, 2020. S. 144-147.

32. Tsvinger S.M., Portyannikova O.O., Morozova E.I., Zhilina A.A. Nekotorye aspekty geneticheskoi predraspolozhennosti sportsmenov k opredelennym fizicheskim kharakteristikam. Sport i sportivnaya meditsina: Ma-terialy II Mezhdunar. nauch.-praktich. konf., Chaikovskii / Pod obshchei red. V.V. Zebzeeva. Chaikovskii: Chaikovskii gosudarstven-nyi institut fizicheskoi kul'tury, 2021. S. 157-161.

33. Chudaikina E.N. Sportsmeny-transgendery v mirovom sporte// Aktual'nye problemy fizicheskoi kul'tury, sporta i zdorovogo obraza zhizni na sovremennom etape: Sb. st. X Mezhdunar. nauch.-praktich. konf. Nizhnii Novgorod: Nizhegorodskii gosudarstvennyi lingvisticheskii uni-versitet im. N.A. Dobrolyubova, 2020. S. 122-125.

34. Shvedova N.A. Gendernoe ravenstvo v prioritetakh OON. Mezhdunarodnye protsessy. 2020. T. 18. №2(61). S. 31-47.

35. Official website of the International Olympic Committee. IOC frame-work on fairness, inclusion and non-discrimination on the basis of gender identity and sex variations. International Olympic Committee. URL: https://stillmed.olympics.com/media/Documents/Beyond-the-Games/Human-Rights/IOC-Framework-Fairness-Inclusion-Non-discrimination-2021.pdf (Data obrashcheniya 25.04.2023).

36. The World Economic Forum. The Global Gender Gap Report 2018. URL: http://www3.weforum.org/ docs/WEF_GGGR_2018.pdf (data obrashcheniya 17.03.2023).

К.М. Табаринцева-Романова

К ВОПРОСУ О ДОСТИЖЕНИИ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА (ЦУР 5) В КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ ИТАЛИИ

Аннотация

Вопрос гендерного равенства в культурном и творческом секторах является перспективной, но малоизученной проблематикой в рамках исследования целей устойчивого развития ООН. Несмотря на тот факт, что культура не была оформлена в самостоятельную цель, она пересекается и встречается во многих целях. В работе на основе изученных отчетов и рекомендаций таких организаций, как ЮНЕСКО и Европейский союз, выявляются наиболее затруднительные аспекты, «мешающие» достижению гендерного равенства в области культуры. Далее представлено краткое описание развития итальянской гендерной политики с 2010 года, которое позволяет сделать вывод о том, что культурный сектор до недавнего времени (2020 г.), не являлся одним из приоритетных направлений в достижении гендерного равенства. Создание специальной структуры – Обсерватории гендерного равенства при Министерстве культуры стало одним из важных достижений в реализации гендерного равенства в культуре, так как ее деятельность позволит восполнить те «лакуны», которые существуют на данный момент в государстве в сборе и анализе статистических данных. Достижение цели затруднено также тем, что не налажен объективный мониторинг гендерного распределения в сфере культуры, судить о ней можно только либо по косвенным данным, либо в узких профессиональных сферах, что не позволяет сделать комплексные выводы о ситуации в культуре в целом.

Ключевые слова:

культурная политика, гендерная поли-

K. Tabarintseva-Romanova

TO THE QUESTION OF ACHIEVING GENDER EQUALITY (SDG 5) IN ITALIAN CULTURAL POLICY

Abstract

The issue of gender equality in the cultural and creative sectors is a promising, but little studied issue in the framework of the study of the UN sustainable development goals. Despite the fact that culture has been framed as a purpose in itself, it intersects and occurs in many purposes. Based on the studied reports and recommendations of such organizations as UNESCO and the European Union, the work identifies the most difficult aspects that "hinder" the achievement of gender equality in the field of culture. The following is a brief description of the development of the Italian gender policy since 2010, which allows us to conclude that the cultural sector, until recently (2020), unfortunately, was not one of the priority areas in achieving gender equality. The creation of a special structure - the Observatory of Gender Equality under the Ministry of Culture has become one of the important achievements in the implementation of gender equality in culture, since its activities will make it possible to fill in the gaps that currently exist in the state in the collection and analysis of statistical data. Achieving the goal is also hampered by the fact that there is no objective monitoring of gender distribution in the sphere of culture, it can only be judged by indirect data or in narrow professional areas, which does not allow making comprehensive conclusions about the situation in culture as a whole.

Key words:

cultural policy, gender policy, gender

тика, гендерное равенство, цели устойчивого развития, ЮНЕСКО, Европейский союз, Италия.

equality, sustainable development goals, UNESCO, European Union, Italy.

https://doi.org/10.24412/2227-1538-2023-4-81-92

Культурная политика является областью государственной политики, которая регулирует деятельность, связанную с искусством и культурой. Такая политика регулирует сектор огромной сложности, охватывающий целый ряд видов деятельности: от сохранения и восстановления природного, исторического и культурного наследия до музеев и выставок, мероприятий в области искусства (музыка, театр и т.д.), развлекательных, медийных и электронных культурных платформ.

Гендерные аспекты актуальны не только в связи с широким определением культуры как «социальной конструкции», но и с точки зрения того, как разрабатывается и осуществляется культурная политика. Не стоит забывать и о культурных правах, которые являются одним из условий обогащения культурного разнообразия и создания условий для творчества человека.

Модели потребления и участия в культуре (право на участие в культурной жизни) значительно различаются между женщинами и мужчинами. Проведенное в 2007 году исследование показывает, что гендерная проблематика является важным фактором в контексте показателей участия в культурной деятельности. Соответственно, мужчины посвящают просмотру спортивных состязаний гораздо больше времени, чем женщины (53% мужчин против 29% женщин). С другой стороны, женщины чаще, чем мужчины, читали книги (74% женщин против 67% мужчин), ходили в театр (34% женщин против 29% мужчин) и посещали публичную библиотеку (37% женщин против 32% мужчин) за предыдущий год [16].

Кроме того, причины отказа от участия в культурных мероприятиях также существенно различаются для женщин и мужчин: мужчины (30%) чаще, чем женщины (23%), ссылаются на отсутствие интереса в качестве причины неучастия, в то время как женщины (31%) чаще, чем мужчины (26%), отмечают, что это финансово недоступно [16]. Женщины составляют наибольшую долю выпускников в области искусств и гуманитарных наук, и в целом выпускники этих дисциплин, как правило, работают в культурном и творческом секторе [16].

Несмотря на то, что культура не является самостоятельной целью устойчивого развития, вопросы культурного сектора так или иначе инкорпорированы в реализацию целей устойчивого развития ООН (далее ЦУР). В

представленной работе мы сконцентрируемся на изучении реализации ЦУР 5 в сфере культуры на примере Итальянской республики (выбор государства обусловлен тем, что на его территории находится почти 40% культурных памятников ЮНЕСКО), опираясь при этом на рекомендации и отчеты ЮНЕСКО и Европейского союза по достижению гендерного равенства в культурном секторе. К сожалению, на данный момент представленная тема является малоизученной в научной работе. Существуют статьи по гендерной политике ЕС в целом, однако именно трудов, посвящённых гендерному равенству в культуре и изучавших бы опыт Италии, практически нет.

ЦУР 5 направлена на искоренение всех форм дискриминации и насилия в отношении женщин и девочек в государственной и частной сферах. Цель также направлена на обеспечение всестороннего и эффективного участия женщин и равных возможностей для руководства на всех уровнях принятия решений в политической, экономической и общественной жизни.

Если говорить о статистике в целом, то в ежегодном отчете «Глобальный индекс гендерного разрыва» за 2022 год, опубликованного Всемирным экономическим форумом (WEF) отмечено, что гендерное равенство не восстанавливается: потребуется целых 132 года, чтобы преодолеть глобальный гендерный разрыв. Кроме того, в связи с глобальным кризисом, который мы переживаем, существует риск того, что гендерное неравенство еще больше усилится [10]. Напомним, что данная структура измеряет гендерный разрыв с точки зрения экономического и политического участия, здравоохранения и уровня образования. Глобальный индекс гендерного разрыва — это индекс от 0 до 1, где 0 означает полное отсутствие гендерного равенства, а 1-полное гендерное равенство. Из отчета следует, что страной с самым высоким индексом, 0,908, является Исландия, за которой следуют Финляндия и Норвегия. В топ-10 также входят другие европейские страны, такие как Швеция, Ирландия и Германия. В рейтинге 2022 года Италия занимает 63-е место из 146 отслеживаемых стран с индексом 0,720. По сравнению с 2021 годом заметно ухудшение на 0,001 пункта. Сравнивая с другими странами-членами ЕС, можно отметить отставание Италии в сокращении гендерного разрыва, так, например, Испания и Франция занимают 17-е и 15-е места. В частности, гендерное неравенство наиболее выражено в областях власти (48,8 балла) и знаний (61,9 балла). Италия, наконец, имеет самый низкий балл во всем ЕС в области труда (63,3 балла). Отдельно статистики по культурному сектору не ведется.

Изучая итальянский опыт достижения гендерного равенства в области культуры, необходимо рассмотреть прежде всего универсальные (ЮНЕСКО) и региональные практики (ЕС) по данному вопросу, поскольку принимаемые национальные меры в первую очередь опираются на опыт вышеуказанных организаций.

В 2014 году ЮНЕСКО опубликовала доклад о гендерном равенстве и культуре «Гендерное равенство: наследие и творчество», в котором подчеркивалась необходимость обеспечения равных культурных прав, обязанностей и возможностей для каждого человека для полного раскрытия своего потенциала. Доклад основан на приверженности культурным правам и культурному разнообразию; особое внимание уделяется защите культурного наследия и творчеству как факторам, способствующим развитию прав всех людей, несмотря на неоднократное использование традиций, религий или социальных норм для оправдания нарушения прав человека или их ограничения, особенно для девочек и женщин [8].

В тексте документа отмечается, что недостаточная осведомленность о гендерной проблематике, демонстрируемая при охране материального и нематериального культурного наследия на местном и глобальном уровнях, например, в рамках списков, составленных на основе Конвенции о всемирном наследии 1972 года и Конвенции о нематериальном наследии 2003 года, приводит к ряду проблем, которые должны решаться как местными жителями, так и региональными и национальными правительствами. Аналогичным образом, в рамках устойчивого развития следует уделять первоочередное внимание положению женщин и девочек в области творчества: это должно включать признание культурной и исторической дискриминации, с которой сталкиваются женщины при всестороннем участии в творческих процессах в различных культурных дисциплинах, таких как кино, театр или живые выступления. Проблемой является малоизученность данного сектора с точки зрения реализации гендерной политики, а именно, отмечается недостаток статистического материала и аналитических заключений.

Гендерное равенство должно быть достигнуто и в культурной жизни: необходимо расширить возможности для женщин и девочек принимать активное участие в культурной жизни и руководить собственными проектами и организациями в этой области. Необходимо обеспечить более широкое освещение и признание культурных обычаев, осуществляемых преимущественно женщинами и девочками.

Для решения данного вопроса ЮНЕСКО дает следующие рекомендации государствам: 1) интегрировать гендерный аспект в культурную политику и культурный аспект в политику, способствующую гендерному равенству и борьбе с гендерной дискриминацией; 2) принять меры по ликвидации дискриминации по признаку пола и всех форм насилия и вредной практики в отношении женщин и девочек в культурной деятельности; 3) обеспечить, чтобы женщины получали равное место и освещение в местных средствах массовой информации; 4) обеспечить, чтобы культурные программы и организации, получающие общественную поддержку, практиковали гендерное равенство [8].

Согласно отчету «На пути к гендерному равенству в культурном и творческом секторах», гендерный разрыв возникает во время трудоустройства. Так, на этапе обучения, фактически, более 65% зачисленных на гуманитарные науки составляют женщины, и этот процент начинает падать во время приема на работу, пока почти полностью не исчезает на руководящих должностях [17]. В области изобразительного искусства Национальный музей женщин в искусстве (США) обнаружил, что работы женщин-художниц составляют только от 3 до 5% основных постоянных коллекций в Европе и Соединенных Штатах; только 13,7% представлены галереями. Рынок современного искусства также в основном мужской: из 1,5 млн арт-аукционов, сделанных за последние 40 лет, работы, созданные женщинами, были проданы почти на 50% меньше, чем картины их коллег-мужчин [17].

Что касается культурного наследия, то в музеях работает много женщин, 78,1% по сравнению с 21,9% мужчин, но, когда мы анализируем высшие руководящие должности, мужчины занимают почти в два раза больше ролей, чем женщины [17].

Кроме того, есть области архитектуры и дизайна, классически воспринимаемые как «технические» секторы и, следовательно, «мужские», хотя в докладе подчеркивается, что в последние годы наблюдается рост женского компонента, особенно в младших возрастных группах. Из тридцатилетних архитекторов 53% составляют женщины, по сравнению с 32% пятидесятилетних архитекторов.

Сектором, в котором, разрыв вызывает наибольшее беспокойство, является музыка; согласно исследованию «Женщины в музыке», музыкальный рынок состоит на 70% из мужчин и на 30% из женщин во всех европейских регионах: женщины составляют лишь 20% композиторов и авторов песен и зарабатывают в среднем на 30% меньше, чем мужчины. Кроме того, только

2,3% классических произведений срежиссированы женщинами и только 15% музыкальных лейблов принадлежат или управляются женщинами [17].

Обратимся к практике Европейского союза по реализации гендерного равенства в культурном секторе. В 2020 г. начала действовать «Стратегия Европейского Союза по гендерному равенству», основными задачами которой стали: прекращение гендерного насилия; преодоление гендерных стереотипов; устранение гендерных различий на рынке труда; достижение равного участия в различных секторах экономики; устранение различий в оплате труда и пенсиях мужчин и женщин; устранение разрыва в гендерном уходе и достижение гендерного баланса в процессе принятия решений и в политике [7]. В том же году были опубликованы «Выводы президентства о гендерном равенстве в секторе культуры», где подчеркивался потенциал этого сектора для содействия гендерному равенству и признавалось сохраняющееся гендерное неравенство в культуре. В документе, в частности, упоминаются препятствия, связанные со следующими элементами: равный доступ к культурному и творческому рынку труда; равная оплата и представительство в творческих заданиях и принятии решений; равная оценка и признание их работы. В заключительной части документа звучал призыв к: обеспечению равной оплаты; содействию установления баланса между профессиональной и личной жизнью; обеспечению гендерного равенства в учреждениях и органах, принимающих решения в отрасли; содействию исследованиям гендерного равенства и сбору данных с разбивкой по полу в секторе культуры [14].

Имеющиеся данные показывают, что во всем ЕС женщины, занимающиеся искусством и культурой, обычно имеют меньший доступ к ресурсам для творчества и производства, получают гораздо меньше денег, чем мужчины, и недопредставлены на руководящих и принимающих решения постах, а также на рынке искусства. Женщины часто становятся жертвами сексизма, гендерных стереотипов и сексуальных домогательств. Во Франции, например, несмотря на то, что женщины составляют 52% студентов исполнительских искусств, они составляют только 31% активных артистов и 11% тех, кто участвует в программах. Кроме того, они занимают только 18% руководящих должностей в этих секторах. С 1980 года доля от 4% до 12% художественных премий была присуждена женщинам. Кроме того, 23% проектов, финансируемых государством во Франции, возглавляются женщинами [11].

В Европе женщины составляют не более 20% зарегистрированных композиторов и авторов песен и в среднем зарабатывают на 30% меньше,

чем их коллеги-мужчины. В Ирландии женщины недопредставлены во всех рассматриваемых театральных ролях, за исключением дизайнеров костюмов. Женщины составляют только 28% сценаристов, 9% звукорежиссеров и 37% режиссеров [5].

В Плане работы по культуре на 2019–2022 гг. ЕС признает, что гендерное равенство является основой культурного разнообразия и что оно может сыграть решающую роль в борьбе со стереотипами и содействии социальным изменениям [3]. Еврокомиссия профинансировала общеевропейское исследование гендерного разрыва в культурном и творческом секторах, где рассматриваются конкретные проблемы, с которыми сталкиваются женщины, и даются рекомендации для поддержки разработки политики, направленной на решение этих проблем [9]. Результат был представлен в виде отчета «О гендерном равенстве в культурном и творческом секторах», опубликованный в июне 2021 года. В докладе основное внимание уделяется следующим основным проблемам: гендерные стереотипы, сексуальные домогательства, доступ к рынку труда и разрыв в оплате труда, доступ к ресурсам, доступ к руководящим должностям и женскому предпринимательству. В дополнение к общему обзору статус-кво с точки зрения гендерного равенства в культурном и творческом секторах, включая влияние пандемии COVID-19, в отчете подробно описывается ряд конкретных рекомендаций и передовой практики по их реализации, например, предлагается внедрить более эффективный сбор достоверных и сопоставимых данных о гендерном разрыве в ЕС; обеспечить гендерное равенство на рабочем месте, а также разработать методологию равного бюджета и включения гендерного измерения в различные политики [6].

В этом смысле программа «Креативная Европа» может стать ключевым инструментом для восстановления баланса гендерного равенства в секторе, поскольку впервые рассматриваемая тема была включена в число приоритетов, которые необходимо достичь. В программе (2021–2027 гг.) также говорится, что были внедрены новые критерии оценки, которые будут учитывать гендерную перспективу для обеспечения более справедливого распределения финансирования. Таким образом, как мы видим на универсальном и региональном уровнях предпринимаются попытки достигнуть гендерного равенства в сфере культуры и творчества, однако, как свидетельствуют отчеты, это не всегда получается.

Обратимся к политике Италии в достижении ЦУР 5 в изучаемом секторе. Кратко рассмотрим основы гендерной политики Италии в целом. Право-

вая база Итальянской Республики по решению гендерного вопроса обоснована Законом 183/2010, в рамках действия которого были учреждены комитеты по обеспечению равных возможностей в органах государственной власти для обеспечения благополучия работников и борьбы с дискриминацией. Этот закон также определяет требование о назначении конфиденциального консультанта для заслушивания сотрудников, подвергшихся издевательствам или сексуальным домогательствам, и поиска подходящего решения. В 2019 году. Министерство государственного управления выпустило Директиву 2/19, которая направлена на усиление мер по достижению гендерного равенства в государственном секторе.

Национальный кодекс равных возможностей для женщин и мужчин был принят в 2006 году законодательным декретом №198. Он обязал государственные администрации (включая университеты и исследовательские организации) принять трехлетний план, направленный на устранение барьеров на пути к равным возможностям между женщинами и мужчинами на работе. Директива Председателя Совета министров от 23 мая 2007 года определила основные инструменты для его реализации: действия по сбалансированию представленности женщин в секторах и на профессиональных уровнях, где они недопредставлены; организация работы для содействия балансу между работой и личной жизнью; механизмы найма и продвижения по службе, ориентированные на женщин. Закон 240/2010 об общей реформе университетского образования устанавливает две важные цели обеспечения равных возможностей. Во-первых, он призывает к обеспечению гендерного баланса в совете попечителей научно-исследовательских учреждений. Однако в нем не указаны цели, и соблюдение гендерного баланса ограничивается общим заявлением о намерениях. Во-вторых, он продлевает отпуск по беременности и родам (пять месяцев, 80% от заработной платы) для исследователей-постдокторантов. Исследовательские учреждения также могут предоставлять независимые дополнительные льготы женщинам-исследователям.

В 2021 году департамент по вопросам равных возможностей в Совете министров опубликовал «Национальную стратегию по обеспечению гендерного равенства» [15]. Хотя она и не ориентирована конкретно на исследовательские организации или университеты, тем не менее, оказывает влияние на сектор исследований и инноваций. Это относится к пересмотру механизма распределения финансирования между университетами Министерством по

делам университетов и исследований с учетом гендерных различий в исследовательских и академических учреждениях. Департамент также предлагает выделение специальных средств для университетов, достигающих минимального уровня гендерной представленности среди профессоров, исследователей, административного персонала, ученого совета и женщин, обучающихся в области науки, технологии, инженерии и математики. На сегодняшний день эти действия остаются всего лишь предложениями.

В 2019 году министерство здравоохранения опубликовало «План по применению и распространению гендерной медицины». План нацелен на скоординированную и устойчивую поддержку гендерной медицины посредством распространения, обучения и медицинских практик в области исследований, профилактики, диагностики и лечения. Его цель – обеспечить полную интеграцию различий, обусловленных полом, в секторе здравоохранения, чтобы гарантировать одинаковое качество и целесообразность услуг Национальной службы здравоохранения по всей стране [1].

В 2021 году Италия принимала W20, официальную группу по взаимодействию G20, которая поддерживает цель сокращения гендерного разрыва в занятости на 25% к 2025 году (25 на 25). Состоявшаяся в Риме встреча W20 распространила итоговый политический отчет «Новое перспективное видение: от интеграции к расширению прав и возможностей женщин» [19].

Итальянский национальный исследовательский совет опубликовал свой первый отчет по гендерной политике на 2020 год. Отчет показал, что общий состав сотрудников данного института (9000 сотрудников) распределен равномерно, но разрыв становится очевидным на последующих уровнях карьеры: 38% старших научных сотрудников и 26 % директоров по исследованиям составляют женщины. Этот разрыв еще больше наблюдается на уровне высшего руководства, где женщины составляют всего 22%. Индекс «стеклянного потолка» (который измеряет вероятность достижения высших карьерных высот) ставит женщин в невыгодное положение в отделах, где присутствие женщин уравновешивает или превышает присутствие коллег-мужчин. Распределение персонала варьируется в зависимости от департамента: 34% женщин работают в инженерном деле, ИКТ и технологиях для энергетики и транспорта, 40% – в физических науках и материаловедении, 50,3% – в отделах естественных наук, гуманитарных и социальных наук, культурного наследия и 62,5% – в биомедицинских науках (доминируют женщины только на факультете) [1].

Гендерная обсерватория Университета Неаполя имени Федерико II в области университетов и научных исследований разработала схему наставничества для борьбы с практикой и механизмами, способствующими гендерному неравенству в академических кругах.

В 2015 году в Миланском политехническом институте — одном из крупнейших технических университетов Северной Италии, была внедрена структурированная служба по уходу за детьми. Во время летних и пасхальных школьных каникул в двух миланских кампусах предоставляются услуги по уходу за детьми сотрудников в возрасте от четырех лет (первый год детского сада) до 13 лет (последний год неполной средней школы). В 2019 году услуга была распространена на непостоянных сотрудников университета (докторантов, научных сотрудников, профессоров по контракту) на условиях, аналогичных условиям для постоянных сотрудников, с особым упором на улучшение обслуживания детей-иностранцев и детей с ограниченными возможностями. В 2019 году летний центр посетили 113 детей, в основном дети технического и административного персонала, в то время как услугами пасхальных каникул воспользовались 43 ребенка, что почти вдвое больше, чем в 2018 году (22 ребенка) [2].

Культурный сектор в достижении гендерного равенства не имеет, к сожалению, таких достижений как сектора науки и инноваций.

При Министерстве культуры была создана специальная структура, занимающаяся гендерными аспектами в области культуры в Италии – Обсерватория по гендерному равенству, которая выполняет консультативные задачи в разработке и реализации политики гендерного равенства, а также проводит исследования и мониторинг условий гендерного равенства в сферах компетенции министерства, выявляет и предлагает лучшие практики, способствует распространению знаний и идей равных возможностей. Так, согласно их отчету, за 2021 год, существует дисбаланс в оплате труда; выделяется сильная недопредставленность женщин во всех типах телевизионных программ: присутствие женщин достигает 40% только в развлекательных и художественных программах производства RAI, в то время как, например, он останавливается на уровне 15,8% в спортивных программах. Распределение ролей в фильмах и художественной литературе также имеет значение: 4 из 10 так называемых центральных или соответствующих ролей, приписываемых женщинам, но разница становится больше для ролей персонажей старше 65 лет, когда женщинам назначается только 25% ролей на сцене: данные, которые заслуживают внимания и углубления. Фактически, соотноше-

ние женщин и мужчин в режиссуре художественных фильмов составляет от одного до десяти, около 25% женщин в сценарии, редактировании и производстве и от 10 до 16% женщин, которые на съемочной площадке занимаются фотографией, музыкой и спецэффектами. Женщины в большинстве своем только в макияже (73%), в дизайне декораций (58%) и костюмах (82%). Что касается заработной платы, женщинам платят в среднем меньше, чем их коллегам: режиссер зарабатывает примерно на треть меньше, чем коллега-мужчина, сценарист-примерно на четверть меньше. Следует отметить, что дисбаланс за последние три года вырос, а не уменьшился [12].

Несмотря на актуальность гендерного равенства в секторе культуры, существует несколько гендерных разрывов, препятствующих равноправному участию женщин в этой области. Они заключаются в следующем: гендерные стереотипы в сфере культур; сегрегация на рынке труда в сфере культуры; ограниченное участие женщин на руководящих должностях.

Обсерватория является функциональным инструментом для выявления критических проблем и продвижения соответствующей государственной политики в учреждениях культуры. В то же время было бы целесообразно применять такую практику, как составление бюджета с учетом гендерной проблематики, с тем чтобы справиться с неравенством, что всегда является первым шагом к выявлению соответствующих исправлений.

Ярким примером сочетания культурной и гендерной политики стал проект Национальной Галереи (Рим) «Women Up», направленный на поддержку женщин-художниц. Согласно полученным данным, на 2019 год работы женщин-художниц составили 20% от всех выставляемых работ; всего была представлена 251 художница, что составило всего 10% от общего количества участников [18]. Среди реализованных выставок, посвященных женщинам, можно назвать такие проекты, как «Музейный конкурс красоты» (2016 г.), выставка Corpo a corpo | Body To Body (2017) и др.

Общий итог таков, что достижение ЦУР 5 в культурном секторе происходит по остаточному принципу на всех трех уровнях: универсальный, региональный, национальный (опыт Италии), первоочередная задача заключается в достижении равенства на уровне власти и бизнеса, далее следуют наука и инновации. Общий проблемный блок – статистические данные по культурному и творческому секторам, которые фактически остаются не исследованными. Это обуславливается, на наш взгляд, спецификой отрасли. Достаточно сложно посчитать и проанализировать творческие профессии, свободных художников.

Также встает вопрос о достижении паритета: пока такая идея выглядит несколько туманно - как выровнять количество художников, представителей разных полов, если речь идет о таланте. Оптимальной видится идея равной представленности работ на выставочных площадках, участие в грантовой поддержке, а также борьба с гендерными стереотипами.

References

1. Bilancio di genere. URL: https://www.cnr.it/sites/default/files/public/ media/attivita/editoria/BDG_CNR_EDIZIONIdef.pdf (accesses 10.07.2023).
2. Comitato unico di garanzia. URL: https://clck.ru/36QxNK (accesses 15.07.2023).
3. Council conclusions on the Work Plan for Culture 2019-2022. URL: https://clck.ru/36QxTJ (accesses 10.07.2023).
4. Cultural statistics. URL: https://clck.ru/36QxTe (accesses 10.07.2023).
5. Gender Counts: An analysis of gender in Irish theatre 2006-15. URL: http://www.wakingthefeminists.org/research-report/ (accesses 16.07.2023).
6. Gender equality in the cultural and creative sectors. URL: https://clck.ru/36QxUJ (accesses 16.07.2023).
7. Gender Equality Strategy 2020-2025. URL: https://clck.ru/36QxVB (accesses 10.07.2023).
8. Gender equality, heritage and creativity. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000229418 (accesses 10.07.2023).
9. Gender gaps in the cultural and creative sectors. URL: https://clck.ru/36QxVq (accesses 10.07.2023).
10. Inégalités entre les femmes et les hommes dans les arts et la culture Acte II: après 10 ans de constats, le temps de l'action. URL: https://clck.ru/36QxWr (accesses 20.07.2023).
11. La questione di genere tra immaginario e realtà. URL: https://clck.ru/36QxXX (accesses 20.07.2023).
12. Piano per l'applicazione e la diffusione della Medicina di Genere. URL: https://www.salute.gov.it/imgs/C_17_pubblicazioni_2860_allegato.pdf (accesses 10.07.2023).
13. Presidency conclusions on gender equality in the field of culture. URL: https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-13097-2020-INIT/en/pdf (accesses 10.07.2023).
14. Strategia nazionale per la parità di genere 2021-2026. URL: https://www.pariopportunita.gov.it/it/politiche-e-attivita/parita-di-genere-ed-empowerment-femminile/strategia-nazionale-per-la-parita-di-genere-2021-2026/ (accesses 09.07.2023).
15. The economy of culture in Europe. URL: https://ec.europa.eu/assets/eac/ culture/library/studies/cultural-economy_en.pdf (accesses 10.07.2023).
16. Towards gender equality in the cultural and creative sectors. URL: https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/36e9028b-c73b-11eb-a925-01aa75ed71a1/language-en (accesses 10.07.2023).
17. Women Up. URL: https://lagallerianazionale.com/blog/women-up (accesses 10.07.2023).
18. Women2o communiqué edition 2021. URL: https://w20italia.it/wp-content/uploads/2021/07/W20-Italy-Communiqué.pdf (accesses 11.07.2023).

Н.Н. Козлова,
С.В. Рассадин

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ДЕЙСТВИЙ В ИНТЕРЕСАХ ЖЕНЩИН: В ПОИСКАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОДЕЛИ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация
В статье рассматриваются нормативные правовые акты (Национальные стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022/2023–2030 годы) в контексте поиска национальной модели гендерной политики в современной России. Авторы считают, что в постсоветский период государственная гендерная политика носила инерционный и половинчатый характер, воспроизводя советскую риторику «женского вопроса» и стремясь адаптировать международные правовые акты под российские реалии. Авторы полагают, что Национальные стратегии в интересах женщин являются компромиссным документом, выработанным, с одной стороны, под влиянием объективных факторов (феминизации бедности и др.), с другой стороны, в условиях доминирования консервативного тренда в российской политики, в рамках которого гендер маркируется как фактор цивилизационного разлома, линией размежевания между российской традиционной культурой и современными ценностями коллективного Запада. Авторы приходят к выводу, что острота публичных дебатов актуализирует академическую дискуссию относительно понятий «традиционные ценности», «традиционное общество», «национальная идентичность», «современное общество», «российская культура» и т.д., без осмысления которых невозможно артикуляция и реализация эффективных моделей государственной гендерной политики

N. Kozlova,
S. Rassadin

NATIONAL STRATEGIES OF ACTION FOR WOMEN: IN SEARCH OF A STATE MODEL OF GENDER POLICY IN MODERN RUSSIA

Abstract
The article considers normative legal acts (National Strategies of Action in the interests of women for 2017-2022/2023-2030) in the context of the search for a national model of gender policy in modern Russia. The authors believe that in the post-Soviet period, the state gender policy was inertial and half-hearted, reproducing the Soviet rhetoric of the «women's issue» and striving to adapt international legal acts to Russian realities. The authors think that National Strategies in the interests of women are a compromise document developed, on the one hand, under the influence of objective factors (feminization of poverty, etc.), on the other hand, in the conditions of the dominance of the conservative trend in Russian politics, in which gender is marked as a factor of the civilizational rift, the line of demarcation between Russian traditional culture and modern values of the collective West. The authors conclude that the acuteness of public debates actualizes academic discussion regarding the concepts of «traditional values», «traditional society», «national identity», «modern society», «Russian culture», etc., without understanding which it is impossible to formulate and implement effective models of state gender policy in modern Russia.

в современной России.

Ключевые слова:
национальная стратегия действий, женский вопрос, гендерная политика, консерватизм, национальный механизм гендерного равенства.

Key words:
national Strategy of Action for women, women's issue, gender policy, conservatism, national mechanism of gender equality.

https://doi.org/10.24412/2227-1538-2023-4-93-110

Гендерная политика является одним из актуальных направлений не только внутренней, но и внешней политики современных государств. Начиная с публичной артикуляции идей равноправия/равенства женщин и мужчин в обществе, организации женского движения в индустриально развитых странах, произошла институционализации «женского вопроса», а затем переход к гендерной политике, которая на данный момент является частью национальной и международной повестки. Согласно определению ООН, «именно гендерные отношения (социальные отношения между полами) ныне выступают как одна из главных проблемных парадигм XXI века» [23]. На международном уровне был принят ряд документов, предлагающих стратегию и тактику достижения гендерного равенства, соблюдение которых взяли на себя практически все государства мира, в том числе и Россия. При этом, несмотря на все усилия мирового сообщества и национальных правительств преодолеть проблемы гендерного дисбаланса, не удалось разрешить проблемы, связанные с дискриминацией женщин. Согласимся с экспертами, что в настоящее время ни одна страна в мире не может заявить о достижении гендерного равенства [42, с. 43]. Согласно Индексу гендерного разрыва (The Global Gender Gap Index) 2021 г. Россия находится на 81 позиции, ее рейтинг в последние годы неуклонно снижается [33].

Российское государство накопило значительный опыт решения «женского вопроса» в дореволюционный и советский периоды. В 1990-е гг. исследователи отметили ряд негативных тенденций в изменении статуса женщин в российском обществе, которые с тех пор приобрели устойчивый характер и фигурируют в нормативных правовых документах как объективные факторы, обусловливающие необходимость проведения гендерной политики государства: феминизация бедности, разрыв в представительстве женщин и мужчин в органах государственной власти и др. [4; 19; 22]. Отправной точкой для разработки и реализации гендерной стратегии в РФ являются конституционные нормы, закрепленные в п.п. 2, 3 ст. 19, свидетельствующие, что в юридическом аспекте заложены основы для гендерного равноправия.

В 1990-е гг. Правительство РФ приняло ряд нормативных актов, в рамках которых российское государство постепенно осваивало дискурс гендер-

ной теории, создавало структуры Национального механизма по улучшению положения женщин, осуществляло рецепцию международных документов [28]. В начале 2000-х гг. появился законопроект «О государственных гарантиях равных прав и свобод мужчин и женщин и равных возможностей для их реализации», который успешно прошел первое чтение в 2003 г. [16], Гендерные Стратегии, подготовленные Министерством труда и социального развития РФ [24], Национальные планы действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе [30; 38] и др. Данные документы были фундированы гендерным подходом, предполагающим, что гендерная политика учитывает интересы и женщин, и мужчин. В 2011 году приказом Минздравсоцразвития России был образован Координационный совет по гендерным проблемам [29]. О.А. Воронина отмечает, что российское государство активно развивало гендерную политику по 2012 год, и «со временем формальное следование международным нормам стало дополняться мерами по поддержке женщины-матери в ущерб поддержке социально-экономических прав женщин» [9, с. 3]. А.А. Гнедаш фиксирует, что в середине 2000-х гг. были ликвидированы институциональные структуры на уровне Правительства РФ, отвечающие за гендерную политику [12, с. 14]. В Восьмом периодическом докладе РФ о выполнении Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (2014 г.) отмечено, что «в 2012–2013 гг. участились многочисленные обращения граждан, общественных организаций в Государственную Думу и в Правительство Российской Федерации, выступающих «против» принятия законопроекта, усматривая в нем угрозу традиционным семейным ценностям» [10], а в аналогичном Девятом докладе указано, что «необходимость в дополнительном закреплении в федеральном законодательстве положений, запрещающих дискриминацию, отсутствует» [14]. Рассмотрение законопроекта «О государственных гарантиях равных прав и свобод мужчин и женщин, и равных возможностей для их реализации» во втором чтении проходило в напряженной дискуссии, свидетельствующей об отсутствии общественного консенсуса по данному вопросу, что, в конечном счете, привело к отклонению законопроекта в 2018 г.

На данный момент вопросы разработки и реализации гендерной политики в отечественной политии стоят очень остро. Исследователи связывают остроту гендерной проблематики с доминированием консервативного тренда в российской политике [3; 18], формированием в гражданском обществе значительного сегмента православной, военной, патриотической общественности, риторически оформляющей свои интересы в терминах святоотеческой традиции, выступающей против использования опыта коллективного Запада по проведению политики гендерного равенства. Аналогичную позицию под

условным лозунгом «Осторожно, гендер!» занимают и многие члены экспертного сообщества, по мнению которых гендерная политика угрожает «основам социальной и демографической безопасности государства», способна «подорвать культурный код российского общества и государства» [40, с. 6]. Некоторые исследователи положения женщин в российском обществе отмечают, что россиянки уже имеют много прав [27].

Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 годы

Социально-политические изменения, выразившиеся в политике «отмены гендера», отразились в Распоряжении Правительства РФ от 8 марта 2017 г. №410-р «Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы» (далее – Первая стратегия) [32]. Инициатива создания данного документа была впервые озвучена на Евразийском женском форуме в 2015 году, поддержана Президентом РФ и в марте 2016 года обсуждена в Совете Федерации РФ как «современный национальный механизм по улучшению положения женщин в стране» [11]. С точки зрения главы верхней палаты парламента В.И. Матвиенко, несмотря на то, что в России нет «ни одного закона или подзаконного акта, содержащего в себе откровенно дискриминационные формулировки», тем не необходим нормативный правовой акт, который был бы нацелен «на дальнейшее продвижение по пути создания условий, дающих женщинам возможность в полной мере реализовать свой интеллектуальный потенциал, профессиональные устремления, творческие способности, общественную активность», а также включал «меры, способствующие выполнению женщинами своей миссии жены, матери, хранительницы семьи» [7]. Таким образом, инициаторы документа ориентировались на синтез двух социальных ролей женщин – работницы и матери.

Первая Стратегия была подготовлена Министерством труда и социальной защиты РФ и экспертным сообществом, включающим НКО и научные организации. По мнению ряда исследователей, коллективное творчество политических деятелей, специалистов в женском вопросе/гендерных исследованиях, позволило комплексно осмыслить проблемы положения женщин в российском обществе и выработать механизмы их решения [17]. Обратимся к анализу документа.

Само название документа говорит, что он вписывается в систему национальных стратегий и программ РФ, направленных на реализацию спектра интересов отдельных групп населения или достижения целевых показателей в различных сферах общественной жизни (в частности, «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы», Концепции долгосрочного

социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года и др.). В то же время в Первой Стратегии декларируется приверженность РФ международным принципам гендерного равенства, Декларации «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», принятой резолюцией ГА ООН 25 сентября 2015 года №70/1, в которой предусматривается обеспечение к 2030 г. всестороннего участия женщин в принятии решений в различных сферах жизни общества: в документе обозначено, что «права женщин являются неотъемлемой частью общих прав человека», а также присутствует информация о том, что РФ в рамках работы в «Группе двадцати» взяла на себя обязательство по принятию дополнительных мер, направленных на повышение занятости женщин, а также по созданию условий для их карьерного и профессионального роста [32].

Документ имеет типовую структуру – общие положения, характеристика положения женщин в Российской федерации, направления, этапы, механизмы, ресурсы, ожидаемые результаты реализации стратегии. В НПА отражены некоторые достижения в улучшении положения женщин в российском обществе, которые стали возможны благодаря реализации государственных программ и приоритетных национальных проектов в сферах образования, здравоохранения и социальной поддержки граждан: «современные женщины имеют высокий уровень образования, профессиональные и карьерные интересы», «женщины составляют значительную часть высококвалифицированных научных кадров» [32]. Учитывая, что в документе отмечается характерная для РФ «высокая занятость женщин», «их ориентация на полную занятость, карьерный рост в сочетании с семейными обязанностями и воспитанием детей», и «при этом воспитание детей и присмотр за ними, а также за членами семьи, требующими постоянного присмотра и ухода, в том числе по состоянию здоровья, осуществляются преимущественно женщинами» [32], то можно констатировать признание государством гендерного контракта женщин «работающая мать». К основным проблемным областям, которые требуют государственного внимания и вмешательства, в Первой Стратегии относятся: во-первых, медико-социальные проблемы состояния здоровья женщин (высокие показатели по инвалидности, злокачественным новообразованиями др.); во-вторых, неравное положение женщин по сравнению с мужчинами в сфере экономики (незначительная доля женщин среди руководителей организаций различных форм собственности, более низкая по сравнению с мужчинами заработная плата женщин, ограничения по видам работ, на которых женщины могут осуществлять свою трудовую деятельность, «дискриминационное отношение работодателей к женщинам, имеющим малолетних детей, многодетным матерям при приеме на работу», феминизация

бедности [32]); в-третьих, асимметрия в области политики (незначительная доля женщин в органах государственной власти, политических партиях на руководящих позициях, на дипломатической службе); в-четвертых, насилие в отношении женщин (в частности, «принуждение к сожительству и проституции, изнасилование, бытовое насилие и убийство на почве алкоголизма, наркомания, садизм и психологическое насилие» [32]). В документе артикулировано, что препятствиями для более полного раскрытия потенциала женщин являются гендерные стереотипы – «сложившиеся в обществе представления о социальной роли женщины, которые отрицательно сказываются на самореализации и развитии индивидуальности женщин», суть которых состоит в том, что «наиболее значимыми социальными ролями женщины признаются роли домохозяйки и матери, а профессиональные и карьерные достижения остаются второстепенными» [32].

В соответствии с выделенными проблемными областями представлены пять основных направлений реализации Первой Стратегии: создание условий для сохранения здоровья женщин всех возрастов; улучшение экономического положения женщин, обеспечение роста их благосостояния; профилактика и предупреждение социального неблагополучия женщин и насилия в отношении женщин; расширение участия женщин в общественно-политической жизни; совершенствование государственной статистики, характеризующей положение женщин в обществе. Собственно, только четыре направления стратегии связаны непосредственно с реальными областями общественной жизни, тогда как пятая задача ориентируется создание более эффективного механизма контроля/мониторинга, отражающего в полной мере положение женщин в российском обществе. Дальнейший анализ документа позволяет отметить масштабность плана Первой Стратегии, детальную разработку некоторых показателей оценки достижения ожидаемых результатов, конкретные рекомендации по реализации содержащихся в ней мер. В частности, в разделе V «Механизмы и ресурсы реализации Стратегии» было спроектировано создание Координационного совета при Правительстве РФ по реализации Стратегии, формирование плана мероприятий по реализации Стратегии и т.д. При этом отдельного финансирования для реализации Первой Стратегии не было оговорено, предполагалось ограничиться бюджетными ассигнованиями, предусмотренными в федеральном бюджете и бюджетах субъектов РФ на соответствующий финансовый год, а осуществление Первой Стратегии вписать в рамки мероприятий, предусмотренных государственными программами РФ в различных сферах – здравоохранения, образования, развития экономики и т.д. Это дало возможность экспертам дать как положительные, так и отрицательные отзывы о документе. В частности, член СПЧ

при Президенте РФ С.Г. Айвазова отметила важность символического значения документа, который «в обстановке нарастающего обскурантизма», «на фоне «скреп», «традиционных ценностей»» «говорит о равноправии женщин и мужчин» [3]. Д.В. Шумилина справедливо отмечает, что «термины «гендер» и «гендерное равенство» в Стратегии не упоминаются, вместо этого создатели нарочито написали в каждом пункте, где это необходимо "равенство между мужчиной и женщиной"» [44, с. 83]. По мнению О.А. Хасбулатовой, недостатком документа является то, что «система оценки эффективности реализации обозначенных планов не конкретизирована» [40, с. 31], а Г.Г. Силласте не увидела в Первой стратегии «нечто новое по сравнению с принципами старого гендерного порядка в формате «женского вопроса» (по поводу соединения работы и семьи)» [35, с. 8]. По мнению О.А. Ворониной, проблема документа заключается в том, что вне сферы реализации остались меры по обеспечению равных условий на рынке труда, в области политики, преодоления насилия в отношении женщин [9, с. 8–9].

Анализировать эффективность реализации Первой стратегии достаточно сложно, так как исследователи располагают только федеральным промежуточным отчетом за 2018 год [25], некоторыми региональными отчетами [21], направленными в Секретариат ООН докладами РФ о реализации Пекинской декларации [13]. В частности, в отчете «О ходе реализации в 2018 году Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы» фигурирует в основном описательная статистика, перечислены конкурсы, призванные повысить мотивацию женщин, и пр. Поскольку финальный отчет по реализации Первой Стратегии не появился в публичном поле, то, видимо, он не был составлен. Частично итоги реализации документа подводятся в Распоряжении Правительства РФ от 29 декабря 2022 года №4356-р «Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы» (далее – Вторая стратегия) [31]. Анализ имеющейся информации о результатах выполнений Первой стратегии позволил О.А. Хасбулатовой и И.Н. Смирновой сделать вывод, что «кардинальных изменений в уровне политической активности женщин не происходит», что «национальные планы действий не ускоряют процесс повышения роли женщин в российском обществе» [40, с. 39]. Некоторые показатели, приведенные во Второй стратегии, вызвали дискуссию в экспертном сообществе. Например, в документе отмечается «снижение числа пострадавших от семейного абьюза женщин и количества уголовных дел в связи с домашним насилием – со 102 тысяч в 2019 году до 98 тыс. в 2021-м» [31]. Однако эксперты отмечают, что снижение показателей по домашнему насилию связано с его частичной декриминализацией, а по данным Консорциума женских НПО доля женщин, погибших от

насилия в семье, увеличилась с 65,8% в 2019 до 71,6% в 2021-м гг. [5; 41]. Поэтому перспективы решения проблем исследователи связывают с наличием в России государственного механизма по достижению гендерного равноправия в обществе, включающего учреждение «правительственных структур, официально ответственных за улучшение статуса женщин и соблюдение их прав» [40, с. 39–40].

Принятие документа вызвало очередную волну общественной дискуссии о необходимости и формах реализации гендерной политики в России. На примере риторики общественных движений «Народный собор» и «Семья, любовь, Отечество» разберем аргументы против Первой Стратегии: во-первых, кулуарный характер принятия решений («без широкого общественного обсуждения»), во-вторых, лоббизм феминистских групп («несколькими представителями российского феминистического сообщества с использованием серьезных административных ресурсов, в том числе, Министерства труда»), в-третьих, кардинальный характер изменений («переворот в сфере нравственной парадигмы нации с целью переориентирования ее на так называемые "универсальные ценности"»); в четвертых, экстремистский характер устремлений авторов документа («стимулирование противостояния полов, дискриминацию социальной группы под названием "мужчины"»); в-пятых, апелляция к авторитету В.В. Путина, который в «Стратегии национальной безопасности РФ» и «Основах государственной культурной политики РФ» говорит о приоритете традиционных ценностей») [26]. Критика содержит прогностические сюжеты и навешивает ярлыки на бенефициаров Первой стратегии («позволит подготовить почву для принятия вышеуказанного закона о «гендере», который затем беспрепятственно введет в стране приоритет прав извращенцев ("гендеров")» [26]. Из логики оппонентов стратегии следует: чтобы не допустить гендеров-извращенцев, однополые браки в России и пр., женщины должны отказаться от публичной роли в обществе, замкнуться в частной/семейной жизни. В целом, согласимся с мнением экспертов, что критики документа сводят «все многообразие антидискриминационного гендерного законодательства только к легализации сексуальных меньшинств» [18, с. 142], а искажение термина «гендер» позволяют «карикатуризировать его в глазах общественности, не имеющей другой версии определения понятия [43].

Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы

В условиях доминирования консервативного тренда положения Второй стратегии приобрели еще более компромиссный характер, чем в Первой: в документе отсутствуют ссылки на международные документы, в качестве пра-

вовой основы указываются исключительно российские НПА: Конституция Российской Федерации, указы Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 года №1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года», от 7 мая 2018 года №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и от 21 июля 2020 года №474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», а также «Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 года №1618-р, «Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 февраля 2016 года №164-р, и иные документы стратегического планирования. Таким образом, федеральный законодатель признает данное направление политики внутренним делом государства, вписывает Вторую стратегию в канву демографической и семейной политики, направленной на стимулирование рождаемости, а не политики гендерного равенства, заложенных в международных документах. Первая и вторая стратегии имеют практически одинаковую структуру, однако во второй стратегии отсутствует раздел VI «Ожидаемые результаты реализации Стратегии», а название раздела II «Положение женщин в Российской Федерации» скорректировано на «Оценку и изменение положения женщин в Российской Федерации». В отличие от Первой Стратегии, в которой «создание условий для полного и равноправного участия женщин в политической, экономической, социальной и культурной сферах жизни общества является приоритетным (выделено авт.) направлением государственной политики Российской Федерации», во Второй Стратегии характеристика «приоритетный» исчезает так же, как и упоминание о правах женщин в контексте общих прав человека. В НПА указывается, что «Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 гг.» – это основополагающий документ, определяющий «основные (выделено авт.) направления государственной политики в интересах женщин» [31]. Эксперты отмечают, что Вторая Стратегия мало говорит о домашнем насилии [14]. Согласимся, что тема домашнего/семейно-бытового насилия во Второй Стратегии в значительной степени купирована: если в Первой стратегии она представлена в семи предложениях, а в тексте указывается, что кризисных центров, направленных на борьбу с данным явлением, недостаточно, то во Второй Стратегии тема сформулирована только в трех предложениях, а домашнее/семейно-бытовое насилие вписано в общую категорию «социальное неблагополучие женщин», которые охватывает помимо насилия широкий спектр жизненных ситуаций.

Относительно малочисленности кризисных центров Вторая Стратегия умалчивает, отмечено лишь, что «женщинам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, пострадавшим от семейного, психофизического насилия, предоставляются социальные услуги в организациях социального обслуживания, в том числе в кризисных центрах для женщин».

В рамках Второй Стратегии перечисляются некоторые достижения в улучшении положения женщин, но в целом отмечается, что «сохраняются барьеры занятости для женщин, обусловленные стереотипными представлениями о социальных ролях мужчин и женщин», что «женщины имеют высокую бытовую нагрузку, в том числе по уходу за детьми и иными членами семьи, полностью или частично лишенными способности к самообслуживанию» [31]. Таким образом, обозначенные в документе проблемы, характеризующие положение женщин (дисбаланс в представленности женщин на уровне принятия решений, разрыв в оплате труда и др.), которые в постсоветский период приобрели характер «заезженной пластинки», по итогу объясняются трудностями в совмещении ими семейных обязанностей и трудовой деятельности.

Во Второй Стратегии так же, как и в Первой, было заявлено пять направлений реализации, однако формулировки были несколько скорректированы: во-первых, укрепление позиций женщин в общественно-политической жизни страны. Создание условий для развития их гражданской активности; во-вторых, повышение роли женщин в развитии общества, улучшение качества их жизни; в-третьих, расширение участия женщин в приоритетных направлениях социально-экономического развития страны, включая формирование новых точек роста экономики; в-четвертых, сохранение здоровья женщин всех возрастов. Создание условий для повышения роли женщин в формировании здорового общества; в-пятых, профилактика социального неблагополучия женщин. Как мы видим, во Второй Стратегии на первый план вышли политические проблемы и качество жизни, на вторых ролях – профилактика социального неблагополучия женщин. Новеллами во Второй Стратегии являются идеи расширения участия женщин в работе политических партий, увеличения образовательных и просветительских программ женского лидерства, популяризации образа женщины-лидера (в документе неоднократно используется термин «женское лидерство»), включение женщин в сферу инициативного бюджетирования; поддержки добровольческой (волонтерской) деятельности женщин; вовлечения женщин в международное гуманитарное сотрудничество.

Если со стороны некоторых экспертов, а также женских организаций России были получены позитивные отзывы Второй Стратегии [1], то со стороны православной консервативной общественности доминировали негатив-

ные оценки документа [35]. Объектом критики стал термин «успешность», «который навязывается всем – и женщинам, и детям с раннего возраста», и который рассматривался оппонентами Второй Стратегии как противоположность «русским, православным идеалам: доброты, совестливости, щедрости, отваги» [2].

На наш взгляд, различные оценки в общественном мнении всех нормативных правовых актов, фундирующих гендерную политику в России, в том числе, и Первой и Второй Стратегий, Национальных стратегий действий в интересах женщин, отражают не только разные социально-политические интересы, но и свидетельствуют о сосуществовании различных парадигм социогуманитарного знания относительно специфики российского общества и его будущего. В концепции Д. Белла, используемой российским обществознанием, понятие «традиционные ценности» соответствует такому типу общества как «традиционное общество», которое, в свою очередь, предполагает закрытые формы социальной стратификации, ограниченную социальную мобильность, натуральное хозяйство, традиционную-патриархальную семью, асимметрию и взаимодополняемость статусов женщин и мужчин и т.д. Трудно представить, как данную общественную модель можно связать с целями устойчивого развития России, ее технологическими, экономическими прорывами. На следующих стадиях (индустриального и постиндустриального) развития общества происходит формирование товарного хозяйства, рынка, новых технологий, развитие науки и образования, актуализируются различные лифты социальной мобильности, а также возникает новый гендерный порядок, основной чертой которого, по мнению Г.Г. Силласте, является достижение не только равноправия женщин, но и мужчин, в связи с чем отцовство становится равновесным материнству социальным институтом. Эксперт указывает, что на современном этапе развития общества новый гендерный порядок складывается под влиянием глобализации и предполагает пересмотр/ревизию «социальных и социокультурных различий в ценностной, экономической и политической системах стран, поспешивших включиться в капиталистическую интеграцию», поэтому предлагает обозначить данный порядок как «гетерогамный», т.е. фундируемый синтезом разных норм: «и тех, от которых в каких-то странах отказываются, и тех, которые в других сохраняют» [36, с. 10].

Артикулируемая риторически православной консервативной общественностью дихотомия «традиционные ценности – нетрадиционные ценности» сужает спектр моделей гендерного порядка до двух вариантов. Первый порядок основан на асимметрии статусов/ролей женщины и мужчины как в рамках семьи, так и в более широком социальном контексте (на рынке труда, в политике и пр.), что в терминологии гендерной теории квалифицируется как «патриар-

хат»/«неопатриархат». Второй порядок основан на нетрадиционных ценностях, под которыми представители православной, консервативной общественности понимают заключение брака между представителями одного пола, возможность изменить свой пол биологически или социально. Условно назовем его «мультигендерный порядок». На наш взгляд, к настоящему моменту в России сложился третий вариант гендерного порядка. Его основными характеристиками являются юридически закреплённые равные права и равные возможности мужчин и женщин, которые, в то же время, закрепились в статусе традиционных в том смысле, что на протяжении длительного периода времени стали устойчивой практикой. На фоне поиска западной цивилизацией новых горизонтов свободы идеологически и практически защищающий права женщин феминизм также представляет собой прочно укоренившуюся практику. Не случайно в Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» к традиционным ценностям относятся «права человека» [37], под которыми понимаются в том числе и «права женщин» [6]. Таким образом, стремление православной, консервативной общественности закрепить в общественном мнении трактовку понятия «традиционные ценности» в архаичном домостроевском ключе приводит к исчезновению целого этапа развития общества, связанного с борьбой и частичным достижением женщинами равных прав и равных возможностей, этапа, отражающего историческую российскую реальность со второй половины XIX века до настоящего времени. При этом со стороны той же общественности закономерно поднимается вопрос о дискриминации мужчин, поскольку Национальные стратегии действий принимаются в интересах женщин. В Первой Стратегии женщины упоминаются 196 раз, а мужчины – 18; во Второй Стратегии соответственно 229 и 18. Данная проблема напоминает сюжет о нерабочем праздничном дне 8 марта (Международный женский день), который обсуждался в начале 2000-х гг.: почему у женщин есть праздник, а у мужчин нет. В итоге в Трудовом кодексе РФ появилась новелла – «День защитника Отечества», который в публичном поле риторически оформляется как «мужской день» [20]. Собственно, для избегания данных диссоциаций и был выработан гендерный подход, который учитывает не только «женский вопрос», но и интересы мужчин как социальной общности.

Подводя итоги, следует констатировать, что трансформация российского социума в постсоветский период проходит под знаком напряженного поиска национальной модели гендерной политики. Поскольку в 1990-е гг. страна утратила ряд достижений, связанных с положением женщин в обществе, то под воздействием женских, феминистских организаций, междуна-

родной общественности государство принимало нормативные акты, нацеленные на изменение ситуации. Практика выработки и реализации различных документов в области прав женщин показала, что гендерная политика РФ, которая до начала первого десятилетия XXI века носила инерционный и половинчатый характер, в последующем оказалась в эпицентре острой политической дискуссии в связи с актуализацией традиционных ценностей в условиях доминирования консервативного тренда в российской политики.

На наш взгляд, Национальные стратегии в интересах женщин на 2017–2022/2023–2030 годы являются компромиссными документами, которые с одной стороны, призваны решать объективные проблемы, связанные с феминизацией бедности, гендерной сегрегацией рынка труда и т.д., с другой стороны, демонстрируют автономность/самобытность в разрешении гендерных вопросов, обособленность от трендов гендерной политики коллективного «Запада». В контексте данной дихотомии в политической публичной риторике гендер маркируется как фактор цивилизационного разлома, линией размежевания между российской традиционной культурой и современными ценностями коллективного Запада. В рамках проанализированных документов российское государство формулирует публичный дискурс в терминах отсутствия гендера, предъявляет запрос на модель «работающей матери», предлагает одновременно меры, связанные с раскрытием потенциала женщин, продвижением их в экономические и политические сферы, а также меры, направленные на рост демографических показателей, укрепление статуса женщины-матери. Первая и вторая стратегии лавируют между «женским вопросом», устойчиво ассоциируемым с советской властью, с советским наследием и современным языком гендерной теории международных документов, дистанцируясь от обеих моделей, вырабатывая свою суверенную национальную модель. Стратегии стремятся создать абрис третьего пути (российской модели гендерного порядка), не скатываясь к архаике, и не вписываясь в новый мультигендерный порядок. По нашему мнению, эклектичный, мозаичный характер документов не может ликвидировать напряженность общественной дискуссии в данной области [15], что свидетельствует о глубоком ценностном расколе в российском социуме относительно принципов его организации и функционирования, но хронологически отодвигает дискуссию на период до 2030 года.

На наш взгляд, острота публичных дебатов актуализирует академическую дискуссию относительно понятий «традиционные ценности», «традиционное общество», «национальная идентичность», «современное общество», «российская культура», относительно теоретико-методологической рамки (если не феминизм), на базе которой возможна разработка и реализации стратегии действий в интересах женщин, и без решения которых невозможны артикуляция и

реализация эффективных моделей государственной гендерной политики в современной России. Призыв к сохранению традиционных ценностей не может означать возврат к этапу традиционного общества с его домостроевскими патриархатными практиками, поскольку это не соответствует ни стоящими перед Россией технологическим/экономическим вызовами, ни культурным устоям, к которым относятся права человека (права женщин, права мужчин), равноправие полов. Поэтому важность обеих Национальных стратегий действий в интересах женщин заключается в том, что документы актуализируют вопросы, связанные с положением женщин, обнажая объективный и масштабный характер гендерного дисбаланса в российском обществе. Однако, в условиях набирающего силу консервативного тренда мер, направленных на улучшение положение женщин в рамках «Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 годы», может оказаться недостаточно для защиты их прав, а потому вероятность риска смещения сложившегося гендерного порядка к более архаичной модели весьма значительна.

Литература

1. «Женское движение единой России» обсудило национальную стратегию действий в интересах женщин на 2023-2030 годы. URL:https://proekty.er.ru/news/er-news-3307870 (дата обращения 15.08.2023).

2. Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы: зачем и почему Правительство РФ решило заняться правами женщин? URL: https://embassylife.ru/post/24641 (дата обращения 15.08.2023).

3. Айвазова С.Г. Гендерный дискурс в поле консервативной политики // Женщина в российском обществе. 2017. №4. С. 3–13.

4. Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. Очерки политической теории и истории. Москва: РИК Русанова, 1998. 408 с.

5. Алгоритм света. URL: https://readymag.com/algorithmsveta/ algoritmsveta/ (дата обращения 11.08.2023).

6. Брюхина Е.Р., Третьякова Е.С. Права женщин в контексте универсальных, региональных и национальных (российских) стандартов и механизмов защиты прав человека // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. №53. С. 516–539.

7. В. Матвиенко: Стратегия действий в интересах женщин открывает новые возможности для их полноценного участия в жизни страны. URL: http://council.gov.ru/events/news/77870/ (дата обращения 13.12.2022).

8. Волкова О. Подарок от премьера: чего ждать от новой Национальной стратегии в интересах женщин. URL: https://www.forbes.ru/forbes-woman/341023-podarok-ot-premera-chego-zhdat-ot-novoy-nacionalnoy-strategii-v-interesah (дата обращения 15.04.2022).

9. Воронина О.А. Пост-Пекин: российская гендерная политика в международном контексте // Женщина в российском обществе. 2020. №3. С. 3–15.

10. Восьмой периодический доклад РФ о выполнении Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин URL: http://www.rosmintrud.ru/ministry/programms/8/2 (дата обращения 15.06.2023).

11. Г. Карелова: В России создается современный национальный механизм по улучшению положения женщин в стране. URL: http://council.gov.ru/events/news/65511/ (дата обращения 21.10.2022).

12. Гнедаш А.А. Национальный механизм гендерного равенства в современной России и странах мира: акторы, глобальный и локальный уровни, сетевые ресурсы // Женщина в российском обществе. 2016. №4. С. 3–20.

13. Девятый периодический доклад Российской Федерации о выполнении Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/8/2 (дата обращения 14.02.2023).

14. Домашнее насилие зачеркнуто: эксперты о Национальной стратегии в интересах женщин. URL: https://clck.ru/36HPcN (дата обращения 21.01.2023).

15. Женщины эмансипированы, а равенства нет: социолог — о гендерной повестке в России. URL: https://www.forbes.ru/forbes-woman/420257-zhenshchiny-emansipirovany-ravenstva-net-sociolog-o-gendernoy-povestke-v-rossii (дата обращения 12.10.2023).

16. Законопроект «О государственных гарантиях равных прав и свобод мужчин и женщин и равных возможностей для их реализации». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/284965-3 (дата обращения 15.01.2023).

17. Кабайкина О.В. Социологический анализ законодательных актов о правах женщин в России // Теория и практика общественного развития. 2018. №3. С. 28–30.

18. Кашина М.А. О научном подходе в дискуссии о значении гендерных исследований и гендерного законодательства для России // Власть. 2016. Т. 24. №6. С. 138–144.

19. Козлова Н.Н. Депутатский корпус региональных парламентов южного федерального округа: опыт гендерного анализа // Человек. Сообщество. Управление. 2017. Т. 18. №2. С. 68–84.

20. Козлова Н.Н. Международный женский день 8 марта как инструмент формирования советской политической культуры // Женщина в российском обществе. 2011. №1. С. 36–44.

21. Комитет по социальной политике Санкт-Петербурга. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/trud/gender/ (дата обращения 06.07.2022).

22. Мальцева И.О., Рощин С.Ю. Гендерная сегрегация и трудовая мобильность на российском рынке труда. Москва: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 295 с.

23. Министерство труда и социального развития Российской Федерации. Гендерная стратегия Российской Федерации. 2004. URL: http://womnet.ru/prava/2004/1/4.htm (дата обращения 17.04.2020).

24. Министерство труда и социального развития Российской Федерации. Гендерная стратегия Российской Федерации. 2002. URL: http://www.owl.ru/win/docum/rf/strategy/strategy.htm (дата обращения 13.07.2023).

25. О ходе реализации в 2018 году Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы. URL: https://eawf.ru/upload/iblock/874/874b9e268f8fefbdd0d0670693ff5735.pdf (дата обращения 13.04.2022).

26. Общественность взбудоражена из-за подписания Медведевым «Национальной стратегии действий в интересах женщин». URL: https://www.nakanune.ru/articles/112686/ (дата обращения 13.04.2023).

27. Пестрецов И.О., Шатурина Н.А. Гендерный аспект российского законодательства // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. 2020. №19. С. 117–123.

28. Постановление Правительства РФ от 8 января 1996 г. №6 «О концепции улучшения положения женщин в Российской Федерации». URL: http://government.ru/docs/all/16946/ (дата обращения 12.03.2023).

29. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 22 марта 2011 года № 227 «О координационном совете по гендерным проблемам». URL: https://base.garant.ru/4192326/ (дата обращения 12.06.2023).

30. Распоряжение Правительства РФ от 28.06.2001 № 855-р «Национальный план действий по улучшению положения женщин в Российской Федерации и повышению их роли в обществе на 2001–2005 годы». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=236120#wO1JsqTKiMVaX6Ys (дата обращения 17.07.2023).

31. Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2022 №4356-р «Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы». URL:

http://static.government.ru/media/files/ilHtVCkhskBAE9DAflD3Akpd787xAOc4.pdf (дата обращения 12.04.2023).

32. Распоряжение Правительства РФ от 8 марта 2017 г. №410-р «Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 годы». URL: http://static.government.ru/media/files/njlkIvH7WCvOIYRmcucV4jdNihEmTOUe.pdf (дата обращения 10.03.2023).

33. Рейтинг стран по уровню равноправия полов. URL: https://nonews.co/ directory/lists/countries/global-gender-gap (дата обращения 10.03.2023).

34. Светлана Чудова: о Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 годы. URL: https://www.aksp.ru/news/news/47796/ (дата обращения 9.03.2023).

35. Силласте Г.Г. Социальные транзиции и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2019. №2. С. 3–16.

36. Традиционные ценности в жизни женщины. URL: https://www.oprf.ru/news/traditsionnye-tsennosti-v-zhizni-zhenshchiny (дата обращения 15.08.2023).

37. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения 10.02.2023).

38. Указ Президента РФ от 18.06.1996 N932 «О национальном плане действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе до 2000 г.». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/9584/print (дата обращения 15.07.2023).

39. Устинкин С., Рудакова Е., Эминов Д. Гендерные стратегии «Мягкой силы» НПО как инструмент переформатирования культурного кода общества и государства в России // Власть. 2016. №1. С. 6–15.

40. Хасбулатова О.А., Смирнова И.Н. Национальные планы действий по улучшению положения женщин и повышения их роли в обществе как ресурс реализации российской гендерной политики (1990–2020-е годы) // Гендерная политика в России и в мире: экономика, управление, общество. Материалы Всеросс. науч. конф. Иваново: ИвГУ, 2021. С. 28–40.

41. Хороший знак? О чем говорит новая Национальная стратегия действий в интересах женщин. Разбор «Гласной». URL: https://glasnaya.media/2023/02/08/horoshij-znak-o-chem-govorit-novaya-nacionalnaya-strategiya-dejstvij-v-interesah-zhenshhin/ (дата обращения 11.08.2023).

42. Шведова Н.А. Женское лидерство в мире: «продвижение вперед» // Женщина в российском обществе. 2022. №1. С. 32–47.

43. Шерстнёва Н.М. Апории критики равноправия женщин и мужчин (на примере мобилизации движения «Семья, любовь, Отечество» против закона о гендерном равенстве) // Вестник Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2013. №1(21). С. 226–235.

44. Шумилина Д.В. Гендерное равенство в контексте политического развития Российской Федерации: проблемы, инициативы, потенциал // PolitBook. 2017. №3. С. 78–92.

References

1. «Zhenskoe dvizhenie edinoi Rossii» obsudilo natsional'nuyu strategiyu deistvii v interesakh zhenshchin na 2023-2030 gody. URL: https://proekty.er.ru/news/er-news-3307870 (data obrashcheniya 15.08.2023).

2. Natsional'naya strategiya deistvii v interesakh zhenshchin na 2023–2030 gody: zachem i pochemu Pravitel'stvo RF reshilo zanyat'sya pravami zhenshchin? URL: https://embassylife.ru/post/24641 (data obrashcheniya 15.08.2023).

3. Aivazova S.G. Gendernyi diskurs v pole konservativnoi politiki. Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2017. №4. S. 3–13.

4. Aivazova S.G. Russkie zhenshchiny v labirinte ravnopraviya. Ocherki politicheskoi teorii i istorii. Moskva: RIK Rusanova, 1998. 408 s.

5. Algoritm sveta. URL: https://readymag.com/algorithmsveta/ algoritmsveta/ (data obrashcheniya 11.08.2023).

6. Bryukhina E.R., Tret'yakova E.S. Prava zhenshchin v kontekste universal'nykh, regional'nykh i natsional'nykh (rossiiskikh) standartov i mekhanizmov zashchity prav chelo-veka. Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2021. №53. S. 516–539.

7. V. Matvienko: Strategiya deistvii v interesakh zhenshchin otkryvaet novye vozmozhnosti dlya ikh polnotsennogo uchastiya v zhizni strany. URL: http://council.gov.ru/events/news/77870/ (data obrashcheniya 13.12.2022).

8. Volkova O. Podarok ot prem'era: chego zhdat' ot novoi Natsional'noi strategii v interesakh zhenshchin. URL: https://www.forbes.ru/forbes-woman/341023-podarok-ot-premera-chego-zhdat-ot-novoy-nacionalnoy-strategii-v-interesah (data obrashcheniya 15.04.2022).

9. Voronina O.A. Post-Pekin: rossiiskaya gendernaya politika v mezhdunarodnom kontekste. Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2020. №3. S. 3–15.

10. Vos'moi periodicheskii doklad RF o vypolnenii Konventsii o likvidatsii vsekh form diskriminatsii v otnoshenii zhenshchin URL: http://www.rosmintrud.ru/ministry/programms/8/2 (data obrashcheniya 15.06.2023).

11. G. Karelova: V Rossii sozdaetsya sovremennyi natsional'nyi mekhanizm po uluchsheniyu polozheniya zhenshchin v strane. URL: http://council.gov.ru/events/news/65511/ (data obrashcheniya 21.10.2022).

12. Gnedash A.A. Natsional'nyi mekhanizm gendernogo ravenstva v sovremennoi Rossii i stranakh mira: aktory, global'nyi i lokal'nyi urovni, setevye resursy. Zhenshchina v rossiiskom. obshchestve. 2016. №4. S. 3–20.

13. Devyatyi periodicheskii doklad Rossiiskoi Federatsii o vypolnenii Konventsii o likvidatsii vsekh form diskriminatsii v otnoshenii zhenshchin. URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/8/2 (data obrashcheniya 14.02.2023).

14. Domashnee nasilie zacherknuto: eksperty o Natsional'noi strategii v interesakh zhenshchin. URL: https://clck.ru/36HPcN (data obrashcheniya 21.01.2023).

15. Zhenshchiny emansipirovany, a ravenstva net: sotsiolog — o gendernoi povestke v Rossii. URL: https://www.forbes.ru/forbes-woman/420257-zhenshchiny-emansipirovany-ravenstva-net-sociolog-o-gendernoy-povestke-v-rossii (data obrashcheniya 12.10.2022).

16. Zakonoproekt «O gosudarstvennykh garantiyakh ravnykh prav i svobod muzhchin i zhenshchin i ravnykh vozmozhnostei dlya ikh realizatsii». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/284965-3 (data obrashcheniya 15.01.2023).

17. Kabaikina O.V. Sotsiologicheskii analiz zakonodatel'nykh aktov o pravakh zhenshchin v Rossii. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2018. №3. S. 28–30.

18. Kashina M.A. O nauchnom podkhode v diskussii o znachenii gendernykh issledovanii i gendernogo zakonodatel'stva dlya Rossii. Vlast'. 2016. T. 24. №6. S. 138–144.

19. Kozlova N.N. Deputatskii korpus regional'nykh parlamentov yuzhnogo federal'nogo okruga: opyt gendernogo analiza. Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie. 2017. T. 18. №2. S. 68–84.

20. Kozlova N.N. Mezhdunarodnyi zhenskii den' 8 marta kak instrument formirovaniya sovetskoi politicheskoi kul'tury. Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2011. №1. S. 36–44.

21. Komitet po sotsial'noi politike Sankt-Peterburga. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/trud/gender/ (data obrashcheniya 06.07.2022).

22. Mal'tseva I.O., Roshchin S.Yu. Gendernaya segregatsiya i trudovaya mobil'nost' na rossiiskom rynke truda. Moskva: Izd. dom GU VShE, 2006. 295 s.

23. Ministerstvo truda i sotsial'nogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii. Gendernaya strategiya Rossiiskoi Federatsii. 2004. URL: http://womnet.ru/prava/2004/1/4.htm (data obrashcheniya 17.04.2020).

24. Ministerstvo truda i sotsial'nogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii. Gendernaya strategiya Rossiiskoi Federatsii. 2002. URL: http://www.owl.ru/win/docum/rf/strategy/strategy.htm (data obrashcheniya 13.07.2023).

25. O khode realizatsii v 2018 godu Natsional'noi strategii deistvii v interesakh zhenshchin na 2017–2022 gody. URL: https://eawf.ru/upload/iblock/874/874b9e268f8fefbdd0d0670693ff5735.pdf (data obrashcheniya 13.04.2022).

26. Obshchestvennost' vzbudorazhena iz-za podpisaniya Medvedevym «Natsional'noi strategii deistvii v interesakh zhenshchin». URL: https://www.nakanune.ru/articles/112686/ (data obrashcheniya 13.04.2023).

27. Pestretsov I.O. Shaturina N.A. Gendernyi aspekt rossiiskogo zakonodatel'stva. Uchenye zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU. 2020. №19. S. 117–123.

28. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 8 yanvarya 1996 g. №6 «O kontseptsii uluchsheniya polozheniya zhenshchin v Rossiiskoi Federatsii». URL: http://government.ru/docs/all/16946/ (data obrashcheniya 12.03.2022).

29. Prikaz Ministerstva zdravookhraneniya i sotsial'nogo razvitiya RF ot 22 marta 2011 goda №227 «O koordinatsionnom sovete po gendernym problemam». URL:https://base.garant.ru/4192326/ (data obrashcheniya 12.06.2023).

30. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 28.06.2001 № 855-r «Natsional'nyi plan deistvii po uluchsheniyu polozheniya zhenshchin v Rossiiskoi Federatsii i povysheniyu ikh roli v obshchestve na 2001–2005 gody». URL:https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=236120#wO1JsqTKiMVaX6Ys (data obrashcheniya 17.07.2023).

31. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29.12.2022 № 4356-r «Natsional'naya strategiya deistvii v interesakh zhenshchin na 2023 – 2030 gody». URL:http://static.government.ru/media/files/ilHtVCkhskBAE9DAflD3Akpd787xAOc4.pdf (data obrashcheniya 12.04.2023).

32. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 8 marta 2017 g. №410-r «Natsional'naya strategiya deistvii v interesakh zhenshchin na 2017–2022 gody». URL: http://static.government.ru/media/files/njlkIvH7WCvOIYRmcucV4jdNihEmTOUe.pdf (data obrashcheniya 10.03.2017).

33. Reiting stran po urovnyu ravnopraviya polov. URL: https://nonews.co/directory/lists/countries/global-gender-gap (data obrashcheniya 10.03.2023).

34. Svetlana Chudova: o Natsional'noi strategii deistvii v interesakh zhenshchin na 2023–2030 gody. URL: https://www.aksp.ru/news/news/47796/ (data obrashcheniya 9.03.2023).

35. Sillaste G.G. Sotsial'nye tranzitsii i formirovanie novogo gendernogo poryadka. Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2019. №2. S. 3–16.

36. Traditsionnye tsennosti v zhizni zhenshchiny. URL: https://www.oprf.ru/news/traditsionnye-tsennosti-v-zhizni-zhenshchiny (data obrashcheniya 15.08.2023).

37. Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 09.11.2022 g. №809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoi politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh rossiiskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostei». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (data obrashcheniya 10.12.2022).

38. Ukaz Prezidenta RF ot 18.06.1996 N932 «O natsional'nom plane deistvii po uluchsheniyu polozheniya zhenshchin i povysheniyu ikh roli v obshchestve do 2000 g.». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/9584/print (data obrashcheniya 15.07.2023).

39. Ustinkin S., Rudakova E., Eminov D. Gendernye strategii «Myagkoi sily» NPO kak instrument pereformatirovaniya kul'turnogo koda obshchestva i gosudarstva v Rossii. Vlast'. 2016. №1. S 6–15.

40. Khasbulatova O.A., Smirnova I.N. Natsional'nye plany deistvii po uluchsheniyu polozheniya zhenshchin i povysheniya ikh roli v obshchestve kak resurs realizatsii ros-siiskoi gendernoi politiki (1990–2020-e gody). Gendernaya politika v Rossii i v mire: ekonomika, upravlenie, obshchestvo. Materialy Vseross. nauch. konf. Ivanovo: IvGU, 2021. S. 28–40.

41. Khoroshii znak? O chem govorit novaya Natsional'naya strategiya deistvii v interesakh zhenshchin. Razbor «Glasnoi». URL:https://glasnaya.media/2023/02/08/horoshij-znak-o-chem-govorit-novaya-nacionalnaya-strategiya-dejstvij-v-interesah-zhenshhin/ (data obrashcheniya 11.08.2023).

42. Shvedova N.A. Zhenskoe liderstvo v mire: «prodvizhenie vpered». Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2022. №1. S. 32–47.

43. Sherstneva N.M. Aporii kritiki ravnopraviya zhenshchin i muzhchin (na primere mobilizatsii dvizheniya «Sem'ya, lyubov', Otechestvo» protiv zakona o gendernom raven-stve). Vestnik Tom. gos. un-ta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2013. №1(21). S. 226–235.

44. Shumilina D.V. Gendernoe ravenstvo v kontekste politicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii: problemy, initsiativy, potentsial. PolitBook. 2017. №3. S. 78–92.

Р.Н. Сулейманова

ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО В РОССИИ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Аннотация

В статье рассматривается проблема, которая и сегодня сохранила не только научную, но и общественную актуальность – равноправие женщин во всех сферах жизнедеятельности, реализация равных прав и возможностей женщин и мужчин в общественно-политической жизни, в органах власти, осуществление государством принятых мер по созданию достаточных условий для участия женщин в политических событиях, представительстве «во власти» на разных уровнях. Целью статьи является на примере одного из регионов России – Республики Башкортостан, проведение анализа этой проблемы, выявления реального состояния женского фактора в политической жизни. Обращаясь к региональной действительности, показаны итоги достигнутого женщинами равноправия на основе их представительства во властных структурах разного уровня, органах законодательной и исполнительной власти, партиях, общественных движениях, в частности, женском, имеющиеся трудности и проблемы. Уделено внимание политике местных органов власти в отношении участия женщин в общественно-политической жизни в республике, в происходящих событиях, в деятельности партий и движений, созданию ими необходимых условий в достижении равноправия с мужчинами, принятию соответствующих мер по подготовке кадров и представительству женщин в органах власти разного уровня, состоянию взаимоотношений власти и женского социума, в частности его активной части, и пр. Аргументирована позиция о необходимости дальнейшей работы по достижению фактического равноправия женщин с мужчинами, не

R. Suleimanova

GENDER EQUALITY IN RUSSIA IN THE REGIONAL DIMENSION: ANALYTICAL REVIEW

Abstract

The article examines a problem that today has retained not only scientific but also social relevance - the equality of women in all spheres of life, the implementation of equal rights and opportunities for women and men in social and political life, in government bodies, the implementation by the state of measures taken to create sufficient conditions for women's participation in political events, representation "in power" at different levels. The purpose of the article is, using the example of one of the regions of Russia - the Republic of Bashkortostan, to analyze this urgent problem, to identify the real state of the female factor in political life. Turning to regional reality, the results of equality achieved by women will be shown based on their representation in power structures at various levels, legislative and executive authorities, parties, social movements, in particular women, as well as existing difficulties and problems. Attention will be paid to the policies of local authorities regarding the participation of women in social and political life in the republic, in ongoing events, in the activities of parties and movements, creating the necessary conditions for them to achieve equality with men, taking appropriate measures for training and representation of women in bodies authorities at various levels, the state of relations between the authorities and women's society, in particular its active part, and so on. The position is argued about the need for further work to achieve the actual equality of women with men, not only de jure, but also de facto. Public authorities, together with civil society institutions, need to reach a compromise in the formation of the gender

только де-юре, но и де-факто. Органам государственной власти совместно с институтами гражданского общества необходимо достичь компромисса в формировании гендерной политики современной России и принять незамедлительно эффективные решения.

policy of modern Russia and make immediately effective decisions.

Ключевые слова:
гендерная политика, равноправие, общественно-политическая жизнь, власть, женщина, представительство, участие, регион.

Key words:
gender policy, equality, social and political life, power, woman, representation, participation, region.

https://doi.org/10.24412/2227-1538-2023-4-111-120

Статья подготовлена в рамках выполнения Госзадания УФИЦ РАН.

В современную общественно-политическую жизнь России и регионов происходящие события вносят серьезные коррективы, в частности, в функционирование органов власти, в деятельность партий, политических движений и общественных организаций [1; 2; 10; 17; 22]. Они создают благоприятные условия для объединения усилий женского социума, возникновения новых форм его самоорганизации, что позволяет активным участием в общественной жизни продолжать добиваться не просто формально-юридического, а реального гендерного равенства, в том числе в политической сфере, наравне с мужчинами допущения в органы власти для защиты ими интересов женщин [11; 12; 13; 14; 16; 23]. В общественно-политической жизни страны женский фактор продолжает играть немаловажную роль. Женщины более активно участвуют в политических событиях и экономической жизни, представлены в органах власти на разных уровнях, в том числе на высших. При этом учитывают и современные позитивные тренды в зарубежных странах [3; 4; 5]. Безусловно, возвышение женского фактора в ранг государственной политики – факт сам по себе значительный, но окончательно не утвердившийся. На это обращает внимание в своих исследованиях О.А. Хасбулатова. Рассмотрев советский опыт участия женщин в сфере политики и государственного управления, она приходит к выводу, что их духовный потенциал, образованность, инициативность, работоспособность оказались наименее востребованными [25, с. 414]. Устоявшаяся классическая традиция в подходах к женскому вопросу, который считался решенным в советской стране, а равноправие мужчин и женщин достигнутым, нуждалась в кардинальном пересмотре. Ведь реалии жизни показывали совершенно иную действительность. Это особенно проявлялось в регионах с достаточно устой-

чивыми этноконфессиональными и культурными традициями, когда женщина и женское начало никогда не стояли на равных с ценностями мужского мира. В публикациях стали открыто звучать мнения о нерешенности женского вопроса, формальности в достижении равноправия женщин с мужчинами, создании им равных возможностей в развитии и самореализации в общественно-полезной деятельности [6].

Нужно заметить, что эти процессы и явления характеризуют общественно-политическую жизнь Республики Башкортостан, одного из регионов России, начиная с постперестроечного периода. С провозглашением в октябре 1990 года «Декларации о государственном суверенитете Башкирской Советской Социалистической Республики» в ее истории наступает новый этап развития. Была принята Конституция. Значительным изменениям подвергаются структуры власти, начинается формирование многопартийной системы, заметней становится деятельность общественных объединений и национальных движений [9, с. 195]. В общественно-политической жизни суверенной республики наблюдается активизация женского фактора. Наряду с действовавшими объединениями, возникают новые, как клубы, союзы, общества, ассоциации, кружки и даже партия и пр., различавшиеся по профессиональным, национальным и еще ряду признаков [7, с. 239, 242]. Это указывало на начавшиеся серьезные перемены в женском движении, в самом женском социуме, но прежде всего, в политике властей в отношении женского вопроса. Этому также способствовало принятие мер на государственном уровне по улучшению положению женщины, ребенка и семьи. Происходившие в республике политические, социально-экономические и демографические процессы, безусловно, оказывали определенное влияние на правовой статус и социальную активность женщин. Возрастало их участие в общественных мероприятиях и политических кампаниях. Как отмечали аналитики, в поведении женщин стали наблюдаться довольно положительные изменения, в частности способность самостоятельно принимать решения, отстаивать свое мнение, защищать собственную независимость и достоинство и пр. Так, в газетах последовала серия статей, авторами которых выступали сами женщины, на темы, как «Органы власти без женщин?», «Равенства не дождемся?», «Нужны ли нам женсоветы?». Тем самым, активная часть женского населения пыталась через печать обратить внимание, прежде всего, местных органов на имевшиеся проблемы: низкий правовой статус, недостаточность использования во власти, отсутствие условий и возможностей для уча-

стия в политике, слабость самих организаций и пр. В феврале 1997 года на встрече женщин-депутатов республики было заявлено, что состояние участия женщин в органах государственной власти и местного самоуправления неудовлетворительное [20]. На нем было выработано следующее обращение к руководителям органов государственной власти и местного самоуправления, общественным объединениям и политическим партиям: «… обеспечить выполнение указа Президента Российской Федерации «О повышении роли женщин в системе федеральных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 30 июня 1996 года, ориентируясь на рекомендации ООН о представительстве женщин на руководящих постах не менее 30%. Проводить активную политику по выдвижению женщин на руководящие посты в органы государственной и местной власти и привлечению их к участию во всех сферах политической, экономической, социальной и культурной жизни в качестве равноправных партнеров». Все это показывало, что одна из больших социально-демографических групп населения, определявшая в значительной мере трудовой и интеллектуальный потенциал республики, заявляет о себе и праве участия в общественно-политической жизни.

Рассмотрим осуществление гендерной политики в республике, проанализируем участие женщин в политической жизни, в принятии ответственных и важных решений, особенно касающихся их интересов, представительство во властных структурах, в сравнении с опытом недавнего прошлого.

В современный период в республике в использовании женского потенциала во властных органах разного уровня произошли определенные изменения. В органах представительной власти это демонстрируют итоги выборов. На прошедших в сентябре 2023 года выборах в Государственное Собрание – Курултай Республики Башкортостан седьмого созыва среди народных избранников оказалось 15 женщин, что составило не более 10% от общего числа [15]. Приведенные количественные сведения отразили незначительное увеличение женской прослойки в депутатском корпусе, в сравнении с итогами прошлых выборов. Так, два десятилетия тому назад, в марте 2003 года на выборах в парламент республики было избрано 7 женщин, или около 6%. Эти итоги явились поводом для женского актива, в основном депутатов, представительниц женских обществ и др., проведения серьезного обсуждения на круглом столе. На нем принимается решение о создании единого координационного центра и рабочей группы из женщин-депутатов, целью которого должно стать кардинальное изменение сложившейся ситуации и

организации подготовки женщин к политической деятельности. Однако оно остается лишь инициативой на бумаге, не получившей практического осуществления, что показали итоги следующих выборов в парламент, состоявшихся в 2008 году. Тогда всего лишь 6 женщин получили депутатские мандаты [21, с. 7]. А ведь в недавнем прошлом доля женщин в общем числе депутатов в Верховном Совете Башкирской АССР варьировалась от 30 до 40%, тогда как современные показатели не доходят и до 10%. Конечно, в условиях жесткой конкуренции при проведении предвыборной кампании женщины оказались на равных с мужчинами. А последние в основном занимают руководящие посты, в их руках все ресурсы и возможности, что и создает для женщин крайне невыгодные условия в попытках одержать победу в выборах и сделать политическую карьеру. Показательно представительство женщин в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации от Республики Башкортостан. В восьмом созыве в Думу прошли от республики 5 женщин и то по партийному списку, а в недалеком прошлом среди избранников от республики их вовсе не было в высшем представительном и законодательном органе страны [18]. При кажущихся благополучных итогах можно сделать вывод, что они являются реальным показателем фиктивности провозглашенного равноправия женщин в общественно-политической жизни.

В органах исполнительной власти, местного самоуправления, в министерствах, правительстве и других государственных структурах в использовании женских кадров прослеживается позитивная тенденция, в сравнении с началом 2000-х гг. Возросло в них число женщин, занимавших должности руководителей, тогда как раньше их либо не было, либо было очень мало. Так, им не доверяли даже города и районы. Сегодня мы видим в этих органах власти женщин, занимающих высокие посты, в числе заместителей премьер-министра (одна), министров (5), в основном курирующих социальную, культурную и экономическую сферы, руководителей ведомств и учреждений. И все равно они составляют единицы в сравнении с мужским представительством в этой сфере. Впервые женщинам доверили возглавить два района, которых в республике 54, и один город из 21 [8]. Однако их нет во главе партий, кроме рядового членства, общественных движений, исключением выступают женские организации. Надо признать, что потенциал этой «большой общественной силы» в политике и власти представлен весьма в скромных размерах и практически не используется в полную силу. Это вновь и вновь показывает, что женщины остаются в положении фактически вытес-

ненных из активной политической жизни, отчужденных от участия в разработке и принятии государственных решений, которые важны, в первую очередь, для них самих. Исходя из официальных сведений и статистики, можно заметить, что женщинам в органах власти разного уровня в основном отводятся должности в лучшем случае второго, а, как правило, третьего плана, далекие от непосредственного участия в политике и связанные традиционно с исполнительскими и техническими функциями.

Говоря о женском факторе в общественно-политической жизни Республики Башкортостан, нельзя не сказать о женских организациях, в том числе о женских советах, история которых свое начало берет с образования автономной Башкирской республики в 1919 году. В постперестроечный период эти органы также претерпели серьезные перемены в деятельности, в проведении работы среди женского сообщества. Однако, как показало время, каких-либо особых перемен в направленности работы, тем более политической, ее результативности в деятельности у них нет. Они не стали самостоятельной силой в общественно-политической жизни республики. Начавшееся в 1990-х гг. оживление их деятельности в основном ограничилось организационным оформлением и впоследствии свелось к проведению в основном мероприятий культурно-просветительного характера. Формальное членство в организациях единичных представительниц женщин из «власти» лишь создает видимость некоего взаимодействия с ней. Их разобщенность при проведении мероприятий и акций, недостаточная поддержка со стороны органов власти, упущения и недостатки в решении многих важных для женщин проблем оказали немаловажное влияние на отход последних от общественной работы, нежелание принимать в ней участие и вообще стремиться «во власть».

В апреле 2013 года в Уфе прошел форум женщин Республики Башкортостан, целью которого являлось обсуждение важной проблемы расширения сферы реализации женщин. В центре внимания участниц стояли следующие вопросы: «Мы должны задавать повестку», «8 марта надо анализировать проблемы женщин», «Нет» – феминизму, «да» – гармонии» и еще целый ряд. Особое место в повестке занимал вопрос «Женщины хотят в политику». Выступая на нем, руководитель Совета по консолидации женского движения России Н. Дмитриева, заявила: «Сегодня женщина – это не объект, к которому применяют некие решения, программы. Мы можем не только выполнять, но и задавать повестку дня. … Надо признать, что сегодня государство стоит на

одной «мужской» ноге, в политике у женщины есть «потолок», например на муниципальном уровне много женщин, а на республиканском мужчины начинают работать локтями. Мы не призываем поменять ногу. Давайте встанем на обе ноги. Нам нужно присутствие женщин на уровне принятия решений» [24].

В использовании женского потенциала в республике сохраняется неизменность, что подтверждают официальные сведения и реалии жизни. В общественном сознании прочны позиции традиционной установки, по мнению исследователей, согласно которой государственная политика, сфера управления – это прерогатива мужчин, женский удел – работа, семья, дети, домашнее хозяйство [26, с. 3]. Как показывают результаты массовых опросов, проводимых среди женщин, они свыклись со своими ролями в обществе и семье. Более того, на это настраивают их и оказавшиеся во властных структурах женщины. Так, глава комиссии по делам женщин, охраны семьи, материнства и детства в парламенте республики С. Еникеева откровенно пропагандировала, что главные проблемы женщины – это ребенок, семья, женщина (здесь, как врач по профессии, она имела в виду ее здоровье) [19]. Немаловажную роль играют устоявшиеся в общественном сознании стереотипы, прежде всего, в мужском, в котором и сегодня статус женщины низкий. В подтверждение можно привести впечатления о начале работы в республиканском парламенте женщины депутата, занимавшую в нем довольно высокую должность: «в первое время мне, достаточно трудно было: большинство депутатов прошли школу партийной и советской работы, мне довольно часто казалось, что мы говорим на разных языках» [18]. Это указывает на сохранившийся до сих пор традиционный взгляд на способности женщин заниматься политической деятельностью, что мол «право-то вы имеете, только вряд ли сможете».

Таким образом, проведенный обзор реальных итогов гендерного равенства в одном из регионов России – Республики Башкортостан, в участии женщин в политической жизни и допущения «во власть» разного уровня позволил прийти к следующему выводу. В современной общественно-политической жизни республики женский фактор, проблемы женского равноправия продолжают сохранять свою актуальность. Итоги гендерного равенства «во власти» свидетельствуют не только о недостаточном использовании женского потенциала в политике и государственном управлении, но и о прочности позиции мужчин, что показывает устойчивость гендерной асимметрии, устоявшиеся в общественном сознании традиционные стереотипы в

отношении женщин и патриархальную политическую культуру. Женщинам республики, «большой общественной силе», еще в начале демократических преобразований 1990-х годов заявивших о своем праве быть участницей происходивших поворотных событий и процессов, вновь было отказано. Они оказались фактически вне активной политической жизни, лишены права принимать полноценное участие в разработке и принятии жизненно важных и необходимых, прежде всего, для них и в их интересах, государственных решений. И сегодня имеют ограниченные возможности для реализации своего потенциала. По сути, государство не выполнило полностью принятых мер для реализации равных прав и возможностей женщин и мужчин в общественно-политической жизни, в управлении, по созданию достаточных условий для участия женщин в политических событиях, представительстве «во власти» на разных уровнях. Безусловно, не признавать достижений в решении женского вопроса, активизации участия женщин в общественно-политической и социально-экономической жизни нельзя. В то же время имеющиеся проблемы в достижении фактического равноправия женщин с мужчинами, не только де-юре, но и де-факто указывают на свою острую общественную актуальность, требующую принятия незамедлительных решений и их реального осуществления.

Литература

1. Авцинова Г.И., Воронина Е.Ю. Трансформация ценностей в глобальном мире в эпоху цифровизации // PolitBook. 2023. №1. С. 46-57.

2. Арутюнов А.Г., Сизов В.О. Исследование муниципальных выборов в рамках дихотомий: столица субъекта - провинциальные районы и московские эксперты - местные эксперты // PolitBook. 2021. №4. С. 125-139.

3. Арутюнов А.Г., Сковиков А.К. Политическое участие женщин на региональных выборах в Европе // PolitBook. 2022. №2. С. 89-100.

4. Гришин О.Е., Гарсон В.М.А., Рахаримбулулунирина С. Гендерная политика в современном мире. Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2021. 96 с.

5. Гужина А.А., Шумилов А.В., Шумилова О.В. Политическое лидерство женщин в странах Северной Европы // PolitBook. 2022. №3. С. 99-128.

6. Женский вопрос: точки зрения и подходы к новому осмыслению. Сборник статей / Отв. ред. Т.А. Мельникова. Москва: АОН при ЦК КПСС, 1991. 185 с.

7. Женское движение в Башкортостане. 1941-2000. Сборник документов и материалов / Отв. ред. Р.Н. Сулейманова. Уфа: Гилем, 2009. 304 с.

8. Иванова К. Женщины во власти // Республика Башкортостан. 2023. 8 марта.

9. История Башкортостана. 1917 – 1990-е годы: в 2-х т. / Отв. ред. Р.Н. Сулейманова. Т. 2: 1945-1990. Уфа: Гилем, 2005. 313 с.

10. Каминченко Д.И. Политический Instagram: анализ содержания имиджа регионального лидера в политико-коммуникативном поле популярной интернет-платформы // PolitBook. 2021. №2. С. 74-96.

11. Козлова Н.Н., Монахова Ю.А. Гендерные аспекты электоральных ориентаций и образ политика в сознании россиян: региональный аспект // PolitBook. 2022. №4. С. 57-73.

12. Козлова Н.Н., Скаковская Л.Н., Рассадин С.В. Молодежный сегмент депутатского корпуса региональных легислатур РФ: социально-профессиональные характеристики, источники рекрутирования, карьерные траектории // Полис. Политические исследования. 2023. №1. С. 114-129.

13. Козлова Н.Н., Рассадин С.В. Представленность женщин в органах государственной власти РФ: опыт статистического анализа // PolitBook. 2022. №3. С. 49-75.

14. Кукина У.А. К вопросу о специфике деятельности еврейских женских организаций в современной России // PolitBook. 2022. №3. С. 76-98.

15. Леонтьев В. Вертикаль доверия // Республика Башкортостан. 2023. 12 сент.

16. Михалева Г.М. Гендерное равенство как цель устойчивого развития и ее реализация в России // Вестник РГГУ. Сер.: Философия. Социология. Искусствоведение. 2022. №1-3. С. 363-371.

17. Попова О.В. Факторы влиятельности региональной политической элиты в современной России: пример Санкт-Петербурга и Ленинградской области // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2022. Т. 24. №4. С. 795-826.

18. Предварительные итоги // Республика Башкортостан. 2021. 21 сент.

19. Ребенок, женщина, семья – главные проблемы жизни // Известия Башкирии. 1991. 6 апр.

20. Республиканская встреча женщин-депутатов // Советская Башкирия. 1997. 27 февраля.

21. Роль женщин – депутатов в социально-духовном развитии Башкортостана. Уфа: Вилли Окслер, 2006. 88 с.

22. Тимошенко В.И. Характер и своеобразие партийной системы современной России // PolitBook. 2022. №4. С. 98-107.

23. Ушакова В.Г., Савин С.Д. Женщины в современной Российской политике и государственном управлении // Женщина в российском обществе. 2023. №1. С. 20-31.

24. Форум женщин Башкирии // Республика Башкортостан. 2013. 18 апр.

25. Хасбулатова О.А. Обзор опыта советской государственной политики в отношении женщин // Гендерная реконструкция политических систем. СПб.: ИСПГ-Алетейя, 2003. С. 397-422.

26. Хасбулатова О.А., Смирнова И.Н. Эволюция женского вопроса в российском обществе (1900–2020) // Женщина в российском обществе. 2022. №1. С. 3-21.

References

1. Avtsinova G.I., Voronina E.Yu. Transformatsiya tsennostei v global'nom mire v epokhu tsifrovizatsii. PolitBook. 2023. №1. S. 46-57.

2. Arutyunov A.G., Sizov V.O. Issledovanie munitsipal'nykh vyborov v ramkakh dikhotomii: stolitsa sub"ekta - provintsial'nye raiony i moskovskie eksperty - mestnye eksperty. PolitBook. 2021. №4. S. 125-139.

3. Arutyunov A.G., Skovikov A.K. Politicheskoe uchastie zhenshchin na regional'nykh vyborakh v Evrope. PolitBook. 2022. №2. S. 89-100.

4. Grishin O.E., Garson V.M.A., Rakharimbululunirina S. Gendernaya politika v sovremennom mire. Moskva: Rossiiskii universitet druzhby narodov (RUDN), 2021. 96 s.

5. Guzhina A.A., Shumilov A.V., Shumilov O.V. Politicheskoe liderstvo zhenshchin v stranakh Severnoi Evropy. PolitBook. 2022. №3. S. 99-128.

6. Zhenskii vopros: tochki zreniya i podkhody k novomu osmysleniyu. Sbornik statei / Otv. red. T.A. Mel'nikova. Moskva: AON pri TsK KPSS, 1991. 185 s.

7. Zhenskoe dvizhenie v Bashkortostane. 1941-2000. Sbornik dokumentov i materialov / Otv. red. R.N. Suleimanova. Ufa: Gilem, 2009. 304 s.

8. Ivanova K. Zhenshchiny vo vlasti. Respublika Bashkortostan. 2023. 8 marta.

9. Istoriya Bashkortostana. 1917 – 1990-e gody: v 2-kh t. / Otv. red. R.N. Suleimanova. T. 2: 1945-1990. Ufa: Gilem, 2005. 313 s.

10. Kaminchenko D.I. Politicheskii Instagram: analiz soderzhaniya imidzha regional'nogo lidera v politiko-kommunikativnom pole populyarnoi internet-platformy. PolitBook. 2021. №2. S. 74-96.

11. Kozlova N.N., Monakhova Yu.A. Gendernye aspekty elektoral'nykh orientatsii i obraz politika v soznanii rossiyan: regional'nyi aspekt. PolitBook. 2022. №4. S. 57-73.

12. Kozlova N.N., Skakovskaya L.N., Rassadin S.V. Molodezhnyi segment deputatskogo korpusa regional'nykh legislatur RF: sotsial'no-professional'nye kharakteristiki, istochniki rekrutirovaniya, kar'ernye traektorii. Polis. Politicheskie issledovaniya. 2023. №1. S. 114-129.

13. Kozlova N.N., Rassadin S.V. Predstavlennost' zhenshchin v organakh gosudarstvennoi vlasti RF: opyt statisticheskogo analiza. PolitBook. 2022. №3. S. 49-75.

14. Kukina U.A. K voprosu o spetsifike deyatel'nosti evreiskikh zhenskikh organizatsii v sovremennoi Rossii. PolitBook. 2022. №3. S. 76-98.

15. Leont'ev V. Vertikal' doveriya. Respublika Bashkortostan. 2023. 12 sent.

16. Mikhaleva G.M. Gendernoe ravenstvo kak tsel' ustoichivogo razvitiya i ee realizatsiya v Rossii. Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie. 2022. №1-3. S. 363-371.

17. Popova O.V. Faktory vliyatel'nosti regional'noi politicheskoi elity v sovremennoi Rossii: primer Sankt-Peterburga i Leningradskoi oblasti. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya. 2022. T. 24. №4. S. 795-826.

18. Predvaritel'nye itogi. Respublika Bashkortostan. 2021. 21 sent.

19. Rebenok, zhenshchina, sem'ya – glavnye problemy zhizni. Izvestiya Bashkirii. 1991. 6 aprelya.

20. Respublikanskaya vstrecha zhenshchin-deputatov. Sovetskaya Bashkiriya. 1997. 27 fevralya.

21. Rol' zhenshchin – deputatov v sotsial'no-dukhovnom razvitii Bashkortostana. Ufa: Villi Oksler, 2006. 88 s.

22. Timoshenko V.I. Kharakter i svoeobrazie partiinoi sistemy sovremennoi Rossii. PolitBook. 2022. №4. S. 98-107.

23. Ushakova V.G., Savin S.D. Zhenshchiny v sovremennoi Rossiiskoi politike i gosudarstvennom upravlenii. Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2023. №1. S. 20-31.

24. Forum zhenshchin Bashkirii. Respublika Bashkortostan. 2013. 18 aprelya.

25. Khasbulatova O.A. Obzor opyta sovetskoi gosudarstvennoi politiki v otnoshenii zhenshchin. Gendernaya rekonstruktsiya politicheskikh sistem. SPb.: ISPG-Aleteiya, 2003. S. 397-422.

26. Khasbulatova O.A., Smirnova I.N. Evolyutsiya zhenskogo voprosa v rossiiskom obshchestve (1900–2020). Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2022. №1. S. 3-21.

А.К. Сковиков

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА: МИРОВОЙ ОПЫТ И РОССИЙСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Аннотация

На основе диалектического и историко-сравнительного методов, а также контент-анализа выступлений главы государства, экспертного опроса руководства женских общественных организаций и актива парламентских партий на уровне региональных организаций был сделан среднесрочный и долгосрочный прогнозы гендерной политики на современном этапе развития российской государственности, в условиях внешних и внутренних вызовов, мировой политической турбулентности, а также цивилизационных разломов между ценностями стран коллективного Запада и традиционными ценностями доминирующими в Российской Федерации. Аргументирована позиция, что в среднесрочной и долгосрочной перспективах нет политических акторов способных усилить политическую активность среди женщин; на партийном ландшафте маловероятным является формирование и активизация женских политических партий; реализация повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года органами власти не приведет к созданию условий для реализации эффективной гендерной политики; перспектива формирований гендерных фракций есть у ряда российских партий ввиду их интереса сохранить властные полномочия как на федеральном, так и иных уровнях власти. При системной работе органов государственной власти, образовательных учреждений, институтов гражданского общества и иных по повышению политической культуры россиян в долгосрочной перспективе произойдут изменения в мировоззрении граждан, восприятии ими гендерной политики, которая учитывает интересы и женщин, и мужчин. Это окажет позитивное влияние на минимизацию феминизации бедности, сокращения разрыва в представительстве женщин и мужчин в федеральных органах государ-

A. Skovikov

GENDER POLICY: WORLD EXPERIENCE AND RUSSIAN REALITY

Abstract

On the basis of dialectical, historical and comparative methods, as well as content analysis of the speeches of the head of state, an expert survey of the leadership of women's public organizations and party assets of parliamentary parties at the level of regional organizations, medium- and long-term forecasts of gender policy at the present stage of the development of Russian statehood, in the conditions of external and internal challenges, global political turbulence were made, as well as the civilizational rifts between the values of the countries of the collective West and the traditional values dominating in the Russian Federation. The position is argued that in the medium and long-term prospects there are no political actors capable of activating political activity among women; the formation and activation of women's political parties is unlikely on the party landscape; the implementation of the sustainable development agenda for the period up to 2030 by the authorities will not lead to the creation of conditions for the implementation of effective gender policy; the prospect of the formation of gender factions there are a number of Russian parties because of their interest to retain power both at the federal and other levels of government. With the systematic work of state authorities, educational institutions, civil society institutions and others to improve the political culture of Russians in the long term, there will be changes in the worldview of citizens, their perception of gender policy, which takes into account the interests of both women and men. This phenomenon will have a positive impact on minimizing the feminization of poverty, reducing the gap in the repre-

ственной власти и многих других.

sentation of women and men in federal government bodies and many others.

Ключевые слова:
гендер, гендерная политика, гражданское общество, женские организации, органы власти, политические партии, равноправие.

Key words:
gender, gender policy, civil society, women's organizations, authorities, political parties, equality.

https://doi.org/10.24412/2227-1538-2023-4-121-135

На протяжении всего развития человечества периодически вставал вопрос равенства между женщинами и мужчинами как среди политиков, представителей религиозных конфессий, философов, в семье и других акторах общественно-политического ландшафта. С.Г. Айвазова, Ж.К. Манкошева, О.Г. Овчарова, Т.Б. Рябова многогранно рассмотрели гендер и гендерную политику на всем протяжении ее эволюции [1; 2; 3; 25; 29; 33], некоторые ученые обращают внимание на сложности в достижении фактического равноправия, противоречия в гендерной политике в отдельной взятой стране или регионе – Е.Ю. Берёзкина, Н.М. Великая, Н.Н. Козлова, Г.М. Михалева, С.В. Рассадин, О.В. Рябов [9; 21; 26; 32].

На формирование гендерной политики существенное влияние оказали два движения – феминизм и суфражизм. Движения изначально получили широкое развитие в США и ряде европейских стран. Активное участие в данных общественно-политических движениях принимали наряду с женщинами и мужчины. При этом в России, на постсоветском пространстве, а также в странах Азии, Африки и Латинской Америки, вопросы расширения прав женщин, в частности: участие в выборах, обладание активным и пассивным избирательным правом, право занятия государственных должностей в органах власти и управления всех уровней решались иным путем, так как движения – феминизм (со второй половины XIX века) и суфражизм (с начала XX века), не были развиты по сравнению с демократическими странами [7; 24; 39; 43]. В вышеуказанных странах на гендерную политику, как правило, оказывала влияние правящая партия и политическая воля руководства государства. Кроме того, начиная с середины XX века, активно стали внедряться рекомендации международных организаций [10; 14; 36].

Импульс женским общественно-политическим движениям дали отдельные активистки общественно-политической жизни стран Запада. В 1791 году французская писательница Олимпия де Гуж написала «Декларацию прав женщины и гражданки» (фр. Déclaration des droits de la femme et de la citoyenne) в ответ на «Декларацию прав человека и гражданина». Она является одной из первых исследовательниц, обратившая внимание на патриар-

хальность, в том числе и языка. В 1792 году британская писательница Мэри Уолстонкрафт написала работу «Защита прав женщины с критикой на моральные и политические темы» (анг. A Vindication of the Rights of Woman with Strictures on Moral and Political Subjects). Распространение данных произведений среди общественности стимулировало переосмысление взаимоотношений между женщинами и мужчинами. Представительницы женского пола в Европе и США стали называть себя «гражданками» и организовывали политические акции с целью привлечь внимание со стороны лиц, находящихся на уровне принятия решений о необходимости внесения поправок в законодательные акты и защиту интересов всех членов общества. Первой феминисткой принято считать Эбигейл Адамс (1744-1818) – жена американского лидера. Ее знаменитая фраза: «Мы не станем подчиняться законам, в принятии которых мы не участвовали, и власти, которая не представляет наших интересов».

Несмотря на дискуссии в академическом и научном сообществах, на протяжении многих десятилетий как в России, так и зарубежом, вопрос уничижительного обращения к представителям женского пола не разрешен. Многие слова используются в мужском роде, например, «врач», «повар», «ткач» и др. В английском языке слово «man» переводится как мужчина, человек, а «woman» – женщина. С.В. Савойская констатировала, что «коммуникативная природа языка имеет давние корни, поскольку она находится под влиянием культуры, идеологии, системы социально-политических и национальных ценностей, своеобразного и идеалистического понимания истории, культуры народа» [34, с. 37]. Одной из задач современного феминистского движения стран Запада, наряду с расширением избирательных прав, правом женщин занимать государственные должности и иных, является активная работа по формированию гендерной нейтральности словоупотребления в английском языке. При этом, необходимо учитывать, что «в условиях проницаемости границ и глобальной взаимозависимости, снижается институциональное влияние на механизмы становления гражданской субъектности» [31, с. 88].

В 1869 году женщинам штата Вайоминг (США), впервые в общемировой практике было предоставлено право на участие в выборах, а также право занимать государственные должности. Первой страной, которая ввела равноправие для мужчин и женщин в политической сфере, была Новая Зеландия (1893 г.). В дальнейшем, избирательные права получили женщины в Австралии (1902 г.), Финляндии (1906 г.), Дании (1909 г.), Норвегии (1913 г.). Россия предоставила женщинам право голосовать на выборах в представительные органы власти в 1917 году. Юридически закрепив равноправие между женщинами и мужчинами в первой Конституции России (1918 г.).

В то время, как в ряде демократических стран ограничительные меры на законодательном уровне были ликвидированы значительно позже, в том числе и благодаря деятельности общественно-политических организаций, феминистскому движению, активизацией женщин, имеющих влияние на первых лиц государства, а также политической воли правящего класса. В частности, в Германии (1918 г.), Канаде (1919 г.), США (1920 г.), Швеции (1921 г.), Нидерландах (1922 г.), Англии (1928 г.), Франции (1945 г.), Италии (1945 г.), Греции (1952 г.), Португалии (1974 г.), Испании (1976 г.).

СССР был первым государством, не только провозгласившим равенство мужчин и женщин во всех областях общественной жизни, но и предпринял ряд шагов для достижения этого равенства. Советская власть приняла решение, которое не было закреплено «де-юре», но «де-факто» выполнялось всеми участниками политического управления – «квотирование» для представительниц женского пола в представительных органах власти. Анализ численности женщин-депутатов в Верховном Совете СССР, а также в Верховном Совете союзных и автономных республик, позволяет констатировать увеличение «квот» на численность женщин-депутатов в парламентах союзных и автономных республик. В целом, в Верховном Совете СССР женщин-депутатов было чуть более 30%, в Верховных Советах союзных республик около 35%, а в Верховных Советах автономных республик около 40%. При этом, от одного созыва к последующему созыву парламента, можно заметить незначительный процент увеличения численности женщин-депутатов. В современной России в условиях «отсутствия квот на представительство женщин в органы государственной власти и управления, механизмы их рекрутирования в политическую элиту требуют фундаментальных исследований» [21, с. 70].

При формировании и реализации гендерной политики в России, существенное влияние оказывают международные акты, которые носят рекомендательный характер для государств – членов ООН – «Всеобщая декларация прав человека» (1948 г.), «Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» (1979 г.), Резолюция ГА ООН №70/1 от 25 сентября 2015 года. «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» и др.

В Конвенции впервые на международном уровне дано определение понятия «дискриминация в отношении женщин», которое «означает любое различие, исключение или ограничение по признаку пола, которое направлено на ослабление или сводит на нет признание, пользование или осуществление женщинами, независимо от их семейного положения, на основе равноправия мужчин и женщин, прав человека и основных свобод в полити-

ческой, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой другой области» [22].

Конвенция была ратифицирована Указом Верховного Совета СССР от 19 декабря 1980 года №3565-Ч и вступила в силу 3 сентября 1981 года. Она не повлияла на формирование и развитие феминистского движения в Советском Союзе и современной России, а также на создание благоприятных условий для равноправного участия в общественно-политической жизни. На уровне принятия основополагающих решений в органах государственной власти, СМИ, многообразных институтах гражданского общества, преимущественно находятся представители мужского пола, разделяющие патриархальную культуру и рассматривающие «женский вопрос», как правило, в составе государственной социальной политики [6; 19; 35].

Огромным импульсом в определении дальнейшего вектора реализации гендерной политики на уровне отдельной страны придали всемирные конференции по положению женщин под эгидой ООН – Мехико (1975 г.), Копенгаген (1980 г.), Найроби (1985 г.), Пекин (1995 г.). В Пекине сменился фокус в гендерной политике, а именно перенос внимания с самих женщин на концепцию полов, признав потребность переоценки всей структуры общества и всех отношений между мужчинами и женщинами. Таким образом, защитив права женщин на законодательном уровне, и предоставив им де-факто равные возможности с мужчинами, будет установлено гендерное равенство, от которого получат положительные дивиденды все жители планеты Земля. На государственном уровне, вместо понятия «государственная политика в отношении женщин» стали использовать понятие «политика гендерного равенства», т.е. «гендерная политика».

В Исландии, Норвегии, Финляндии и ряде других стран, деятельность феминисток в политических партиях и общественно-политических движениях по большей части связана с контролем над уже запущенным и налаженным процессом искоренения дискриминации, как на законодательном уровне, так и в культуре [16]. В то время как в Ираке, Иране, Пакистане и других странах Евразии и Африки требуется активизация как со стороны влиятельных политических акторов, так и религиозных деятелей, представителей общественных организаций и общества в целом по формированию эффективной программы, направленной на улучшение положения женщин в обществе с предоставлением им равных прав наряду с мужчинами. В современном мире есть еще страны, где женщины не допускаются до полноценного и всестороннего образования, что изначально существенно препятствует выходу на уровень принятия решений как в политике, так и в экономике, культуре, сфере социального управления и др.

Парадоксальность современного мирового политического процесса заключается в том, что в большинстве стран мира, феминистки наряду с политической волей руководства страны, законодательных и исполнительных властей национального уровня практически добились юридического и отчасти де-факто равноправия, а в некоторых государствах мира женщины, не имеют гарантированных базовых прав.

Произошли изменения на рубеже второго и третьего тысячелетий в Бахрейне, Омане, Катаре. Женщины получили право голосовать за кандидатов в нижнюю палату парламента, а также органы местного самоуправления. В 2005 году парламент Кувейта предоставил женщинам право избирать и быть избранными в представительные органы власти. В 2015 году были даны обещания руководителем страны предоставить избирательные права женщинам в Саудовской Аравии.

В Резолюции ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (2015 г.) были сформулированы амбициозные 17 целей и 169 задач, в том числе «защищать права человека и способствовать обеспечению гендерного равенства» [30].

В 2020 году из-за ограничений, ввиду распространения новой коронавирусной инфекции, не удалось реализовать планы руководства ООН по широкомасштабному подведению двадцатипятилетней практики (Пост-Пекин) реализуемой гендерной политики отдельно взятыми странами и выработки рекомендаций по дальнейшей эффективной ее модернизации.

Гендерная политика на современном этапе развития общества, представляет собой «государственную и общественную деятельность, направленную на установление равенства мужчин и женщин во всех сферах жизнедеятельности» [38, с. 33]. Предметом гендерной политики являются отношения органов государственной власти к членам общества на основе существующего гендерного порядка. И.И. Юкина аргументировала тезис, что сам термин «гендер» среди современных исследователей «понимается как отношение власти между мужчинами и женщинами, организованные при помощи социокультурного предписания и легитимации гендерных ролей» [38, с. 33].

В современном мире глобализация повлияла на политическую культуру граждан. Массовая информатизация, а в дальнейшем цифровизация во всех сферах жизнедеятельности, открытость информации органов власти, институтов гражданского общества и при оперативности распространения информации благодаря сетевизации оказала влияния и на общественно-политические организации, работающие в направлении установления фактического равноправия между женщинами и мужчинами, а также представителей феминистского и суфражистского движений. Они больше внимания стали уделять

осмыслению и вносить предложения по модернизации гендерной политики государств антирасизма (борьба с расовым притеснением), вуманизма (притеснение чернокожих женщин), киберфеминизма (феминизма в контексте киберпространства и взаимодействия с учетом новых технологических возможностей), постколониальной теории (исследование колониализма), постмодернизма (переосмысление и переработка устаревших устоев в обществе), экофеминизма (борьба одновременно за права женщин и за охрану природы), проблематики трансгендерности и т.п.

Проведенный анализ гендерной политики, реализуемой США в третьем десятилетии текущего столетия, под влиянием идей неолиберализма, позволяет выявить наметившуюся тенденцию не только на уровне общественной дискуссии, но и реализации политики трансгендерности в общественно-политической жизни, на уровне государственных, военных, спортивных и иных организаций либо структур [15; 37]. Политика трансгендерности из США была перенесена в страны Западной Европы в первой четверти XXI века. Есть потребность в научном осмыслении данного тренда с учетом интересов правящего класса, политических элит США и стран Западной Европы, политических партий, институтов гражданского общества, а также отношения к трансгендерной политики со стороны граждан данных стран. В России гендерная политика реализуется с учетом Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 года №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

В XXI веке в мире активно функционируют политические партии и общественно-политические организации защищающие права женщин как в сфере политики, так и иных сферах жизнедеятельности – «Graduate Women International», «Global Fund For Women», «National Organization for Women», «UN Women», «The Women's Environment & Development Organization», «Women's International League for Peace and Freedom», «Business and Professional Women’s Foundation» (BPW Foundation)» и др.

В Российской Федерации на партийном поле (сентябрь 2023 г.) нет женских политических партий. Они не получили поддержку большинства электората и просуществовали незначительное время исключительно благодаря деятельности ее лидерам. В то время как в партии «Яблоко» функционирует гендерная фракция с 2006 года, объединяющая примерно 500 членов из 35 субъектов страны. Основная цель гендерной фракции – «содействие в построении современного цивилизованного общества, в котором женщины и мужчины свободны и равны, и строят свои отношения во всех сферах жизни» [11]. Основной задачей объединения является «достижение обеспечения равных возможностей для женщин в социальной сфере, на рынке труда, в области госу-

дарственных гарантий конституционных прав, в области образования и культуры» [11]. Гендерную фракцию возглавляет Г.М. Михалева, которая своим политическим участием на различных общественно-политических форумах стремится донести до органов власти острые вопросы современной повестки дня, требующих своевременных решений и защиты прав женщин.

Ряд парламентских партий Российской Федерации в преддверии нового электорального цикла обсуждают идею формирования гендерной фракции внутри своих организаций, в том числе с целью поддержки избирателями и выход на уровень принятия решений. Руководство партий учитывает современные тренды: «выборы становятся интересными не только для активно пользующихся своим избирательным правом членов общества, но и для третьих лиц, рассматривающих результаты выборов, как потенциальный интерес лоббирования своих интересов» [8, с. 25], «электоральные ориентации молодого поколения избирателей в перспективе увеличат шансы женщин войти в политический класс России, смягчить консервативные тренды российской политики» [20, с. 69], «на региональном уровне незначительный объем ресурсов меньше привлекает мужчин, увеличивая количество женщин в органах исполнительной власти» [20, с. 70]. Кроме того, необходимо учитывать электоральные предпочтения на уровне отдельно взятого субъекта РФ [4; 18; 28] и электоральные технологии, используемые в зарубежных странах [5; 17].

На сентябрь 2023 г., согласно данным портала Министерства юстиции РФ, зарегистрировано 98 некоммерческих женских организаций. В России функционирует общероссийская общественно-государственная организация «Союз женщин России», которая объединяет более 900 тыс. членов региональных структурных подразделений, председателем является Е.Ф. Лахова.

Проведенный анализ документов политических партий, в том числе гендерной фракции партии «Яблоко», а также женских некоммерческих организаций, функционирующих на данном этапе развития страны, показал многообразие сфер деятельности – политика, экономика, культура, религия, образование, социальная сфера в различных субъектах Российской Федерации. При этом нет авторитетных и узнаваемых женских организаций федерального уровня. Включение молодежи в их деятельность привнесло бы энергию, которая могла быть направлена на оперативность нахождения компромиссных решений между интересами женских организаций и властью.

Проведение пенсионной реформы, модернизация экономики в условиях санкционной политики, распространение COVID-19, самоизоляция, переход на дистанционную работу, проведение СВО и другие факторы оказали влияние на социально-психологическое самочувствие россиян.

В современной России есть множество «болевых точек», требующих оперативного решения в предоставлении женщинам возможности в самореализации творческого потенциала, а также защите материнства в условиях замедления роста рождаемости из-за внешних и внутренних вызовов, обусловленных мировой политической турбулентностью. Увеличение численности женщин на федеральном уровне власти, в государственных и муниципальных органах позволит всестороннее рассмотрение и принятие решений с учетом интересов всех участников общественно-политического процесса. В современной России около ста профессий на данный момент запрещены для женщин. Многие из них высокооплачиваемые. Их пересмотр необходим с учетом физиологических различий между женщинами и мужчинами и защитой прав женщин на основе научно обоснованных заключений профессионального сообщества.

Исследование РАН «Гендерный профиль социально-экономических проблем столичного региона» (2019 г.) показало, что средний размер доходов на 11% меньше у женщин по сравнению с мужским полом [13]. Проблема оплаты и за одинаково выполненную работу – это очевидный факт. Мужчины получают больше, следовательно, есть потребность в модернизации гендерной политики компетентными органами власти, с целью выравнивания негативных диспропорций в сфере экономики.

Согласно докладу ООН, Индекс человеческого развития (Human Development Index, HDI) (2022 г.) Россия, относится к странам с высоким уровнем человеческого развития и занимает 52-е место из 191 стран по гендерному неравенству. При этом лидерство разделяют – Норвегия (1 место), Швейцария (2 место) и Ирландия (3 место) [42].

В новом рейтинге Global Gender Gap Report (2023 г.), который ежегодно составляет Всемирный экономический форум, аргументирован прогноз об установление фактического равноправия между женщинами и мужчинами не ранее 2154 года [40]. В докладе отмечается как положительная динамика, так и ухудшения в отдельных регионах мира по причине роста современных кризисов. Заметим, что согласно докладу 2021 года Россия занимала 81 место по гендерному разрыву [41]. Динамику изменений в последующие годы на основе международных критериев оценки не предоставляется возможным, так как в докладах за 2022 и 2023 гг. данные по России не приведены.

В российском обществе не сложилось единого мнения о том, возможно ли равноправие мужчин и женщин – 42% респондентов утверждают, что равенство прав возможно только в отдельных сферах. По мнению 13% равенство прав в целом невозможно [12]. «Мужчины чаще говорят о наличии у женщин равных с ними прав и возможностей (64% vs 58% среди женщин), и о том, что у женщин больше прав и возможностей, чем у мужчин (17% vs. 7%).

Женщины же, напротив, в два раза чаще говорят о том, что у мужчин в этом вопросе больше привилегий (31% vs 15% среди мужчин)» [27]. Еще до открытого противостояния российской и западной цивилизаций парламентские партии наряду с рядом инициативных групп и их лидеров тормозили принятие законопроекта «О государственных гарантиях равных прав и свобод мужчин и женщин и равных возможностей для их реализации» внесенного в российский парламент в начале XXI века, так как это могло нести в себе потенциальные риски традиционным семейным ценностям и др.

Разделяя позицию О.В. Крыштановской, И.А. Лаврова, Н.А. Юшкиной, что «установление нового гендерного баланса пока не стало отчетливым трендом в России» [23, с. 17]. Женщины «в высших стратах российского общества до сих пор играют отчасти декоративную роль» [23, с. 17].

На основе проведенного экспертного опроса (август 2023 г.) среди руководства женских общественных организации и партийного актива парламентских партий на уровне региональных организаций (выборка квотная, 30 экспертов, существенных гендерных различий не установлено) можно выделить проблемное поле, требующее оперативного разрешения с целью выравнивания гендерного дисбаланса в органах государственной власти и управления, а также спрогнозировать дальнейший вектор развития в среднесрочной/долгосрочной перспективах.

Во-первых, разработка органами государственной власти и институтами гражданского общества эффективной системы для равного участия женщин и мужчин в принятии политических решений на всех уровнях власти должна осуществляться на основе профессиональных компетенций.

Во-вторых, расширение участие женщин при обсуждении и принятии законов, нормативно-правовых актов, документов партий будет способствовать установлению реального равноправия и многогранной всесторонней оценки с учетом моделирования возможных потенциальных рисков (информационных, репутационных, экономических и др.).

В-третьих, при подготовке «Лидеров России» (конкурс руководителей нового поколения) и формированию кадрового резерва для органов власти необходимо учитывать, что общество состоит из женщин и мужчин, есть необходимость переосмысления системы подготовки, расширению представительства женщин, что позитивно отразится и на дальнейшем лидерстве женщин в структурах принятия решений и управления, как в органах государственной власти, так и институтах гражданского общества.

Это возможно только при системной работе власти, образовательных организаций, политических партий, женских и иных организаций над повышением политической культуры граждан. В мировоззрении россиян должны

произойти изменения в восприятии гендерной политики, которая учитывает интересы и женщин, и мужчин. Процесс длительный, волнообразный из-за доминирования консерватизма и традиционных ценностей, а также требует консолидации вышеуказанных акторов общественно-политического ландшафта. Повышение политической культуры среди россиян окажет и позитивное влияние на минимизацию феминизации бедности, сокращения разрыва в представительстве женщин и мужчин в федеральных органах государственной власти и многих других.

В некоторых политических партиях, возможно, будут организованы гендерные фракции по аналогии с функционирующей в партии «Яблоко». Политической активности среди женщин, а также формирование женских политических партий, которые смогли бы сохраниться на российском партийном ландшафте, не предвидится в среднесрочной и долгосрочной перспективах. Большинство женских организацией ограничены в ресурсах и вынуждены обеспечивать интересы правящего политического класса.

В выступлениях Президента РФ с 2014 года в СМИ по частоте употребления доминируют понятия «традиционные ценности», «патриотизм» по отношению к «расширению участия женщин». Объективная действительность такова, что глава государства следует международным рекомендациям и призывает к расширению участия женщин в процессе принятия решений. Однако, на современном этапе развития российской государственности, как правило, ограниченный круг женщин имеет возможность высказывать и аргументировать свою позицию по дальнейшему вектору общественно-политического развития.

Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2022 №4356-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023-2030 годы» определяет основные направления работы. Однако, в условиях цивилизационного разрыва между ценностями стран Запада и традиционными российскими ценностями формирование гендерного равноправия в Российской Федерации в среднесрочной перспективе маловероятно.

Гендерная политика реализуется в стране в соответствие с федеральными законами и нормативно-правовыми актами. В целом государственную гендерную политику можно определить как патерналистскую. Государство является основным актором в определении гендерной политики в современной России. При этом власть учитывает импульсы от женских общественно-политических организаций, политических партий, Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, Координационного совета по реализации Национальной стратегии действий в интересах женщин при Правительстве Российской Федерации. Органы государственной власти всех уровней при принятии решений в области формиро-

вания и реализации гендерной политики исходят из традиций многонационального народа страны, а их действия при принятии решений согласуются со сложившимися традиционными установками патриархального гендерного порядка. Представители власти при реализации гендерной политики и принятии новых законов, нормативно-правовых актов учитывают тот факт, что равноправие между женщинами и мужчинами закреплено на законодательном уроне и гарантировано Конституцией Российской Федерации. При этом в странах Западной Европы и США благодаря доминированию неолиберальной идеологии среди лиц, находящихся на уровне принятия решений на гендерную политику, реализуемую в стране, оказывают существенное влияние многообразные институты гражданского общества.

Литература

1. Айвазова С.Г. Гендер: Граница и/или измерение политического поля. Перечитывая классиков // Политическая наука. 2018. №2. С. 34-52.

2. Айвазова С.Г. Гендерный дискурс в поле консервативной политики // Женщина в российском обществе. 2017. №4(85). С. 3-13.

3. Айвазова С.Г. Гендерный ракурс массовой политики // Женщина в российском обществе. 2016. №1(78). С. 24-34.

4. Арутюнов А.Г., Козлова Н.Н., Солнышков В.С. Особенности избирательных кампаний муниципального уровня в столицах Тверской, Белгородской и Костромской областей // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Т. 7. №4(28). С. 350-357.

5. Арутюнов А.Г., Сковиков А.К. Политическое участие женщин на региональных выборах в Европе // PolitBook. 2022. №2. С. 89-100.

6. Барановский М.В. Гендерный разрыв и доверие: объективные и субъективные показатели социологического анализа // Женщина в российском обществе. 2022. №2. С. 74-86.

7. Беликова М.В., Латинов Г.И. Современная гендерная политика в России и Китае // Народонаселение. 2021. Т. 24. №3. С. 151-161.

8. Бурда М.А., Иванова М.М. Коррупционные риски использования административного ресурса в избирательном процессе: политико-правовой аспект // PolitBook. 2021. №3. С. 18-29.

9. Великая Н.М., Березкина Е.Ю. Особенности женского представительства в законодательных и исполнительных органах власти в Европе: левые против популистов // Гендерное равенство XXI века: глобальные вызовы и локальные ответы. Москва: Изд-во «Ключ-С», 2023. С. 108-119.

10. Воронина О.А. Пост-Пекин: российская гендерная политика в международном контексте // Женщина в российском обществе. 2020. №3. С. 3-15.

11. Гендерная фракция – сведения. URL: https://www.yabloko.ru/content/zhenskaya_fraktsiya_svedeniya?ysclid=lmxseziqp5822140400 (дата обращения 10.08.2023).

12. Гендерное равенство в России: идеал или ложная цель? URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gendernoe-ravenstvo-v-rossii-ideal-ili-lozhnaya-czel- (дата обращения 01.08.2023).

13. Гендерный профиль социально-экономических проблем столичного региона / Под ред. д.э.н. М.Э. Баскаковой, д.э.н. И.В. Соболевой. Москва: ООО «Принт», 2019. 290 с.

14. Головинов А.В., Головинова Ю.В. Правовая политика ООН по достижению равенства полов в 2000-х годах // Гражданин и право. 2022. №12. С. 85-89.

15. Гришин О.Е., Гарсон В.М.А., Рахаримбулулунирина С. Гендерная политика в современном мире. Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2021. 96 с.

16. Гужина А.А., Шумилов А.В., Шумилова О.В. Политическое лидерство женщин в странах Северной Европы // PolitBook. 2022. №3. С. 99-128.

17. Гуселетов Б.П. Парламентские выборы в Эстонии: победа либералов и поражение консерваторов // PolitBook. 2023. №3. С. 180-194.

18. Донай Л., Щеглов М.Ю. Дискурсивный имидж современной губернаторской власти Санкт-Петербурга // PolitBook. 2021. №1. С. 81-104.

19. Кельчина Н.В. Гендерная политика в целях развития человеческого капитала // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Т. 8. №1А. С. 143-150.

20. Козлова Н.Н., Монахова Ю.А. Гендерные аспекты электоральных ориентаций и образ политика в сознании россиян: региональный аспект // PolitBook. 2022. №4. С. 57-73.

21. Козлова Н.Н., Рассадин С.В. Представленность женщин в органах государственной власти РФ: опыт статистического анализа // PolitBook. 2022. №3. С. 49-75.

22. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ cedaw.shtml (дата обращения 03.08.2023).

23. Крыштановская О.В., Лавров И.А., Юшкина Н.А. Женщины-ректоры и «стеклянный потолок» // Женщина в российском обществе. 2023. №1. С. 4-19.

24. Кукина У.А. К вопросу о специфике деятельности еврейских женских организаций в современной России // PolitBook. 2022. №3. С. 76-98.

25. Манкошева Ж.К. Анализ гендерной политики в современном мире // Вестник СКУ им. М. Козыбаева. 2023. №1(57). С. 64-68.

26. Михалева Г.М. Гендерное равенство как цель устойчивого развития и ее реализация в России // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2022. №1-3. С. 363-371.

27. Мужчина и женщина: мониторинг. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/muzhchina-i-zhenshchina-monitoring (дата обращения 07.08.2023).

28. Нестерчук О.А., Арутюнов А.Г., Тюленева А.М. Региональные избирательные кампании в контексте обеспечения политической стабильности и актуальных практик субъектов РФ // PolitBook. 2021. №1. С. 62-80.

29. Овчарова О.Г., Рябова Т.Б. Гендерные политические исследования // Тенденции и проблемы развития российской политической науки в мировом контексте: традиция, рецепция и новация. Москва: Издательство «Политическая энциклопедия», 2017. С. 239-255.

30. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. URL: https://unctad.org/system/files/ official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения 01.07.2023).

31. Пустошинская О.С. Множественная гражданственность как производная постсовременности // PolitBook. 2023. №1. С. 87-106.

32. Рябова Т.Б., Рябов О.В. Гендерный образ Европы как фактор массовой мобилизации // Политическая наука. 2014. №4. С. 214-229.

33. Рябова Т.Б., Овчарова О.Г. Гендерная политология в России: достижения, проблемы и перспективы // Женщина в российском обществе. 2016. №1(78). С. 3-23.

34. Савойская С.В. Эволюция научного осознания коммуникативной природы языковой политики // PolitBook. 2017. №2. С. 35-46.

35. Ушакова В.Г., Савин С.Д. Женщины в современной Российской политике и государственном управлении // Женщина в российском обществе. 2023. №1. С. 20-31.

36. Шведова Н.А. Цели устойчивого развития: акцент на женском населении планеты // Женщина в российском обществе. 2023. №2. С. 3-13.

37. Шведова Н.А. Политика администрации Д. Трампа в области здравоохранения и гендер // Россия и Америка в XXI веке. 2019. №2. С. 4.

38. Юкина И.И. Двуликий Янус гендерной политики в России // Женщина в российском обществе. 2011. №3(60). С. 30-38.

39. Chubarova T., Grigorieva N. International knowledge transfer and Russian social policy: The case of gender mainstreaming // Global Social Policy. 2021. Vol. 21. №1. P. 96-116.

40. Global Gender Gap Report 2023. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2023.pdf (дата обращения 22.08.2023).

41. Global Gender Gap Report 2021. URL: https://www.developmentaid.org/api/frontend/cms/file/2021/04/WEF_GGGR_2021-1.pdf (дата обращения 22.08.2023).

42. Human Development Index, HDI 2022. URL: https://worldpopulace.com/human-development-index-hdi-by-country/ (дата обращения 20.07.2023).

43. Klumbys V. Equality just over the horizon: Soviet gender equality in law and policy // Lithuanian Historical Studies. 2020. Vol. 24. №1. P. 148-181.

References

1. Aivazova S.G. Gender: Granitsa i/ili izmerenie politicheskogo polya. Perechityvaya klassikov. Politicheskaya nauka. 2018. №2. S. 34-52.

2. Aivazova S.G. Gendernyi diskurs v pole konservativnoi politiki. Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2017. №4(85). S. 3-13.

3. Aivazova S.G. Gendernyi rakurs massovoi politiki. Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2016. №1(78). S. 24-34.

4. Arutyunov A.G., Kozlova N.N., Solnyshkov V.S. Osobennosti izbiratel'nykh kampanii munitsipal'nogo urovnya v stolitsakh Tverskoi, Belgorodskoi i Kostromskoi oblastei. Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya. 2021. T. 7, №4(28). S. 350-357.

5. Arutyunov A.G., Skovikov A.K. Politicheskoe uchastie zhenshchin na regional'nykh vyborakh v Evrope. PolitBook. 2022. №2. S. 89-100.

6. Baranovskii M.V. Gendernyi razryv i doverie: ob"ektivnye i sub"ektivnye pokazateli sotsiologicheskogo analiza. Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2022. №2. S. 74-86.

7. Belikova M.V., Latinov G.I. Sovremennaya gendernaya politika v Rossii i Kitae. Narodonaselenie. 2021. T. 24. №3. S. 151-161.

8. Burda M.A., Ivanova M.M. Korruptsionnye riski ispol'zovaniya administrativnogo resursa v izbiratel'nom protsesse: politiko-pravovoi aspekt. PolitBook. 2021. №3. S. 18-29.

9. Velikaya N.M., Berezkina E.Yu. Osobennosti zhenskogo predstavitel'stva v zakonodatel'nykh i ispolnitel'nykh organakh vlasti v Evrope: levye protiv populistov. Gendernoe ravenstvo XXI veka: global'nye vyzovy i lokal'nye otvety. Moskva: Izd-vo «Klyuch-S», 2023. S. 108-119.

10. Voronina O.A. Post-Pekin: rossiiskaya gendernaya politika v mezhdunarodnom kontekste. Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2020. №3. S. 3-15.

11. Gendernaya fraktsiya – svedeniya. URL: https://clck.ru/36Qxi2 (data obrashcheniya 10.08.2023).

12. Gendernoe ravenstvo v Rossii: ideal ili lozhnaya tsel'? URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gendernoe-ravenstvo-v-rossii-ideal-ili-lozhnaya-czel- (data obrashcheniya 01.08.2023).

13. Gendernyi profil' sotsial'no-ekonomicheskikh problem stolichnogo regiona / Pod red. d.e.n. M.E. Baskakovoi, d.e.n. I.V. Sobolevoi. Moskva: OOO «Print», 2019. 290 s.

14. Golovinov A.V., Golovinova Yu.V. Pravovaya politika OON po dostizheniyu ravenstva polov v 2000-kh godakh. Grazhdanin i pravo. 2022. №12. S. 85-89.

15. Grishin O.E., Garson V.M.A., Rakharimbululunirina S. Gendernaya politika v sovremennom mire. Moskva: Rossiiskii universitet druzhby narodov (RUDN), 2021. 96 s.

16. Guzhina A.A., Shumilov A.V., Shumilova O.V. Politicheskoe liderstvo zhenshchin v stranakh Severnoi Evropy. PolitBook. 2022. №3. S. 99-128.

17. Guseletov B.P. Parlamentskie vybory v Estonii: pobeda liberalov i porazhenie konservatorov. PolitBook. 2023. №3. S. 180-194.

18. Donai L., Shcheglov M.Yu. Diskursivnyi imidzh sovremennoi gubernatorskoi vlasti Sankt-Peterburga. PolitBook. 2021. №1. S. 81-104.

19. Kel'china N.V. Gendernaya politika v tselyakh razvitiya chelovecheskogo kapitala. Teorii i problemy politicheskikh issledovanii. 2019. T. 8. №1A. S. 143-150.

20. Kozlova N.N., Monakhova Yu.A. Gendernye aspekty elektoral'nykh orientatsii i obraz politika v soznanii rossiyan: regional'nyi aspekt. PolitBook. 2022. №4. S. 57-73.

21. Kozlova N.N., Rassadin S.V. Predstavlennost' zhenshchin v organakh gosudarstvennoi vlasti RF: opyt statisticheskogo analiza. PolitBook. 2022. №3. S. 49-75.

22. Konventsiya o likvidatsii vsekh form diskriminatsii v otnoshenii zhenshchin. URL: https://clck.ru/36QxhC (data obra-shcheniya 03.08.2023).

23. Kryshtanovskaya O.V., Lavrov I.A., Yushkina N.A. Zhenshchiny-rektory i «steklyannyi potolok». Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2023. №1. S. 4-19.

24. Kukina U.A. K voprosu o spetsifike deyatel'nosti evreiskikh zhenskikh organizatsii v sovremennoi Rossii. PolitBook. 2022. №3. S. 76-98.

25. Mankosheva Zh.K. Analiz gendernoi politiki v sovremennom mire. Vestnik SKU im. M. Kozybaeva. 2023. №1(57). S. 64-68.

26. Mikhaleva G.M. Gendernoe ravenstvo kak tsel' ustoichivogo razvitiya i ee realizatsiya v Rossii. Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie. 2022. №1-3. S. 363-371.

27. Muzhchina i zhenshchina: monitoring. URL: https://clck.ru/36QxgL (data obrashcheniya 07.08.2023).

28. Nesterchuk O.A., Arutyunov A.G., Tyuleneva A.M. Regional'nye izbiratel'nye kampanii v kontekste obespecheniya politicheskoi stabil'nosti i aktual'nykh praktik sub"ektov RF. PolitBook. 2021. №1. S. 62-80.

29. Ovcharova O.G., Ryabova T.B. Gendernye politicheskie issledovaniya. Tendentsii i problemy razvitiya rossiiskoi politicheskoi nauki v mirovom kontekste: traditsiya, retseptsiya i novatsiya. Moskva: Izdatel'stvo «Politicheskaya entsiklopediya», 2017. S. 239-255.

30. Preobrazovanie nashego mira: Povestka dnya v oblasti ustoichivogo razvitiya na period do 2030 goda. URL: https://clck.ru/36QxfT (data obrashcheniya 01.07.2023).

31. Pustoshinskaya O.S. Mnozhestvennaya grazhdanstvennost' kak proizvodnaya postsovremennosti. PolitBook. 2023. №1. S. 87-106.

32. Ryabova T.B., Ryabov O.V. Gendernyi obraz Evropy kak faktor massovoi mobilizatsii. Politicheskaya nauka. 2014. №4. S. 214-229.

33. Ryabova T.B., Ovcharova O.G. Gendernaya politologiya v Rossii: dostizheniya, problemy i perspektivy. Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2016. №1(78). S. 3-23.

34. Savoiskaya S.V. Evolyutsiya nauchnogo osoznaniya kommunikativnoi prirody yazykovoi politiki. PolitBook. 2017. №2. S. 35-46.

35. Ushakova V.G., Savin S.D. Zhenshchiny v sovremennoi Rossiiskoi politike i gosudarstvennom upravlenii. Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2023. №1. S. 20-31.

36. Shvedova N.A. Tseli ustoichivogo razvitiya: aktsent na zhenskom naselenii planety. Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2023. №2. S. 3-13.

37. Shvedova N.A. Politika administratsii D. Trampa v oblasti zdravookhraneniya i gender. Rossiya i Amerika v XXI veke. 2019. №2. S. 4.

38. Yukina I.I. Dvulikii Yanus gendernoi politiki v Rossii. Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2011. №3(60). S. 30-38.

39. Chubarova T., Grigorieva N. International knowledge transfer and Russian social policy: The case of gender mainstreaming. Global Social Policy. 2021. Vol. 21. №1. P. 96-116.

40. Global Gender Gap Report 2023. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2023.pdf (data obrashcheniya 22.08.2023).

41. Global Gender Gap Report 2021. URL: https://clck.ru/36QxeV (data obrashcheniya 22.08.2023).

42. Human Development Index, HDI 2022. URL: https://worldpopulace.com/human-development-index-hdi-by-country/ (data obrashcheniya 20.07.2023).

43. Klumbys V. Equality just over the horizon: Soviet gender equality in law and policy. Lithuanian Historical Studies. 2020. Vol. 24. №1. P. 148-181.

СТАТЬИ

А.Н. Чумиков

КОММУНИКАЦИИ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАН В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ КАК ФАКТОРЫ УПРАВЛЕНИЯ ВОСПРИЯТИЕМ АКТУАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА

Аннотация

Целью статьи является осмысление сути и характера последующих виртуальных операций с политическим контекстом, который понимается как создаваемые государством материализованные и виртуальные слагаемые прошлой, настоящей и будущей политической действительности. Под операциями имеются в виду информационно-коммуникационные взаимодействия государства и граждан, выполняющие задачи формирования у них актуального восприятия этой действительности.

Рассматривается роль фактов, смыслов, прямой и обратной связи власти и населения в оценке социальной эффективности политического управления.

В качестве факторов, формирующих восприятие граждан в условиях цифровой среды, анализируются функциональные электронные услуги государства, а также организованные с помощью государственных медиаресурсов содержательные сообщения (послания) для целевых аудиторий. Применительно к услугам анализируются их развитие и отношение потребителей к электронным сервисам, реализуемым в рамках программы E-democracy и концепции Customer Life Events. Послания представляют собой контентные информационные блоки, призванные формировать мировоззренческие установки граждан как основу понимания политического контек-

A. Chumikov

COMMUNICATIONS OF THE STATE AND CITIZENS IN THE DIGITAL ENVIRONMENT AS FACTORS OF PERCEPTION MANAGEMENT OF THE CURRENT POLITICAL CONTEXT

Abstract

The purpose of the article is to comprehend the essence and nature of subsequent virtual operations with a political context, which is understood as materialized and virtual components of the past, present and future political reality created by the state. By operations, we mean information and communication interactions between the state and citizens that perform the tasks of forming their actual perception of this reality.

The role of facts, meanings, direct and feedback between the authorities and the population in assessing the social effectiveness of political governance is considered.

Functional electronic services of the state, as well as meaningful messages organized with the help of state media resources for target audiences are analyzed as factors shaping the perception of citizens in a digital environment. In relation to services, their development and the attitude of consumers to electronic services implemented within the framework of the E-democracy program and the Customer Life Events concept are analyzed. Messages are content information blocks designed to form the ideological attitudes of citizens as a basis for understanding the political context and optimize the perception of its problematic aspects.

The mechanisms of constructing current

ста и оптимизировать восприятие его проблемных аспектов.
Раскрываются механизмы конструирования актуальных представлений об истории и применения антикризисных коммуникаций; приводятся примеры коммуникационных кампаний, создающих глобальные мировоззренческие позиции и нейтрализующих негативное отношение граждан к текущим кризисным явлениям.
В качестве выводов предложены фундаментальные основания и необходимые ситуационные коррективы для научных исследований состояния и прикладного использования методов регулирования политического контекста в информационно-коммуникационном онлайн пространстве.

Ключевые слова:
G2C2G коммуникации, E-democracy, медиатизация, смысловые интерпретации, синхронизация смыслов, коммеморация, антикризисные коммуникации.

ideas about the history and anti-crisis communications are revealed; examples of communication campaigns that create global ideological positions and neutralize the negative attitude of citizens to the current crisis phenomena are given.
As conclusions, the foundations and necessary situational adjustments for scientific research of the state and applied use of methods of regulating the political context in the information and communication online space are proposed.

Key words:
G2C2G communications, E-democracy, mediatization, semantic interpretations, synchronization of meanings, commemoration, anti-crisis communications.

https://doi.org/10.24412/2227-1538-2023-4-136-158

Будучи важнейшим способом организации общества, государство выступает его официальным представителем и формой публичной власти. Государство есть продукт и регулятор взаимодействия людей, включенных в многообразные отношения. Их принято разделять на политические, экономические, социальные, а при дальнейшей классификации – на множество сопряжённых отношений: этнических, религиозных, сословных и др. Однако все они, при взаимодействии с государством, становятся в широком смысле отношениями политическими, поскольку сам термин «политика» всегда увязывается с понятиями «государство» и «государственная деятельность». В более узком значении политика определяется как отношения, направленные на получение, удержание и использование власти. Но в обоих случаях любая публичная деятельность граждан невозможна или затруднительна без помощи и лояльности со стороны государства, и наоборот: государство не может эффективно функционировать без поддержки граждан, а тем более в условиях противостояния с ними.

Отсюда работа органов власти направляется на формирование и последующее регулирование приемлемого социального самочувствия граждан в актуальном для государства направлении. Состояние данного самочувствия зависит, с одной стороны, от самого политического контекста, под которым мы понимаем создаваемые государством материализованные и вирту-

альные слагаемые политической действительности, а с другой – от восприятия гражданами этой действительности.

Управление восприятием обеспечивается за счёт информационно-коммуникационных действий, играющих роль самостоятельного нематериального фактора, способного мотивировать граждан на требуемые государством поступки, равно как и встречную реакцию со стороны государства. В глобальном аспекте в сферу государственных коммуникаций включаются такие направления, как:

– государство – граждане – государство (G2C2G) – Government-to-Citizens-to-Government) – между органами государственной и муниципальной власти и гражданами;

– государство – бизнес – государство (G2B2G) – Government-to-Business-to- Government) – между властью и бизнес-сообществом;

– государство – государство – государство (G2G2G) – Government-to-Government-to-Government) – между государственными ведомствами и разными государствами.

Ограничивая сферу нашего исследования и отмечая значимость механизма обратной связи в каждом направлении, мы в настоящей статье будем рассматривать первую модель – G2C2G. При этом, затрагивая глобальные аспекты формирования у целевых групп актуального восприятия политического контекста, сделаем акцент на реалиях, связанных с интернетизацией (цифровизацией) информационного пространства.

Субъективные представления о реальности в оценке социальной эффективности политического управления

Затрагивая чрезвычайно важную и разрабатываемую на протяжении многих столетий проблему соотношения так называемой «подлинной реальности» и субъективных представлений о ней, обратимся к творческому наследию У. Липпмана, в частности, к его написанной в 1921 году книге «Общественное мнение» [6].

Вести об изменениях мы принимаем за подлинную картину мира, – пишет автор, – и относимся к ним так, как будто они и есть реальная жизнь. Однако поведением людей управляют фикции и символы. Причём, под фикциями чаще всего имеется в виду не ложь, а представления о среде, созданные самим человеком. Область фикций простирается от абсолютно бредовых видений до вполне осознанного использования учёными схематических моделей или округленных результатов вычислений.

Эмоциональной реакцией на событие, в котором человек сам не участвует, является создание смыслового образа этого события. И пока мы не

узнаем, что именно представляется другим людям, будут возникать затруднения с правильным пониманием их реакций.

Окружающая среда в целом – слишком сложное и изменяющееся образование, чтобы можно было познавать её напрямую. Отсюда между человеком и средой располагается некая псевдосреда, а поведение индивида является реакцией именно на неё. Псевдосреда есть гибрид, образованный путем сочетания «человеческой природы» и «условий». У. Липпман утверждает, что аналитик общественного мнения должен признать существование взаимосвязи между сценой действия, восприятием в сознании людей самой сцены, а также происходящих на ней действий [6, с. 28-46].

Фикции и символы формируют стереотип – принятый в исторической общности образец восприятия, фильтрации, интерпретации информации при распознавании окружающего мира; основанный на предшествующем социальном опыте. Стереотипы способствуют получению упорядоченной и относительно непротиворечивой картины окружающего контекста. Стереотипы – это картина возможного мира, к которому мы приспособились и где люди и предметы занимают предназначенные им места и действуют ожидаемым образом.

Любое изменение стереотипов воспринимается как атака на воображаемую действительность, поскольку индивиду сложно допустить присутствие каких-то различий между его собственным миром и миром вообще. Если происходящее изменение совпадает с тем, что человек ожидал увидеть, стереотип получает дополнительное подкрепление на будущее. Если же ситуация вступает в противоречие со стереотипом, возможен двоякий исход:

– индивид игнорирует противоречие и считает его исключением, подтверждающим правило;

– новшество интегрируется в ранее существовавшую картину мира и изменяет её [6, с. 108-112].

Применительно к нашему исследованию, выводы У. Липпмана означают следующее. Если у человека сложилось в принципе позитивное отношение к деятельности органов власти в определённой сфере, то новое единичное достижение или промах ответственных людей и структур вряд ли серьёзно пошатнут первоначально благоприятное впечатление. Но тот же эффект будет получен и при базовом негативном представлении – оно останется незыблемым или даже усилится.

Здесь мы выходим на ещё одну важнейшую проблему – о соотношении в нашем восприятии фактов и их оценок в виде смысловых интерпретаций. Не вызывает сомнения, что факты влияют на наше мироощущение. Но У. Липпман констатировал, что доступные факты фильтруются в сознании индивида стереотипами как способами самозащиты и выборочного исследо-

вания. Наблюдая последовательность событий через призму стереотипа, мы с готовностью принимаем сходство или параллелизм за причину или следствие. Один факт связывается с любым другим посредством объединения каким-то чувством [6, с. 159-160]. Другими словами, непосредственное или полученное в виде информации о нём столкновение индивида с фактом неизбежно преобразуется в его сознании в смысловую трактовку.

Перенесёмся в современность и проследим динамику совокупного воздействия фактов и смыслов на восприятие граждан. Наша гипотеза заключается в том, что в условиях интернетизации (цифровизации) окружающей среды влияние «реальных» фактов ещё в больше степени уменьшилось, а влияние виртуальных смыслов увеличилось. За последние тридцать лет медийный сегмент информационного поля претерпел такие количественно-качественные изменения, которые превосходят несколько прошедших столетий. Эти изменения столь глобальны, что привели к возникновению термина медиатизация общественной жизни. В синтезированном виде данное понятие определяется как процесс создания виртуальной политики и экономики с помощью традиционных и особенно новых средств массовой информации (СМИ); преобразования социально-политической и социально-экономической сфер при их переплетении с медийным полем и последующей публичной презентацией актуальных смыслов. Медиатизация означает глобальное вхождение медиа в среду повседневной и неизбежной коммуникации, когда непосредственные акторы групп интересов, включая представителей государственной власти, не могут реализовывать свою коммуникационную функцию напрямую – она переходит к медиа.

Приоритетные задачи управления восприятием граждан всё более сводятся к реализации одной из трёх коммуникационных позиций, или всех трёх одновременно, а именно:

– поддержание (усиление) приемлемой установки (стереотипа), уже присутствующей в общественном сознании;

– изменение (снижение влияния, замена) неприемлемой установки (стереотипа), имеющейся в обществе;

– создание и внедрение новой установки (стереотипа).

Чем в большей степени будут реализованы такого рода задачи, тем увереннее можно говорить о приемлемом восприятии гражданами приоритетного политического контекста. А. Тюриков называет данный эффект социальной эффективностью политического управления. Анализируя практику социологических опросов об удовлетворенности населения деятельностью региональных органов власти, автор подчеркивает: именно «полезность», «ценность» экономической, производственной, технической, экологической

и других активностей с точки зрения их потребителей следует считать приоритетной. Социальный эффект должен выражаться в позитивной оценке работы власти по удовлетворению потребностей населения [12, с. 197-198].

А. Якунин констатирует, что в существовавшей в 2010-е гг. российской методике оценки эффективности властных структур принимались во внимание главным образом институциональные и организационные показатели. Так, например, в здравоохранении измерялось не качество здоровья, а процессы реформ: доля учреждений, переведённых на новую отраслевую систему оплаты труда, повышение доступности и обеспеченность современным оборудованием и лекарствами и т.д. Большее значение для отчётов в области образования представлял не уровень грамотности, а укомплектованность классов в школах. Но эти показатели не являются оценками социальной эффективности управления, главным мерилом которого должна быть оценка качества жизни как системообразующего свойства жизнедеятельности человека в основных сферах [24, с. 8].

Признавая остроту поставленной названными авторами проблемы, заметим, что она осознаётся органами власти, находится в стадии динамической реализации и, более того, имеет развернутое правовое обеспечение. Так, Указом Президента РФ от 28 апреля 2008 года №607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» в перечень показателей для оценки эффективности включены результаты независимой оценки услуг в сферах культуры, охраны здоровья, образования, социального обслуживания [13].

Указ Президента РФ от 21 августа 2012 года №1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» предусматривал оценку населением деятельности органов исполнительной власти субъекта РФ в целом [15]. Наконец, Указ Президента РФ от 25 апреля 2019 года №193 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов РФ и деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ» определил и персональную ответственность.

При разной степени несовершенства механизмов оценки всё же понятно: само существование конкретных властных органов и, в первую очередь, чиновников, занимающих руководящие посты, зависит от мнений граждан. А если так, то, помимо регулярно декларируемых представителями власти «конкретных дел», важна коммуникация, направленная на получение совокупной удовлетворённости граждан работой власти – как объективированными статистическими показателями, так и в виде гаммы субъективных ощущений.

В основе такой удовлетворённости или, напротив, отторжения лежат принимаемые органами власти решения, или нормативные институциональные акты, регулирующие поведение граждан. Эти акты должны быть легитимными, то есть признанными и одобренными большей частью общества. Только в этом случае можно говорить о создании политического контекста в соответствии с интересами общества. В конечном счёте совокупность актуального институционального механизма и его легитимности определяется как доверие к власти, получаемое с помощью учёта сигналов, поступающих от управляющих к управляемым и наоборот.

G2C2G взаимодействие, формирующее политический контекст и обеспечивающее актуальный уровень институциональности и легитимности (доверия), являются ведущим механизмом для завоевания и удержания власти, выполнения законов с минимальным использованием принудительных санкций, а также реализации непопулярных решений без существенного всплеска гражданского недовольства.

Влияние электронных сервисов на позитивное восприятие политического контекста

В условиях цифровизации общества существенную роль в восприятии актуального политического контекста стали играть электронные сервисы. Уникальность данной ситуации заключается в том, что эти сервисы представляют собой виртуальную коммуникационную услугу, практически не подлежащую, при их повседневном использовании, возможным смысловым интерпретациям. То есть удовлетворённость и вытекающее из него доверие граждан обеспечивается здесь исключительно за счёт развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Напомним, что процесс использования электронных сервисов получил название электронной демократии (e-democracy), или электронного правительства. В соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2010 года №210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [17], эти сервисы содержат информации на портале соответствующего органа власти о самом органе, его услугах по взаимодействию с гражданами и механизмах проведения транзакций.

Реализация государственной услуги – это коммуникационная деятельность органа власти в ответ на обращение гражданина, результатом которой является возникновение (изменение, прекращение) правоотношения, либо создание документа. Эта деятельность организована на основе концепции Customer Life Events (от англ. «события жизни гражданина»), когда предложение услуг строится от потребностей граждан, а не от исторически сло-

жившейся структуры госорганов. G2CG коммуникации в рамках данной конструкции предполагают просвещение граждан об этих услугах, их онлайн продвижение в целях максимального охвата населения, а затем качественное исполнение услуг в режиме диалога с гражданами.

Помимо предоставления государственных услуг в задачу модели электронного правительства (G2C) входит реализация различных форм общественного участия (C2G) в работе органов власти. Примером здесь может служить созданная в Москве электронная система городских решений «ВМЕСТЕ» – три интерактивных проекта (портала), ориентированных на получение Правительством Москвы «обратной связи» от населения города:

– «Краудсорсинг-проекты» /ПРЕДЛАГАТЬ/ (https://crowd.mos.ru/) – жители могут предлагать, комментировать, обсуждать идеи на заданную тему;

– «Активный гражданин» /ВЫБИРАТЬ/ (http://ag.mos.ru) – площадка для участия в общественных обсуждениях и проведении голосований в электронной форме по вопросам благоустройства территорий, транспортной инфраструктуры, организаций здравоохранения и образования в городе;

– «Москва – наш город» /КОНТРОЛИРОВАТЬ/ (http://gorod.mos.ru) – население помогает органам исполнительной власти города своевременно устранять возникшие сбои, сообщая о проблемах в области инфраструктуры, проезжей части, транспортных узлов, освещения, уборки и благоустройства территорий.

Эти проекты возникли как часть новой философии управления городом, при которой власть и горожане совместно управляют Москвой. Каждый проект является самостоятельным, но неотъемлемым звеном системы городских решений и предлагает разные инструменты для достижения общей цели: предоставить возможность москвичам влиять на развитие столицы.

Модуль «Госуслуги-онлайн» в целом постепенно становится новым и масштабным информационно-рекламным и мобилизующим каналом, способным формировать установку на принципиальную поддержку решений властных органов. Как же оцениваются потребителями сами государственные электронные сервисы, являющиеся частью политического контекста?

Всероссийский опрос, проведённый Государственным университетом управления в 2019 году в 49 субъектах РФ, показал, что несомненным результатом цифровизации системы государственного управления стало повышение гражданской вовлеченности в процессы управления. Респонденты выделили такие эффекты цифровизации, как улучшение доступности и качества государственных и муниципальных услуг; сокращение временных и финансовых затрат в процессе взаимодействия с органами государственного и муниципального управления; обеспечение защиты законных прав и интересов граждан [5].

В 2021 году Университет ИТМО провёл онлайн-опрос жителей Санкт-Петербурга по репрезентативной выборке с целью выявления параметров информированности граждан об электронных сервисах, оценки их актуальности, приоритетности, удобства и полезности. 77% опрошенных дали позитивную оценку при использовании сервисов хотя бы по одному из включённых в исследование параметров и лишь 5% посчитало, что сервисы не помогают при взаимодействии с властью.

Отмечая проблемы в текущем состоянии системы электронных государственных сервисов, авторы исследований подчёркивают, что их развитие способно повысить уровень доверия населения к государственным институтам и, в конечном счете, оказать позитивное влияние на экономическое развитие региона [25].

Синхронизация смыслов VS плюрализма фактов в медиапространстве политического контекста

В то же время ведущее место в формировании и восприятии актуального политического контекста занимают не услуги-функции, а форма, объём и содержание (контент) сообщений (посланий), транслируемых в общественное пространство органами власти и другими субъектами информационно-коммуникационного воздействия.

За счёт каких главных факторов может быть реализована задача создания и распространения требуемых посланий? В количественном выражении она выполняется посредством организации масштабного пула конвергентных информационных ресурсов. В качественном плане задача решается, как и во все времена, посредством формирования привлекательного контента. Но с развитием интернет-коммуникаций и появлением новых медиа гуманитарные технологии производства контента существенно изменились. Так, издавна существовали две условные модели новостного производства. Первую из них называют make story (повествовательное изложение фактов), вторую – make sense (интерпретация фактов, конструирование смыслов). Модель make story длительное время считалась более этичной и приоритетной, поскольку предусматривала лишь отбор самых важных событий и представление их аудитории, оставляя за ней право определения смысла.

Модель make sense ориентируется на то, что смысл излагается внутри содержания новости в качестве его отдельного элемента. При этом недостающие фрагменты, или даже вся информация, могут заменяться смысловой интерпретацией, «подсказками» на основе ранее известных сведений. Целью такого рода операций является включение индивида в процесс реали-

зации запрограммированных целей, в нашем случае – для актуального восприятия параметров политического контекста.

В рамках смысловой модели аудитория информируется об изменении окружающей её политической реальности с точки зрения сохранения (инсталлирования, разрушения) актуальных установок; осуществляется идентификация потребителей с этими установками, конструирование для них единой реальности в виде ориентации в настоящем, осмысления прошлого, прогнозирования будущего. Сам отбор фактов ставится в зависимость от политической ситуации в стране или регионе и предполагает наличие у производителя контента определённой позиции.

Возникает феномен, называемый «исчезновение факта», «смысл вместо факта» (экономический аналог – «исчезновение товара», «бренд вместо товара»), и модель make sense становится не просто выбранной, но неизбежно приоритетной, а доминирующее поведение в медийном поле выражается в смысловой интерпретации факта, в коммуникационном противоборстве смыслов. Медиакоммуникационные технологии смыслового позиционирования формируют объяснительные модели восприятия политической реальности обществом и мотивации к соответствующему им массовому поведению.

Следует заметить, что многие эксперты воспринимают данную ситуацию как ненормальную и в качестве контрмеры провозглашают «борьбу с фейками» как ложной информацией и «манипуляциями». Однако определение фейка на уровне буквального перевода (от англ. fake – подделка, фальшивка) не передает всей сущности и сложности явления, а термин «манипуляции» и вовсе носит эмоциональный характер.

Так, авторы вышедшего в США в 2019 году сборника трудов учёных разных стран, с одной стороны, рассматривают фейки (англ. fake news, falsehood) как синонимы терминов «ложь», «неправда», «обман». С другой стороны, они констатируют, что фейки в Интернете представляет собой «лес» фактов и мнений, классифицируемых по таким позициям, как «подбор, компоновка фактов» (от англ. fabrication – букв. сборка); «выдергивание из текста» (от англ. context-isolation – букв. обособление, оторванность от контекста). К фейкам относят также уловки, хитрости, психологические приёмы, социотехники; управление ложными посылками, двусмысленностями и впечатлениями. Авторы и редакторы сборника И. Чилува и С. Самойленко констатируют, что прагматичные субъекты сознательно и неизбежно используют эти механизмы для достижения своих целей в современной медиаэкосистеме [27]. Отсюда, по нашему мнению, задача власти заключается не в «победе» над фейками, а в управлении ими в целях формирования актуального политического контекста.

Выполнению такой задачи препятствует оппозиция, взаимоотношения с которой являются обязательным атрибутом политической коммуникации. Оппозиция стремится сформировать альтернативный политический контекст, используя для этого, в отсутствие существенных материальных возможностей, преимущественно виртуальные операции. Смысловую основу оппозиционного контекста составляет протестное поведение с критикой существующего режима и его политики, транслируемой через конвергентные СМИ и приравненные к ним интернет-ресурсы.

В период отсутствия интернет-коммуникаций задачи организационного и смыслового подавления оппозиционных каналов решались пропагандистскими средствами, то есть фактической монополией государства на СМИ и доминированием одностороннего информационного воздействия. В условиях глобальной интернетизации коммуникационного пространства с его «интернет-плюрализмом» применение данных средств становится невозможным: потребитель по своему усмотрению выбирает интересующий источник информации из доступного в российском и мировом пространстве массива ресурсов. Этому не могут помешать любые вводимые ограничения на создание и деятельность медиаресурсов.

Е. Фидря отмечает, что в обстановке острого коммуникационного противоборства обе стороны обращаются к доминирующему дискурсу, либо утверждая его, либо пытаясь «подорвать». Социальные агенты, обладающие большим правом на использование символического капитала (органы власти – А.Ч.), стремятся осуществить легитимацию актуального для них видения социального мира. Агенты, занимающие подчинённое положение в поле символического производства, при помощи стратегии «независимости», «правды» и «объективности» подрывают официальное видение, пытаясь утвердить свою картину и тем самым увеличить объём собственного символического капитала [19].

При этом очевидно, что оппозиционная политическая активность всё более уходит в информационную сеть, где формой выражения целей и способов их достижения становятся полноценные порталы СМИ, авторские блоги, личные и групповые аккаунты в социальных сетях. «Врожденная» интерактивность цифровых медиа, с одной стороны, ниспровергает одностороннюю трансляционную модель телевидения, позволяя получателям сообщения воздействовать на медиаконтент.

С другой стороны, производство политических месседжей стало более подвержено интерпретации и дроблению в точке их приёма. После того, как некоторый контент опубликован онлайн, пользователи «перемешивают» первичное содержание и в ряде случаев меняют его смысл. Этот процесс

получил название «мэшап» (от англ. mash-up – попурри) – перестановка оригинальных данных с целью сделать их, с точки зрения пользователя, более значимыми. В результате первоначально вброшенный и имеющий статус «программного» тезис видоизменяется и рассеивается. И получается, что синхронизировать смыслы и направления протестного движения сложно, а сформировать за короткий период новые ценности и внедрить их в сознание людей разрозненным интернет-ресурсам не под силу.

Проведённые в США исследования показали: точка зрения, согласно которой влияние Интернета на политические кампании приводит к массовым эффектам – с миллионами посетителей партийных сайтов, вовлечённых в онлайн-дискуссии и использующих якобы неискажённую информацию о политических альтернативах как основу для принятия политических решений, – не подтвердилась. Аналитики пришли к выводу, что большинство посетителей актуальных веб-ресурсов уже являются сторонниками той или иной партии и заранее имеют определённую установку [26].

Авторы книги «Управляемость и дискурс виртуальных сообществ в условиях политики постправды» также обращают внимание на трудности создания механизмов, надежно и комплексно воспроизводящих целостное общественное мнение и формирующих гражданскую идентичность. Основанный на сегментированной коммуникации Интернет скорее разъединяет по новым основаниям, нежели соединяет по старым; осуществляет сегментацию и поляризацию [16].

Получается, что пространство социальных сетей должно рассматриваться не как доминирующий фактор выигрыша в информационном противоборстве «власть – оппозиция», а как зона, также и воспроизводящая острый конфликт между разными группами «общих», на первый взгляд, интересов и постоянную конкуренцию этих групп за влияние в киберпространстве.

Отсюда у государства возникает новая стратегия – обеспечить приоритетное информационное воздействие за счёт синхронизации информационного сигнала с единым смыслом. Параллельно ставятся юридические и организационные барьеры для тех оппозиционных СМИ, которые стремятся получить характер массовых. Власть прилагает усилия к тому, чтобы оппозиционные ресурсы носили локальный характер и не приобретали характер общенациональных СМИ. Само же развивает массовые прогосударственные каналы, в первую очередь телевидение. В начале третьего десятилетия XXI века именно оно по-прежнему являлось главным медиа для россиян, а просмотр ТВ-программ оставался приоритетной практикой медиапотребления. Более 80% взрослого населения России стабильно смотрело телевизор хотя бы раз в неделю, и две трети делало это каждый день. Когда говорят, что

аудитория ТВ сокращается, имеют в виду практику линейного просмотра на экране телевизора. Однако этот тип потребления является лишь частью современного ТВ. Контент телеканалов доступен на любом компьютерном экране, подключенном к Интернету, а команды телеканалов производят широкий спектр профессиональных информационных продуктов, активно используемых во всех сегментах сетевого пространства.

Принимаются специальные меры к тому, чтобы как можно дольше сохранить ТВ ведущим медиа, продвигающим государственные интересы и синхронизирующим его информационные сигналы. Так, Указом Президента РФ от 24.06.2009 №715 [14] установлено, что общероссийские общедоступные ТВ и радиоканалы являются обязательными для распространения на всей территории России и бесплатными для потребителей. Утверждены и внедрены составы первого и второго мультиплексов, в которые вошли двадцать телеканалов. Треть (32%) телепотребления в 2021 году приходилась на «большую тройку» федеральных каналов («Первый канал», «Россия 1» и «НТВ») и ещё четверть – на четыре коммерческие телесети («Пятый канал», «ТНТ», «РЕН ТВ», «СТС»). На каналы доступные в сетях операторов платного ТВ (около 240), а также многочисленные местные телеканалы в сумме приходилось чуть более 3% телеаудитории [11].

Конструирование мировоззренческих установок как основы мотивирующего политического контекста

Исследования Института социологии РАН, проведённые в начале 1990-х гг., а затем – к 20-летию комплекса первых постсоветских реформ, содержат значимые выводы о роли нематериальных и, отдельно, мировоззренческих факторов в косвенном восприятии политического контекста, выступающего в данном исследовании в терминах «качества жизни».

По результатам исследования 1992 года лидирующими ценностями оказались свобода, а не материальное благополучие (соотношение удельных весов 64:32); интересная работа, а не заработок (64:34). Что же касается факторов мировоззренческой самоидентификации, то одним из самых «угнетающих» стала утрата значительной частью населения чувства гражданина великой державы. Даже через два года после развала СССР больше трети россиян (36%) не могли найти ему никакой приемлемой замены [3, с. 116-117].

Спустя 20 лет исследования показали, что социально-психологическое состояние россиян всё меньше детерминируется в процессе реформ условиями микроуровня (возраст, доход, текущие жизненные проблемы) и всё в большей степени начинает зависеть от факторов, связанных с их оценкой легитимности сложившейся в России модели социума, а также общественных

событий прошлого и настоящего. Мироощущение россиян в начале 2010-х гг. характеризовалось, с одной стороны, стабилизацией положительно окрашенных чувств и надежд на улучшение ситуации в будущем, а с другой – ростом распространённости ощущений несправедливости происходящего, стыда за нынешнее состояние страны, собственной беспомощности повлиять на его изменение [3, с. 134].

Оценка политического контекста – это и самоидентификация, базирующаяся на мировоззренческом стереотипном понимании пространства жизни человека и своей роли в нём. Но данное понимание может формироваться как спонтанно, так и целенаправленно. Технология такого формирования, являющаяся одним из самых глобальных коммуникационных феноменов, получила название коммеморации – информационных операций с исторической памятью.

Известно, что «история» в качестве научного понятия трактуется нейтрально, как процесс развития природы и человечества. Столь же нейтральна и неконфликтна в своём определении «историческая наука», понимаемая как отрасль, система познания и источниковедение. Однако в случае с понятием «историческая память», или «коммеморация» (от фр. commémorative – памятный, мемориальный и англ. commemoration – ознаменование, в память) используется другая трактовка.

Л. Репина рассматривает коммеморацию как постоянно обновляемую «памятную» реальность, идеальную для конкретного времени и субъектов. Коммеморативная реальность столь же подлинна и значима, как реальность событийная. Л. Репина говорит о том, что постмодернистское мышление ставит под сомнение само понятие исторической реальности и саму возможность прорыва к ней сквозь толщу контентных опосредований. Речь, по существу, идёт об актуализации лишь тех сторон прошлой жизни, которые имеют ценность в сегодняшней действительности [9].

Феномен коммеморации предполагает, что история в своем нейтральном значении присутствует лишь в виде абстрактного понятия, а в конкретной действительности позиционируется через историческую политику памяти. Сообщества и государства конкурируют между собой за доминирующее позиционирование «своей» (актуальной) памяти, влияющей на самооценку состояния, а далее поведение целевых групп. Каждый субъект данного процесса продвигает смысловую историческую модель, отличную от простого перечисления известных ранее или вновь открытых фактов. Желаемое качество исторической реальности конструируется для граждан в виде осмысления прошлого, ориентации в настоящем и прогнозирования будущего.

Воспринятый политический контекст вряд ли станет у граждан оптимальным с точки зрения власти при так называемом «историческом плюрализме», когда приходится самостоятельно разбираться в огромном массиве информации о мире в целом, стране или отдельном регионе. Организованное в 2018 году компанией «Медиалогия» исследование посвящалось популярным теориям заговора, выполняющим роль легитимной модели для объяснения аудитории всего непонятного и враждебного. Было отобрано 36 наиболее обсуждаемых в СМИ концептов, которые затем просчитывались по базе из 43 тыс. телеканалов, радиостанций, печатных и онлайн-СМИ за период 2011-2017 гг. В итоге первое место в рейтинге значимости получил «заговор историков» с тезисом «История России сфальсифицирована» [10].

Другими словами, фиксировалась существенная разно- и дезориентированность населения страны относительно собственной истории, что, разумеется, не способствовало формированию сходной социально-исторической идентификации граждан вместе с доминирование позитивных ощущений по поводу существующего политического контекста.

На состояние «исторического плюрализма» накладывается коммеморативное конструирование извне. Так, А. Белоглазов исследовал интерпретации истории Второй мировой войны и её результатов в политических выступлениях на Западе в XXI веке, приуроченных к 70- и 75-летию окончания и 80-летию начала военных событий. Оказалось, что даже здесь, при общем тренде к умалению вклада Советского Союза в разгром фашистской Германии, существуют три коммеморативных подхода с разными оценками и акцентами, наиболее выгодными государствам-авторам. Версия США исходит из того, что именно эта страна является победителем и гипертрофирует роль второстепенных событий на фронтах со своим участием. В подходе Западной Европы скрывается собственная ответственность за развязывание войны и обвиняется в этом Советский Союз. Замалчивается массовый коллаборационизм европейцев. А в восточноевропейской версии Красная Армия выставляется не освободителем, но агрессором и оккупантом [2].

Цель данных интерпретаций – перевести СССР, а вместе с ним и нынешнюю Россию из статуса страны-победителя и одного из столпов современного миропорядка в категорию побежденных агрессоров с той лишь разницей, что агрессор-Германия потерпела поражение в 1945 году, агрессор-СССР – в 1991-м. Тогда получается, что спасителем человечества от чумы XX века – тоталитаризма (в форме нацизма и сталинизма) по новой концепции исторической памяти является Запад, а Российская Федерация, как и послевоенная Германия, – правопреемником агрессивной тоталитарной империи. Но если Германия давно встала на путь исправления, искупления и

заслужила право войти в семью цивилизованных народов, то России якобы продолжает агрессивную политику [23].

После начала Специальной военной операции (СВО) кампания по исторической дискредитации России лишь активизировалась. В такой атмосфере усиленное внимание российского государства к выявлению и опровержению негативных исторических интерпретаций является информационными контрмерами, призванными сформировать и закрепить такое качество мировоззрения граждан, в котором Россия воспринимается в политическом контексте как миролюбивая и демократичная страна-победитель со своими самобытными и суверенными национальными интересами.

Мировоззренческая установка индивида, группы, популяции граждан трансформируется в понятие «национальный интерес» вместе с желанием защищать его. К. Райт, автор анализа десятков крупных военных конфликтов XX века, считал национальные интересы важнейшим показателем для оценки вероятности эскалации или завершения межгосударственных противостояний. Убеждение в том, что национальные интересы ущемлены или поставлены под угрозу, становятся в большинстве случаев главной причиной обострения конфликтов. К. Райт замечал, что значение, придаваемое государством национальным интересам, варьируется в зависимости от оценки ситуации общественным мнением. При этом такие субъективные и виртуальные интересы, как уважение, репутация, гордость и престиж могут цениться выше, чем интересы объективные – благосостояние, территория или даже сама власть. Исследователь допускал варианты взаимного самоубийства противников, когда сохранение национальных интересов может показаться сторонам конфликта предпочтительнее капитуляции [28].

Оптимизация восприятия проблемных аспектов политического контекста

Удовлетворенность или, напротив, недовольство населения существующим политическим контекстом складывается не только из глобальных мировоззренческих установок, но и под влиянием событий текущей действительности. А. Кинсбурский и М. Топалов считают социальное недовольство естественным явлением: всегда существует зазор между человеческими потребностями и возможностями их удовлетворения, отсюда люди постоянно в той или иной мере неудовлетворены какими-то аспектами своей жизни. Такое настроение играет важную позитивную роль в регуляции человеческого поведения, поскольку стимулирует активность ответственных за реализацию потребностей субъектов. Но при определённом уровне недовольства у соци-

альных групп формируется установка на массовые действия протестного характера, что является негативным фактором для любого общества.

Основными показателями социального недовольства и вытекающей из этого напряженности выступают такие слагаемые политического контекста, как негативная оценка уровня жизни, недоверие органам власти и другим государственным организациям; несогласие с общим курсом развития и др. Эти показатели порождают негативные эмоции – от разобщённости и незащищенности до раздражения и ненависти, которые и порождают протесты [4, с. 293-294].

У власти далеко не всегда есть возможность снизить протестный потенциал и, соответственно, повысить уровень позитивного восприятия политического контекста посредством экономических улучшений. Более того, периодически возникает необходимость принятия так называемых непопулярных решений в социально-экономической сфере. И здесь вновь становятся остро востребованными информационно-коммуникационные механизмы, регулирующие восприятие и последующее поведение граждан. Речь идёт о комплексе антикризисных коммуникаций, подробно разработанном автором статьи в своих учебниках и диссертациях [22].

Перейдем к анализу конкретных ситуаций, которые комплексно разрешались в актуальном коммуникационном формате. Так, известно, что к началу 2000-х гг. новому российскому государству удалось значительно продвинуться в восстановлении разрушенной экономики и выстраивании рыночных отношений. Однако мировой финансовый кризис 2008 г., дальнейшие реальные и прогнозируемые кризисные события заставили государство перейти к программам оптимизации экономических процессов, включающим в себя проблемные или непопулярные среди населения позиции. В такой ситуации актуальным стал коммуникационный проект Правительства РФ и Международного банка реконструкции и развития «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации».

Проведённое в рамках проекта в 2012 году базовое обследование уровня финансовой компетентности российского населения – всероссийский опрос с объемом выборки 6 тыс. человек – показало слабую информированность граждан о правах потребителей финансовых услуг и способах их защиты; низкое доверие населения к деятельности участников финансового рынка, затрудняющее принятие потребителями ответственных финансовых решений и др. Только 12% россиян правильно назвали организации, призванные защищать их права на финансовом рынке. Около 40% граждан отметили, что не разбираются в большинстве финансовых услуг [1].

Для государства важность выводов исследования заключалась в понимании резервов сохранения текущего восприятия политического контекста и его оценки населением. Стало очевидным, что низкий уровень финансовой грамотности (а не только собственно финансовое положение) негативно влияет на личное благосостояние и финансовый потенциал домашних хозяйств, ухудшает ресурсную базу финансовых организаций, препятствует развитию финансового рынка, затормаживает инвестиционные процессы в экономике и приводит к ухудшению социально-экономического положения страны. При этом российский потребитель финансовых услуг возлагает ответственность за личные финансовые решения и риски на государство.

Именно на преодоление этих установок направлялась утверждённая распоряжением Правительства РФ от 25 сентября 2017 года №2039-р «Стратегия повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017-2023 гг.» [8]. Документ содержал такие направления, как «Образование», «Информирование населения о вопросах финансовой грамотности и способах защиты прав потребителей финансовых услуг», «Формирование социально ответственного поведения участников финансового рынка», «Подготовка граждан к жизни в старости» и т.д. Реализация Стратегии и планов конкретных мероприятий на общероссийском и региональном уровнях осуществлялись под контролем Министерства финансов РФ.

Среди выполненных коммуникационными агентствами – подрядчиками проекта плановых мероприятий: сайт-библиотека методической поддержки «Электронный учебник по финансовой грамотности» (школа.вашифинансы.рф); учебно-методические комплекты по финансовой грамотности для школьников, студентов и взрослого населения с тематическими модулями «Банки», «Собственный бизнес», «Пенсионное обеспечение», «Страхование», «Фондовый рынок»; электронный справочник по финансовой грамотности «Финсовет»; онлайн-сервис управления личными финансами для детей и подростков «Монеткины». Ежегодно весной стали проводиться недели финансовой грамотности для детей и молодежи, а осенью – недели сбережений для взрослого населения; стартовал Всероссийский чемпионат по финансовой грамотности. В рамках общенациональной кампании создан «Фонд хороших идей», призванный собрать, обобщить, профинансировать пакет предложений по проведению тематических кампаний в регионах.

В целом коммуникационная кампания по финансовой грамотности в значительной мере способствовала доверительному восприятию власти как «заботливого родителя», дающего «детям» рекомендации по оптимизации своего экономического благополучия в условиях отсутствия или сокращения прямой финансовой поддержки от государства.

Параллельно с названной кампанией готовилась и проводилась другая, связанная с принятием Федерального закона от 3 октября 2018 года №350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам назначения и выплаты пенсий» [18], то есть с пенсионной реформой. Данная кампания была призвана закрепить в сознании граждан установки на возможно более позитивную или хотя бы нейтральную оценку действий властей.

Проведённые задолго до принятия Закона исследования продемонстрировали очевидную непопулярность реформы, предполагающей в качестве главного результата существенное увеличение пенсионного возраста. Отсюда в качестве основной идеи кампании предлагалась следующая: проявляя заботу о человеке, власть позволяет ему дольше сохранять социальную и трудовую активность, обеспечивая достойный уровень и образ жизни.

В ходе кампании в информационное пространство вбрасывался большой спектр привлекательных тезисов. Например, Минздрав РФ констатировал, что в недалеком будущем средняя продолжительность жизни россиян значительно увеличится, а потому выход на пенсию в 65 лет вполне логичен. Кроме того, работа значительно полезнее для здоровья, чем «лежание на диване», отсюда пенсионную реформу следует расценивать как заботу о здоровье нации. Озвучивались и такие тезисы, как благо государства, необходимость заглаживания последствий «демографических ям» и т.д. Однако, при разном отношении к конкретным смысловым позициям, главное положение реформы – об увеличении пенсионного возраста – вызывало массовое неприятие граждан.

Реагируя на подобное отношение к реформе, органы власти спланировали и задействовали комплекс антикризисных коммуникаций, в основе которых лежал механизм депривации. Под таким термином понимается состояние большего или меньшего расхождения между ожиданиями целевой аудитории и возможностями их удовлетворения. Депривационные «ножницы» не статичны, они постоянно претерпевают большие или меньшие изменения: увеличиваются, уменьшаются, стабилизируются. Увеличение происходит при сокращении возможностей для реализации уже сформировавшихся запросов, либо опережающем росте последних. Информационно-коммуникационные действия позволяют сохранить текущий уровень депривации или даже понизить его при понижении запросов и соответствующих изменениях масштаба их экономического удовлетворения.

Внесенный в Госдуму законопроект о пенсионной реформе увеличил депривацию: прежние ожидания от условий выхода на пенсию значительно расходились с предложенными новыми возможностями их реализации. Отсюда задача кампании заключалась в том, чтобы сократить образовавшийся разрыв. Её реализация началась с обращения В. Путина к россиянам 29 ав-

густа 2018 года [7]. Президент РФ озвучил 6 пунктов, каждый из которых смягчал ранее заложенные в проекте Закона позиции: выход женщин на пенсию не в 63 года, а в 60 лет; постепенное, а не ускоренное повышение пенсионного возраста; частичное сохранение пенсионных льгот для разных категорий населения вместо их глобального упразднения и др.

В последующие годы Социальный фонд России (СФР) проводил «смягчающую» информационную кампанию на основе именно этих тезисов. Так, на сайте СФР в блоке «Что нужно знать об изменениях в пенсионной системе» присутствовали разделы, содержащие исключительно рациональную и оптимистичную информацию о новых пенсионных условиях, соответствующих содержанию поручений Президента: повышенная индексация пенсий, льготы и гарантии людям предпенсионного возраста, переходный период по повышению пенсионного возраста, повышение пенсий сельских пенсионеров; назначение пенсии врачам, учителям и артистам и т.д. [20].

Анализируя коммуникационную кампанию по пенсионной реформе, многие эксперты признавали её неудачной или даже провальной. Однако подобные оценки следует признать чрезмерно эмоциональными. Странно было предполагать, что столь непопулярные меры по отношению к гражданам получат их одобрение. Граждане выходили на пикеты и демонстрации, собирали подписи для проведения общенационального референдума, но в то же время не предприняли массовых и незаконных протестных действий. Эта ситуация демонстрирует приемлемое восприятие целевыми группами проблемного политического контекста и сдержанное согласие с неизбежностью реформы.

Таким образом, восприятие политического контекста, создаваемого государством посредством материализованных и виртуальных операций, базируется на ранее сформированных стереотипах сознания, носит опосредованный характер и во многом зависит от объёма и качества корректирующего их информационно-коммуникационного обеспечения. Коррекция заключается в поддержке доминирующих в восприятии и приемлемых для государства установок, изменении этих установок и (или) внедрении новых и актуальных. Социальная эффективность этой деятельности определяется репрезентативными оценками населения, определяющими уровень удовлетворённости граждан акциями государства.

В условиях цифровизации общественного пространства существенную роль в позитивном восприятии политического контекста играют государственные электронные сервисы. При успешном применении и развитии они представляют собой важную функциональную услугу.

Более значимый блок задач решается за счёт конструирования информационного поля и доведения до целевых групп приоритетной для государ-

ства информации. При этом глобальная интернетизация коммуникационного пространства с возможностью доступа потребителей к любым сведениям, способным подтвердить или опровергнуть некоторую установку, нивелирует значимость восприятия фактов как свершившихся событий и делает неизбежным их дополнение или даже замену смысловыми интерпретациями. Эффективность применения и фактов, и смыслообразующих конструкций для управления восприятием достигается не столько их количеством, сколько возможно большей синхронизацией транслируемых информационных посланий с единым смысловым наполнением.

Целесообразно выделить два ведущих направления в процессе организации актуального контента. Первое из них – это формирование мировоззренческой самоидентификации граждан, в основе которой лежат коммеморативные механизмы, то есть операции с исторической памятью, предлагающей оптимальную для конкретного времени и субъектов реальность. Второе направление – оптимизация восприятия текущих проблемных аспектов политического контекста с помощью комплекса антикризисных коммуникаций, призванного снижать потенциал недовольства и протеста.

Литература

1. Базовое обследование уровня финансовой грамотности и компетентности российского населения. Сайт Минфина России. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=63405 (дата обращения 01.06.2023).

2. Белоглазов А.В. Интерпретации истории Второй мировой войны и её результатов в политических выступлениях на Западе в XXI веке. Международные отношения и общество. 2020. Т. 2. №3-4. С. 19-30.

3. Горшков М.К. Российское общество как оно есть: опыт социологической диагностики / М.К. Горшков. Москва: Новый хронограф, 2011. 672 с.

4. Кинсбурский А.В., Топалов М.Н. Социальная напряженность и региональные конфликты // Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России / отв. ред. В.В. Маркин. Москва: Новый Хронограф, 2015. 600 с.

5. Косарин С.П., Милькина И.В. Оценка отношения граждан России к процессам цифровизации государственных услуг // E-Management. 2019. №2(4). С. 51-63.

6. Липпман У. Общественное мнение. Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. Москва: Ин-т Фонда «Обществ. мнение», 2004. 384 с.

7. Обращение Президента к гражданам России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/58405 (дата обращения 01.06.2023).

8. Распоряжение Правительства РФ от 25 сентября 2017 г. №2039-р об утверждении «Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017-2023 гг.» https://clck.ru/N8qrk (дата обращения 01.06.2023).

9. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Москва: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.

10. Рувинский В. Ведомости. 11.05.2018. Почему теории заговоров набирают популярность. URL: https://clck.ru/DLpkw (дата обращения 01.06.2023).

11. Телевидение в России в 2020 г.: состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад. Минцифры. URL: http://www.ipk.ru/ftpgetfile.php?id=948 (дата обращения 01.06.2023).

12. Тюриков А.Г. Мониторинг эффективности управления в контексте консолидации социального пространства // Региональная социология: проблемы консолидации

социального пространства России / отв. ред. В.В. Маркин. Москва: Новый Хронограф, 2015. 600 с.

13. Указ Президента РФ от 28 апреля 2008 г. №607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/27276 (дата обращения 01.06.2023).

14. Указ Президента РФ от 24.06.2009 №715 Об общероссийских обязательных общедоступных телеканалах и радиоканалах http://www.kremlin.ru/acts/bank/29453 (дата обращения 01.06.2023).

15. Указ Президента РФ от 21 августа 2012 г. №1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/35958 (дата обращения 01.06.2023).

16. Управляемость и дискурс виртуальных сообществ в условиях политики постправды / Под ред. Д. С. Мартьянова. СПб.: ЭлекСис, 2019. 312 с.

17. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. №210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/31584 (дата обращения 01.06.2023).

18. Федеральный закон от 3.10.2018 г. №350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам назначения и выплаты пенсий». URL: https://clck.ru/36TV3p (дата обращения 01.06.2023).

19. Фидря Е.С. Факторы и логики реконструирования смысла политического текста в условиях когнитивной и интерпретативной неопределенности // Полис. Политические исследования. 2019. №4. С. 40-56.

20. Что нужно знать о пенсионной системе / Сайт СФР. URL: https://sfr.gov.ru/grazhdanam/zakon/ (дата обращения 1.06.2023).

21. Чумиков А.Н. Конфликт в системе социально-политических процессов переходного периода. Дис. … д-ра полит. наук. Москва: АТИСО, 1995.

22. Чумиков А.Н. Антикризисные коммуникации. Москва: Проспект, 2023. 192 с.

23. Шишкин И. Фальсификация истории и интересы российской элиты / Regnum. 10.06.2011. URL: https://clck.ru/36TV4C (дата обращения 01.06.2023).

24. Якунин А.С. Качество жизни как критерий социальной эффективности управления регионом Российской Федерации. Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Москва. 2011. 24 с.

25. Belyi V. On the Issue of Trust in E-Government Services: St. Petersburg Case. International Journal of Open Information Technologies. 2021. Vol. 9, No. 12. C. 126-132.

26. Bimber B., Davis R. Campaigning Online: The Internet in U.S. Elections. New York: Oxford University Press, 2003. 240 p.

27. Chiluwa I.E., Samoilenko S.A. Handbook of research on deception, fake news, and misinformation online. Hershey, PA: IGI Global. 2019. 651 p.

28. Wright Q. The escalation of international conflicts. Journal of Conflict Resolution. 1965. Vol. 9(4). Pp. 434-449.

References

1. Bazovoe obsledovanie urovnya finansovoi gramotnosti i kompetentnosti rossiiskogo naseleniya. Sait Minfina Rossii. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=63405 (Data obrashcheniya 01.06.2023).

2. Beloglazov A.V. Interpretatsii istorii Vtoroi mirovoi voiny i ee rezul'tatov v politicheskikh vystupleniyakh na Zapade v XXI veke. Mezhdunarodnye otnosheniya i obshchestvo. 2020. T. 2. №3-4. S. 19-30.

3. Gorshkov M.K. Rossiiskoe obshchestvo kak ono est': opyt sotsiologicheskoi diagnostiki / M.K. Gorshkov. Moskva: Novyi khronograf, 2011. 672 s.

4. Kinsburskii A.V., Topalov M.N. Sotsial'naya napryazhennost' i regional'nye konflikty. Regional'naya sotsiologiya: problemy konsolidatsii sotsial'nogo prostran-stva Rossii / otv. red. V.V. Markin. Moskva: Novyi Khronograf, 2015. 600 s.

5. Kosarin S.P., Mil'kina I.V. Otsenka otnosheniya grazhdan Rossii k protsessam tsifrovizatsii gosudarstvennykh uslug. E-Management. 2019. №2(4). S. 51-63.

6. Lippman U. Obshchestvennoe mnenie. Per. s angl. T.V. Barchunovoi. Moskva: In-t Fonda «Obshchestv. mnenie», 2004. 384 s.

7. Obrashchenie Prezidenta k grazhdanam Rossii. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/58405 (data obrashcheniya 01.06.2023).

8. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 25 sentyabrya 2017 g. №2039-r ob utverzhdenii «Strategii povysheniya finansovoi gramotnosti v Rossiiskoi Federatsii na 2017-2023 gg.» https://clck.ru/N8qrk (data obrashcheniya 01.06.2023).

9. Repina L.P. Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriopisaniya (istoriograficheskie zametki). Moskva: GU VShE, 2003. 44 s.

10. Ruvinskii V. Vedomosti. 11.05.2018. Pochemu teorii zagovorov nabirayut populyarnost'. URL: https://clck.ru/DLpkw (data obrashcheniya 01.06.2023).

11. Televidenie v Rossii v 2020 g.: sostoyanie, tendentsii i perspektivy razvitiya. Otraslevoi doklad. Mintsifry, 2021. URL: http://www.ipk.ru/ftpgetfile.php?id=948 (data obrashcheniya 01.06.2023).

12. Tyurikov A.G. Monitoring effektivnosti upravleniya v kontekste konsolidatsii sotsial'nogo prostranstva. Regional'naya sotsiologiya: problemy konsolidatsii sotsial'nogo prostranstva Rossii / otv. red. V.V. Markin. Moskva: Novyi Khronograf, 2015. 600 s.

13. Ukaz Prezidenta RF ot 28 aprelya 2008 g. №607 «Ob otsenke effektivnosti deyatel'nosti organov mestnogo samoupravleniya gorodskikh okrugov i munitsipal'nykh raionov». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/27276 (data obrashcheniya 01.06.2023).

14. Ukaz Prezidenta RF ot 24.06.2009 №715 Ob obshcherossiiskikh obyazatel'nykh obshchedostupnykh telekanalakh i radiokanalakh. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/29453 (data obrashcheniya 01.06.2023).

15. Ukaz Prezidenta RF ot 21 avgusta 2012 g. №1199 «Ob otsenke effektivnosti deyatel'nosti organov ispolnitel'noi vlasti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/35958 (data obrashcheniya 01.06.2023).

16. Upravlyaemost' i diskurs virtual'nykh soobshchestv v usloviyakh politiki postpravdy / Pod red. D. S. Mart'yanova. SPb.: ElekSis, 2019. 312 s.

17. Federal'nyi zakon ot 27 iyulya 2010 g. №210-FZ «Ob organizatsii predostavleniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/31584 (data obrashcheniya 01.06.2023).

18. Federal'nyi zakon ot 3.10.2018 g. №350-FZ «O vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty RF po voprosam naznacheniya i vyplaty pensii». URL: https://clck.ru/36TV3p (data obrashcheniya 01.06.2023).

19. Fidrya E.S. Faktory i logiki rekonstruirovaniya smysla politicheskogo teksta v usloviyakh kognitivnoi i interpretativnoi neopredelennosti. Polis. Politicheskie issledovaniya. 2019. №4. S. 40-56.

20. Chto nuzhno znat' o pensionnoi sisteme / Sait SFR. URL: https://sfr.gov.ru/grazhdanam/zakon/ (data obrashcheniya 1.06.2023).

21. Chumikov A.N. Konflikt v sisteme sotsial'no-politicheskikh protsessov perekhodnogo perioda. Dis. … d-ra polit. nauk. Moskva: ATISO, 1995.

22. Chumikov A.N. Antikrizisnye kommunikatsii. Moskva: Prospekt, 2023. 192 s.

23. Shishkin I. Fal'sifikatsiya istorii i interesy rossiiskoi elity / Regnum. 10.06.2011. URL: https://regnum.ru/news/polit/1414246.html (data obrashcheniya 01.06.2023).

24. Yakunin A.S. Kachestvo zhizni kak kriterii sotsial'noi effektivnosti upravleniya regionom Rossiiskoi Federatsii. Avtoref. dis. ... kand. sots. nauk. Moskva. 2011. 24 s.

25. Belyi V. On the Issue of Trust in E-Government Services: St. Petersburg Case. International Journal of Open Information Technologies. 2021. Vol. 9, No. 12. S. 126-132.

26. Bimber B., Davis R. Campaigning Online: The Internet in U.S. Elections. New York: Oxford University Press, 2003. 240 p.

27. Chiluwa I.E., Samoilenko S.A. Handbook of research on deception, fake news, and misinformation online. Hershey, PA: IGI Global. 2019. 651 p.

28. Wright Q. The escalation of international conflicts. Journal of Conflict Resolution. 1965. Vol. 9(4). Pp. 434-449.

В.А. Волох,
А.Е. Надеждин

СОВРЕМЕННАЯ ГЕРМАНИЯ: ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЙ ТРЕК, ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ ДЕЙСТВИЯ КОАЛИЦИОННОГО ДОГОВОРА И МИГРАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация

Проанализирована текущая внутриполитическая ситуация в Германии с акцентом на протестную активность населения, обусловленную комплексом факторов – недовольством населения удорожанием энергоресурсов и инфляцией, сохраняющимися последствиями пандемии COVID-19, усилением миграционного давления. В обществе неоднозначно воспринимается внешняя политика Берлина, которая стимулирует геополитическую напряженность и эскалацию украинского кризиса. Проблемой, которая вызывает озабоченность правящих элит, является радикализация социума, выраженная как в проведении несанкционированных массовых мероприятий или немотивированном насилии, так и в распространении праворадикальных установок среди представителей силовых структур. Особое внимание уделяется изучению феномена т.н. движения «инакомыслящих», активное участие в становлении и укреплении позиций которого наряду с несогласными с политическим курсом властей гражданами и противниками вакцинации против коронавируса принимают правые экстремисты, включая «рейхсбюргеров» и неонацистов. Сделана попытка оценить данное общественное течение с позиций возможности дестабилизировать внутриполитическую ситуацию и генерировать риски для национальной без-

V. Voloh,
A. Nadezhdin

MODERN GERMANY: INTERNAL POLITICAL TRACK, INTERIM RESULTS OF THE COALITION AGREEMENT AND MIGRATION ASPECTS

Abstract

The article deals with the current domestic political situation in Germany with an emphasis on the protest activity of the population due to a complex of factors – the discontent of the population with the rise in the cost of energy resources and inflation, the continuing consequences of the COVID-19 pandemic, increased migration pressure. Berlin's foreign policy doesn’t sit well with the society, which stimulates geopolitical tensions and the escalation of the Ukrainian crisis. The problem that causes concern of the ruling elites is the radicalization of society, expressed in the conduct of unauthorized mass events or unmotivated violence as well as in the spread of right-wing radical attitudes among representatives of law enforcement agencies. Particular attention is paid to the study of the phenomenon of the so-called "dissident" movement, which, along with citizens who disagree with the political course of the authorities and opponents of vaccination against coronavirus, right-wing extremists, including "Reichsbuergers" and neo-Nazis, take an active part in the formation and strengthening of its positions. In the article was made an attempt to assess this social trend from the standpoint of the possibility of destabilizing the domestic political situation and generating risks for the national security of the state.

опасности государства.
Подводятся промежуточные итоги деятельности правительства ФРГ в сфере миграционной политики, включая положения Коалиционного договора 2021 года, такие как оптимизация механизмов упорядочения миграционного потока с учетом текущих изменений его качественно-количественной структуры, осуществление трудовой деятельности иностранными гражданами, оптимизация механизмов получения статуса беженца, реформирование института гражданства, поэтапная интеграция прибывших. Применительно к обеспечению национальной безопасности сохраняются риски, в т.ч. в контексте деятельности этнических ОПГ, проникновения в страну потенциальных правонарушителей и оружия.

The interim results of the activities of the German government in the field of migration policy are summarized, including the provisions of the Coalition Agreement of 2021, such as the optimization of mechanisms for regulating the migration flow, taking into account current changes in its qualitative and quantitative structure, employment by foreign citizens, optimization of mechanisms for obtaining refugee status, reforming the institution of citizenship, gradual integration of arrivals. In the context of national security risks remain, including the activities of ethnic organized criminal groups, the penetration of potential offenders and weapons into the country.

Ключевые слова:
противодействие COVID-19, антиваксеры, коалиционный договор, внутренняя безопасность, украинский кризис, получение гражданства, трансграничная миграция.

Key words:
COVID-19 prevention, antivaxxer, coalition agreement, domestic security, Ukrainian crisis, obtain citizenship, trans-border migration.

https://doi.org/10.24412/2227-1538-2023-4-159-172

Радикализация социума как следствие пандемии COVID-19

Одной из актуальных внутриполитических проблем современной Германии является тренд на радикализацию социума, усиливающийся на фоне геополитической напряженности и украинского кризиса, увеличения внешнего миграционного давления, негативных экономических изменений и снижения уровня благосостояния, а также накопившейся психологической усталости вследствие пандемии коронавируса. Несмотря на преобладание в СМИ публикаций с односторонним освещением событий на Украине и повсеместной антироссийской риторикой, проблематика COVID-19 не утратила актуальности в общественно-политической жизни страны. В эпидемиологическом плане сохраняются риски инфицирования коронавирусом (количество случаев заражения варьируется от 6 тыс. до 24 тыс. ежедневно, с начала пандемии в Германии выявлено более 38,3 млн случаев заражения и скончалось 170 тыс. человек) [7]. В социуме не затерялось набравшее в острый период эпидемии 2020-2022 гг. силу и влияние протестное движение т.н. «инакомыслящих» (нем. «Querdenker»), основанное предпринимателем из Штутгарта М. Балльвегом, которое наряду с противниками иммунизации от Covid-19 аккумулирует носителей различных политических

взглядов – от сторонников партии «Альтернатива для Германии» (далее – «АдГ») до правых/левых экстремистов.

Необходимо отметить, что функционировавшая в Германии до значительного смягчения коронавирусных ограничений (либерализация санитарно-эпидемиологических норм, трансграничных перемещений, проведение массовой иммунизации населения) во второй половине 2022 года модель борьбы с пандемией представляла собой систему контроля, созданную федеральным центром совместно с руководством земель. Фактически органам охраны правопорядка и коммунальным инстанциям на местах были делегированы обязанности регулятора, контролирующего соблюдение населением карантинных рекомендаций на фоне региональных различий к требованиям и отсутствия четкого определения правовых рамок. В подобной ситуации с агрессивным поведением несогласных с используемыми Берлином регулятивными мерами антиваксеров сталкивались, в первую очередь, представители органов власти, которые непосредственно следят за исполнением предписаний в местах массового скопления людей, заведениях общественного питания, на транспорте и при проведении различных мероприятий. Пандемия способствовала увеличению количества противоправных действий в отношении сотрудников полиции (2021 г. – 39649 тыс.; 2020 г. – 38960 тыс. деликтов) [12]. Основные деяния – нанесение легких/тяжелых телесных повреждений, вербальные оскорбления и угрозы. Наряду с правоохранителями с немотивированными проявлениями грубости и агрессии сталкивались также работники медицинских и спасательных служб.

Основной формой общественного протеста в отношении действий политического руководства Германии по борьбе с COVID-19 стали массовые демонстрации, которые зачастую проводятся стихийно без соответствующих разрешений и аккумулируют представителей различных социально-политических групп и ценностно-правовых установок – от левых и правых экстремистов, сторонников конспирологических теорий до борцов за климат и интернет-блогеров. На акциях звучат призывы к насильственной смене государственного строя и физическому устранению представителей высшего политического руководства [15]. Некоторые участники увязывают распространение коронавируса с процессами глобализации, открытостью границ и несовершенством миграционной политики ввиду большого количества инфицированных среди выходцев из семей мигрантов и проживающих в стране иностранцев, в частности мусульман. Наиболее крупными собраниями, которые сопровождались столкновениями с правоохранителями, стали проводившиеся с конца 2021 года по начало 2022 года во всех федеральных землях преимущественно в небольших городах (например, Фрайберг, Альтен-

бург, Грайц, Нойбранденбург, Швайнфурт) т.н. еженедельные массовые прогулки [6]. По данным Федерального министерства внутренних дел и по делам Отечества, в отдельных случаях демонстранты привлекали несовершеннолетних в качестве «живого щита», призывая митингующих приносить холодное оружие в целях оказания сопротивления полицейским. Активно используются нашивки в виде шестиконечной звезды Давида с надписью «не вакцинирован» и транспаранты с лозунгами «предатели народа», «лживая пресса», «мы – народ», «гражданское неповиновение». У движения инакомыслящих есть и свои лидеры (самые известные – повар-веган турецкого происхождения А. Хильдман, певец К. Найдо, драматург А. Ленц, врач-отоларинголог Б. Шифманн), часть из которых отбывают сроки наказания за совершенные в ходе массовых мероприятий правонарушения или вынуждены продолжать свою пропаганду удаленно, скрываясь от немецких органов правосудия за рубежом (в частности, на территории Венгрии, Канады, Польши, Черногории). За пределами Германии находятся порядка 600 неонацистов, из которых порядка 150 участвовали в массовых несанкционированных акциях (во второй половине 2020 года) и совершили политически мотивированные противоправные действия [10, с. 12].

Пандемия коронавируса поспособствовала усилению экстремистских и расистских тенденций в органах охраны правопорядка, что на практике выражается излишним полицейским контролем представителей национальных меньшинств, проявлениями дискриминации по этническому принципу, увеличением случаев превышения служебных полномочий в рамках проверочных мероприятий на предмет соблюдения населением карантинных предписаний и разгона несанкционированных акций. Другим следствием можно назвать обострение праворадикальных течений у представителей органов охраны правопорядка. Продолжаются служебные проверки по линии МВД ФРГ в отношении правоохранителей из различных подразделений, дислоцированных в разных регионах Германии, на предмет наличия действий экстремистского характера в распространяемом контенте через закрытые чаты в мессенджерах и социальных сетях. Данная проблема не обошла стороной разведывательные органы и бундесвер, включая элитные части. Широкое медийное освещение получила информация о созданной группе радикально настроенных инакомыслящих в управлении военной разведки. На экстремизм проверяются порядка 1 400 военнослужащих [11]. По оценкам специалистов, основная опасность заключается в том, что в Германии укрепляются контакты действующих сотрудников с высоким уровнем военно-профессиональной подготовки, доступом к конфиденциальной информации и оружию с правыми экстремистами из числа гражданских лиц. Отсутствие

симметричной реакции со стороны государства и усиление позиций подобного «тандема» может стать новым вызовом внутренней безопасности.

Что касается криминализации на фоне пандемии, то можно отметить сохраняющийся с 2020 года тренд на поэтапное снижение общего количества правонарушений. Вместе с тем данные из профильного доклада Ведомства уголовной полиции «Воздействие пандемии COVID-19 на криминогенную ситуацию в Германии» свидетельствуют об увеличении численности деликтов в сферах здравоохранения (различные нарушения положений Закона о профилактике и борьбе с инфекционными заболеваниями человека), информационно-коммуникационных технологий, финансов и кредита [19]. Выросло количество политически мотивированных деяний (основные направления – преступления в сфере здравоохранения; против государства, его символов и учреждений; агрессивные действия в отношении сотрудников полиции и политических оппонентов). Сократились показатели уличного криминала и масштабов деятельности организованных преступных групп. Минимизации террористической угрозы и иных рисков внутренней безопасности способствовали введенные в целях противодействия пандемии беспрецедентные карантинные меры (выход из дома/квартиры и ограничение контактов, запрет на проведение мероприятий с большим количеством участников). В случае возможного ухудшения эпидемиологической ситуации и необходимости ужесточения ограничений в перспективе не исключается возможность повторения случаев агрессивного поведения и преступлений, напрямую связанных с коронавирусными ограничениями и негативным эмоциональным фоном. Среди многочисленных случаев вербальных оскорблений, стычек в общественном транспорте или местах массового скопления людей наиболее резонансным стало убийство летом 2021 года работника заправочной станции после сделанного одному из клиентов замечания о необходимости соблюдать масочный режим [8].

Украинский кризис и протестное движение в Германии

Взятый федеральным правительством курс на всеобъемлющую поддержку киевского режима и открытую конфронтацию с Россией выступает дополнительным вызовом для внутриполитических и социально-экономических процессов в Германии. Основное бремя за действия Берлина по эскалации украинского кризиса ложится на рядовых граждан, которые наряду с последствиями пандемии COVID-19 сталкиваются со значительным удорожанием энергоресурсов и товаров первой необходимости, снижением качества жизни, рецессией, ростом геополитической напряженности. Не добавляет позитивных эмоций усиление внешнего миграционного давления,

которое выразилось в массовом приезде в страну более 1 млн украинских беженцев, которым требуется финансовая и медицинская поддержка, помощь при первичной регистрации и размещении [5]. Первоначальная эйфория и готовность немцев безвозмездно помогать прибывшим на контрасте с сообщениями СМИ о «псевдобеженцах» и несправедливом распределении финансовых средств, что оттесняет на второй план потребности местного населения, постепенно сменяется усталостью и недовольством. На фоне призывов официальных властей к гражданам солидаризироваться для преодоления энергокризиса и сплотиться для поддержки Киева на альтернативных общественных мероприятиях, которые проводятся немцами, несогласными с текущим политическим курсом Берлина, звучат лозунги против действий федерального правительства в экономической, политической и социальной сферах. Инакомыслящие призывают отказаться от поставок оружия Украине, наносящих национальной экономике вред санкций, выстраивать добрососедские и мирные отношения с Россией, проводить независимый от США и НАТО внешнеполитический курс. В данном контексте показательными являются митинги в городах преимущественно востока страны, включая Виттенберг, Дрезден, Йену, Лейпциг, Магдебург, Плауэн, Хемниц, а также западных метрополиях – Кельне, Мюнхене и Франкфурте-на-Майне, на которых демонстрируются флаги нашей страны и скандируются пророссийские лозунги. Согласно представленной федеральными землями статистике, в период с конца августа по начало ноября 2022 года в стране проведено более

4 400 мероприятий, посвященных климатической и энергетической повестке, пандемии коронавируса и украинскому кризису [18]. Допускаем, что отсутствие у правящих элит готовности принимать во внимание альтернативные точки зрения в условиях нарастания социально-экономической напряженности будет способствовать процессам фрагментации общества. По аналогии с периодом действия наиболее жестких коронавирусных ограничений основной негатив и агрессия вновь будут направлены в сторону представителей коммунальных властей и правоохранительных органов.

Правоохранители отмечают постепенный переход протестного элемента из крупных городских агломераций в провинцию [14]. Тенденция объясняется дефицитом возможностей организации досуга и событий, более высокой мобилизационной базой населения вследствие интенсивных межличностных контактов. В митингах наряду с причисляющими себя к т.н. движению «инакомыслящих» участвуют члены партии «АдГ» и объединения «ПЕГИДА» [2], представители ультраправых движений (национал-демократическая партия Германии, «III путь», «правые», «свободная Саксония») и других общественных объединений, состоящих из футбольных бо-

лельщиков, спортсменов или эзотериков. В отдельных случаях используется практики насильственных действий в отношении политических деятелей, медицинского персонала и работников социальной сферы. В 2020-2021 гг. уже проводились акции устрашения – факельные шествия и митинги рядом с местами проживания руководителей регионального уровня. С подобной формой «выражения общественного мнения» столкнулись как премьер-министры федеральных земель Мекленбург-Передняя Померания и Саксония, так и министры, курирующие в региональных парламентах вопросы обеспечения безопасности и здравоохранения. Экстремисты пытаются инструментализировать протестные настроения для продвижения собственной политической повестки, увеличения численности сторонников, сохранения в стране небольших очагов нестабильности и формирования гетерогенного общественного недоверия. Указывается на тесное взаимодействие радикалов центральной Германии, в особенности на уровне федеральных земель Саксония, Саксония-Ангальт и Тюрингия, а также информационную поддержку протестующих со стороны сочувствующих правоохранителей. В социальных сетях и мессенджерах создаются специальные группы и чаты, которые объединяют как сугубо убежденных антиваксеров, так и просто недовольных качеством жизни и находящихся в постоянном конфликте с обществом немцев. Другими каналами продвижения антисистемной позиции являются собственные малотиражные СМИ, интернет-сайты, сервисы онлайн-видеохостинга. Как отмечает депутат бундестага от Христианско-демократического союза Т. Фрай, государство должно для пресечения подобных мероприятий действовать комплексно, включая юридическое признание акций запугивания госслужащих отягощающим обстоятельством, привлечение к ответственности участников и проведение судебных процессов в отношении организаторов [1].

Опасностью для внутриполитической стабильности и национальной безопасности правоохранители называют т.н. «рейхсбюргеров» - самоназванных граждан Германского рейха в границах 1937 года [3], которые отказываются признавать легитимность современной Германии и политического строя, используют собственные документы и законодательную базу, готовы сопротивляться действующим властям вплоть до совершения государственного переворота. В движении «инакомыслящих» они классифицируются как экстремистское и радикальное крыло, которое находится под наблюдением МВД и федерального ведомства по защите конституции. Показательными стали полицейские рейды в декабре 2022 года, когда на территории Германии было задержано 23 человека по подозрению в подготовке

насильственного свержения существующего общественного строя и создании террористической организации.

Перспективы усугубления внутренних противоречий, утраты коммуникационных возможностей и нарастания конфронтационного потенциала вызывают обеспокоенность у политических элит и экспертов. Данная тематика неоднократно озвучивалась высшим руководством государства. Федеральный канцлер О. Шольц в своих выступлениях регулярно призывал граждан сплотиться и «держать друг друга под руку» на фоне возникших трудностей, включая рост цен на продукты питания, энергокризис, инфляцию и сохраняющиеся коронавирусные риски [20]. В рождественской речи 2022 года федеральный президент Ф.-В. Штайнмайер акцентировал необходимость выстраивать диалог между сторонниками и противниками подходов по борьбе с пандемией в целях сохранения единства страны. С аналогичных позиций высказывалась федеральный министр внутренних дел и по делам Отечества Н. Фезер, отмечая востребованность критики в адрес властей в демократическом обществе при условии ее осуществления согласно положениям действующей нормативно-правовой базы. Уполномоченный правительства Германии по делам восточных федеральных земель К. Шнайдер отмечает высокий уровень подготовки правых экстремистов в качестве организаторов протестных акций и недоработки федерального центра, который длительное время занимал выжидательную позицию, не пытаясь выработать механизмы для преодоления сложившейся ситуации. С другой стороны, в региональных политических элитах стараются разграничивать участников подобных мероприятий, воздерживаясь от паушальных обвинений в экстремизме. По мнению министра внутренних дел федеральной земли Бранденбург М. Штюбгена, большинство протестных акций проходят мирно, и митингующие не являются сторонниками радикальных течений. С аналогичных позиций высказывается министр внутренних дел федеральной земли Тюрингия Г. Майер, призывая усилить региональное взаимодействие и обмен информацией для противодействия проникновению в ряды демонстрантов правых радикалов, готовых к применению насилия [16].

Актуальные миграционные процессы – потенциал для внутриполитической дестабилизации

Несмотря на отсутствие алармистских высказываний со стороны политического руководства Германии и «громких» публикаций в СМИ по аналогии с событиями европейского миграционного кризиса 2014-2015 гг., усиление внешнего давления на Германию требует актуализации механизмов управления миграционными процессами. По итогам 2022 г. количество при-

бывших в поисках убежища иностранцев достигло 1 млн 290 тыс. чел. (80% из них - выходцы из Украины), что при отсутствии эффективного регулирования создает дополнительные вызовы для внутриполитической стабильности и национальной безопасности [4].

В данном контексте особую актуальность получают положения о миграционной политике коалиционного договора Социал-демократической партии, «Зеленых» и Свободной демократической партии, которые сформировали правительство ФРГ в 2021 году [13]. Особого внимания требуют вопросы переформатирования порядка рассмотрения поданных ходатайств на получение статуса беженца, который подразумевает ускоренную обработку обращений, унификацию судебных решений и процедуры рассмотрения документов. Несмотря на сохраняющуюся приверженность курсу на стимулирование практики добровольного возвращения на родину, предполагается интенсифицировать усилия по принудительной депортации преступников и потенциальных правонарушителей, что, в первую очередь, касается выходцев из кризисных регионов Ближнего Востока и Северной Африки. С весны 2023 г. упрощается процедура воссоединения семьи для лиц, находящихся под субсидиарной (дополнительной) защитой. Наряду с супругами, несовершеннолетними детьми и их родителями в страну теперь беспрепятственно смогут въехать братья и сестры мигрантов вместе с родителями. Востребованы усилия на треках интеграции, обеспечения равного доступа к образованию и трудовой деятельности, расширения прав выходцев из семей с миграционным фоном. Будет создана стратегия разнообразия в обществе совместно с представителями объединений мигрантов, функционирующих в государстве. Повышение научно-исследовательского потенциала ФРГ увязывается с упрощением порядка въезда и пребывания, обучения иностранных студентов.

Из других зафиксированных в документе приоритетов постепенно реализуются меры по усовершенствованию системы получения гражданства, включая проработку вопроса о закреплении права на наличие иного дополнительно к немецкому. Для легально проживающих в стране иностранцев до 5 лет сокращен срок, необходимый для получения гражданства. Родившиеся в семьях иностранцев дети получают гражданство в случае проживания одного из родителей в стране 5 и более лет. Поэтапно реформируется система получения немецкого паспорта представителями семей с миграционным фоном и потомками прибывших в страну иностранцев-гастарбайтеров после Второй мировой войны. Обострились риски обеспечения национальной безопасности на фоне попыток проникновения под видом беженцев участников боевых действий и поэтапного укрепления позиций этнических преступных сообществ. С аналогичных позиций высказываются в полицейской службе Европейского

союза, фиксируя попытки нелегального ввоза в страны запада оружия и боеприпасов с территории Украины [9]. Значимой внутренней угрозой государству является любая форма экстремизма (правый/левый расизм, исламизм, теории заговора), которая требует комплексного противодействия.

Спустя полтора года после прихода к власти раздел коалиционного договора, посвященный тематике миграции, продолжает вызывать широкую дискуссию в общественно-политических кругах Германии. По оценкам Христианско-демократического союза, формулировки документа свидетельствуют о повороте в миграционной политике, включая отказ от продвигавшегося ранее социал-демократами подхода по управлению и ограничению трансграничных перемещений людей. Особую обеспокоенность вызывает заинтересованность стимулировать т.н. притягивающие внешнюю миграцию факторы. Ключевой проблемой является упразднение установленного в 2018 году максимального лимита (до 1 тыс. чел. ежемесячно) для прибывающих в рамках процедуры воссоединения семей мигрантов, что допускает возможность приглашения находящимися в Германии беженцами своих родственников из стран происхождения. Поэтапное расширение критериев получения убежища и упрощение процедуры получения гражданства Германии ведет к увеличению количества иностранцев, прибывающих с подобными целями в страну и появлению дополнительных трудностей при интеграции в социум, что подтверждается украинским сюжетом. Процесс приема беженцев с Украины сопряжен с трудностями, включая регистрацию, размещение, предоставление социальных гарантий и организацию учебного процесса ввиду значительного количества среди прибывших несовершеннолетних, а также усовершенствование системы функционирования интеграционных курсов и преподавания немецкого языка [21, с. 59]. Эксперт в сфере миграции Й. Олтмер отмечает, что миграция не рассматривается новым правительством как угроза для безопасности, которая требует симметричной реакции. С аналогичных позиций высказывается специализирующаяся на миграционных процессах социолог С. Гесс, отмечая недостаточные изменения в контексте выработки новых механизмов национальной миграционной политики. Зампредседателя экспертного совета по вопросам интеграции и миграции Германии Д. Тим указывает на отсутствие конкретных предложений со стороны Берлина относительно переформатирования европейской миграционной политики (например, сохранение практики обработки ходатайств на получение статуса беженца на внешних границах ЕС, пересмотр критериев безопасных стран происхождения и др.). По мнению общественного объединения «ProAsyl», положения документа свидетельствуют о смещении ответственности за принятие решений о предоставлении гуманитарной защиты на страны, которые образу-

ют внешние границы Евросоюза и широко используют практику насильственного выдворения беженцев из страны. Другой аспект – значительные социально-экономические преференции украинским беженцам (в частности, отсутствие необходимости ходатайствовать о получении убежища, право на непрерывное пребывание в стране один год с возможностью продления, получение медицинской помощи, упрощенный допуск на рынок труда), что не находит понимания у выходцев из других государств, которые также прибыли в Германию в целях получения защиты и испытывают трудности с определением правового статуса, получением государственной поддержки [17].

Полагаем целесообразным отметить, что нарастание в среднесрочной перспективе социально-экономических проблем в комплексе с последствиями коронавируса и усилением геополитической неопределенности при дистанцировании элит от решения актуальных вопросов внутриполитической повестки будет способствовать повышению радикализации и конфликтогенности в немецком социуме. По аналогии с периодом острой фазы пандемии и санитарно-эпидемиологических ограничений нельзя исключать повторения случаев открытой демонстрации населением недовольства политическим курсом, в т.ч. выплеска неконтролируемой агрессии в отношении представителей власти и органов охраны правопорядка. В данном контексте сохранение внутреннего единства и стабильности не может опираться сугубо на публичную обструкцию и силовое противодействие деятельности представителей т.н. движения «инакомыслящих», а поиска вариантов диалога в целях недопущения его дальнейшей маргинализации, криминализации и расширения базы сторонников. Особое внимание необходимо уделить пресечению попыток экстремистов различной идеологической ориентации и целевой направленности укрепить в движении свои позиции, сместив акценты на комплексное недовольство текущей обстановкой в стране, включая вопросы миграции и безопасности.

Миграционный трек как потенциальный фактор дестабилизации внутриполитической ситуации в ФРГ приобретает в условиях украинского кризиса серьезное значение. Руководствуясь актуальной политической конъюнктурой и принципами европейской солидарности, Берлин фокусируется на приеме и оказании всеобъемлющей поддержки беженцам с Украины, включая предоставление значительных социально-правовых гарантий, лимитируя при этом поддержку и вызывая непонимание у выходцев из других кризисных регионов, находящихся в стране и нуждающихся в защите. Актуализировалась задача усовершенствования интеграционных курсов и иных адаптивных программ с учетом качественно-количественных изменений миграционного потока. За прошедшие после парламентских выборов полтора года правительство Германии несколько продвинулось в плане реализации сформулированных в

коалиционном договоре положений по регулированию миграции. В частности, поэтапно решаются обозначенные в документе задачи по реформированию института гражданства, упрощению процедуры воссоединения семьи для некоторых категорий беженцев и критериев осуществления трудовой деятельности. При этом отсутствуют серьезные сдвиги в плане реализации концепции добровольного возвращения в страну исхода лиц, которым отказано в получении убежища. Усиливаются риски проникновения под видом беженцев потенциальных правонарушителей, террористов и расширения возможностей для контрабанды оружия. На европейском треке не наблюдается консенсуса в отношении продвигаемого Берлином курса по переформатированию общей миграционной политики, основанной на принципах равного распределения ответственности по финансированию, размещению и интеграции прибывающих, а также противодействия вторичной миграции в рамках Евросоюза.

Литература

1. Антиваксеры в Германии: что делать с агрессивным меньшинством? URL: https://www.dw.com/ru/antivaksery-v-frg-chto-delat-s-agressivnym-menshinstvom/a-60040999 (дата обращения 08.02.2023).

2. О движении ПЕГИДА и проблемах миграционной политики в ФРГ. URL: https://www.imemo.ru/news/events/text/o-dvizhenii-pegida-i-problemah-migratsionnoy-politiki-v-frg (дата обращения 03.01.2023).

3. Рейхсбюргеры: кто это такие, и готовят ли они вооруженный мятеж в Германии. URL: https://rtvi.com/stories/reyskhbyurgery/ (дата обращения 20.03.2023).

4. Acht von zehn Schutzsuchenden kommen aus der Ukraine. URL: https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/pressemitteilungen/DE/2023/01/asylantraege2022.html (дата обращения 14.02.2023).

5. Aktuelle Zahlen aus dem Auslaenderzentralregistetr. URL: https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/kurzmeldungen/DE/2022/10/ukraine-zahlen.html (дата обращения 15.03.2023).

6. Corona-Demos: wie Rechtsextreme die Proteste radikalisieren. URL: https://www.morgenpost.de/politik/article234270611/corona-proteste-rechtsextreme-polizei-querdenker-greiz.html (дата обращения 25.03.2023).

7. COVID-19: Fallzahlen in Deutschland und weltweit. URL: https://www.rki.de/DE/Content/InfAZ/N/Neuartiges_Coronavirus/Fallzahlen.html (дата обращения 20.03.2023).

8. Die Gewalt der «Maskengegner». URL: https://www.tagesschau.de/investigativ/ndr-wdr/gewalt-maskengegner-101.html (дата обращения 13.03.2023).

9. Europol statement on the cooperation with Ukraine // Официальный сайт полицейской службе Европейского союза. URL: https://www.europol.europa.eu/media-press/newsroom/news/europol-statement-cooperation-ukraine (дата обращения 07.01.2023).

10. Pasewalck S. Migration und Flucht im (deutschen) Gegenwartstheater. Sujet – Subjekt – Stimme // Dynamische Gesellschaften – dynamische Kulturen. Sprachliche Verständigung im globalen Zeitalter. Universität Tampere. 2017. P. 135-154

11. Geheimdienste besorgt über Rechtsextremismus in Behoerden. URL: https://www.zeit.de/gesellschaft/zeitgeschehen/2021-10/verfassungsschutz-rechtsextremismus-bundeswehr-behoerden-netzwerke-geheimdienst (дата обращения 20.03.2023).

12. Gewalt gegen Polizei. URL: https://www.bka.de/DE/Presse/Listenseite_Pressemitteilungen/2022/Presse2022/221013_PM_BLB_Gewalt_Gegen_PVB.html (дата обращения 03.02.2023).

13. Koalitionsvertrag 2021–2025 zwischen der SPD, BUENDNIS 90/DIEGRUENENundFDP. URL: https://www.spd.de/koalitionsvertrag2021/ (дата обращения 10.02.2023).

14. Polarisierung mobilisiert starker. URL: https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/proteste-energiepreise-101.html (дата обращения 10.02.2023).

15. Proteste in Ostdeutschland. URL: https://www.tagesschau.de/inland/proteste-ostdeutschland-energiekrise-101.html (дата обращения 20.03.2023).

16. Protest Ost, Problem Ost? URL: https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/ost-innenminister-101.html (дата обращения 21.03.2023).

17. Regierung muss flüchtlingspolitische Verbesserungen aus Koalitionsvertrag umsetzen. URL: https://www.proasyl.de/news/2023-regierung-muss-fluechtlingspolitische-verbesserungen-aus-koalitionsvertrag-umsetzen/ (дата обращения 06.01.2023).

18. Sie wollen der Bevölkerung Angst einjagen. URL: https://www.tagesschau.de/inland/extremisten-bei-demonstrationen-101.html (дата обращения 04.02.2023).

19. Veränderte Kriminalitätslage durch Corona. URL: https://www.behoerden-spiegel.de/2022/08/10/veraenderte-kriminalitaetslage-durch-corona/ (дата обращения 12.03.2023).

20. Wenn wir uns unterhaken, sind wir stark. URL: https://www.zeit.de/politik/deutschland/2022-07/olaf-scholz-zusammenhalt-bevoelkerung-inflation?page=12 (дата обращения 05.01.2023).

21. Zauer M. Integrationsprozesse, wirtschaftliche Lage und Zufriedenheit tuerkeistaemmiger Zuwanderer in Nordrhein-Westfalen, Ergebnisse der Mehrthemenbefragung 2013, eine Analyse in Kooperation mit dem Ministerium für Arbeit, Integration und Soziales des Landes Nordrhein-Westfalen. Stiftung Zentrum für Türkeistudien und Integrationsforschung (ZfTI). Essen, 2014. 59 p.

References

1. Antivaksery v Germanii: chto delat' s agressivnym men'shinstvom? URL: https://www.dw.com/ru/antivaksery-v-frg-chto-delat-s-agressivnym-menshinstvom/a-60040999 (data obrashcheniya 08.02.2023).

2. O dvizhenii PEGIDA i problemakh migratsionnoi politiki v FRG. URL: https://www.imemo.ru/news/events/text/o-dvizhenii-pegida-i-problemah-migratsionnoy-politiki-v-frg (data obrashcheniya 03.01.2023).

3. Reikhsbyurgery: kto eto takie, i gotovyat li oni vooruzhennyi myatezh v Germa-nii. URL: https://rtvi.com/stories/reyskhbyurgery/ (data obrashcheniya 20.03.2023).

4. Acht von zehn Schutzsuchenden kommen aus der Ukraine. URL: https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/pressemitteilungen/DE/2023/01/asylantraege2022.html (data obrashcheniya 14.02.2023).

5. Aktuelle Zahlen aus dem Auslaenderzentralregistetr. URL: https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/kurzmeldungen/DE/2022/10/ukraine-zahlen.html (data obrashcheniya 15.03.2023).

6. Corona-Demos: wie Rechtsextreme die Proteste radikalisieren. URL: https://www.morgenpost.de/politik/article234270611/corona-proteste-rechtsextreme-polizei-querdenker-greiz.html (data obrashcheniya 25.03.2023).

7. COVID-19: Fallzahlen in Deutschland und weltweit. URL: https://www.rki.de/DE/Content/InfAZ/N/Neuartiges_Coronavirus/Fallzahlen.html (data obrashcheniya 20.03.2023).

8. Die Gewalt der «Maskengegner». URL: https://www.tagesschau.de/investigativ/ndr-wdr/gewalt-maskengegner-101.html (data obrashcheniya 13.03.2023).

9. Europol statement on the cooperation with Ukraine. Ofitsial'nyi sait poli-tseiskoi sluzhbe Evropeiskogo soyuza. URL: https://www.europol.europa.eu/media-press/newsroom/news/europol-statement-cooperation-ukraine (data obrashcheniya 07.01.2023).

10. Pasewalck S. Migration und Flucht im (deutschen) Gegenwartstheater. Sujet – Subjekt – Stimme. Dynamische Gesellschaften – dynamische Kulturen. Sprachliche Verständigung im globalen Zeitalter. Universität Tampere. 2017. P. 135-154

11. Geheimdienste besorgt über Rechtsextremismus in Behoerden. URL: https://www.zeit.de/gesellschaft/zeitgeschehen/2021-10/verfassungsschutz-rechtsextremismus-bundeswehr-behoerden-netzwerke-geheimdienst (data obrashcheniya 20.03.2023).

12. Gewalt gegen Polizei. URL: https://www.bka.de/DE/Presse/Listenseite_Pressemitteilungen/2022/Presse2022/221013_PM_BLB_Gewalt_Gegen_PVB.html (data obrashcheniya 03.02.2023).

13. Koalitionsvertrag 2021–2025 zwischen der SPD, BUENDNIS 90/DIEGRUENENundFDP. URL: https://www.spd.de/koalitionsvertrag2021/ (data obrashcheniya 10.02.2023).

14. Polarisierung mobilisiert starker. URL: https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/proteste-energiepreise-101.html (data obrashcheniya 10.02.2023).

15. Proteste in Ostdeutschland. URL: https://www.tagesschau.de/inland/proteste-ostdeutschland-energiekrise-101.html (data obrashcheniya 20.03.2023).

16. Protest Ost, Problem Ost? URL: https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/ost-innenminister-101.html (data obrashcheniya 21.03.2023).

17. Regierung muss flüchtlingspolitische Verbesserungen aus Koalitionsvertrag umsetzen. URL: https://www.proasyl.de/news/2023-regierung-muss-fluechtlingspolitische-verbesserungen-aus-koalitionsvertrag-umsetzen/ (data obrashcheniya 06.01.2023).

18. Sie wollen der Bevölkerung Angst einjagen. URL: https://www.tagesschau.de/inland/extremisten-bei-demonstrationen-101.html (data obrashcheniya 04.02.2023).

19. Veränderte Kriminalitätslage durch Corona. URL: https://www.behoerden-spiegel.de/2022/08/10/veraenderte-kriminalitaetslage-durch-corona/ (data obrashcheniya 12.03.2023).

20. Wenn wir uns unterhaken, sind wir stark. URL: https://www.zeit.de/politik/deutschland/2022-07/olaf-scholz-zusammenhalt-bevoelkerung-inflation?page=12 (data obrashcheniya 05.01.2023).

21. Zauer M. Integrationsprozesse, wirtschaftliche Lage und Zufriedenheit tuerkeistaemmiger Zuwanderer in Nordrhein-Westfalen, Ergebnisse der Mehrthemenbefragung 2013, eine Analyse in Kooperation mit dem Ministerium für Arbeit, Integration und Soziales des Landes Nordrhein-Westfalen. Stiftung Zentrum für Türkeistudien und Integra-tionsforschung (ZfTI). Essen, 2014. 59 p.

Н.А. Григорьев

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация

В работе исследована региональная политика в отношении регионов Дальневосточного федерального округа России, которая определяется различными факторами. Региональная политика является интегрирующим фактором во взаимодействии двух уровней власти – центра и регионов, что сказывается на развитии федерализма. Федеративные отношения влияют на механизмы финансовой и инвестиционной политики, тем самым определяя компенсаторский подход в региональной политике. Были проанализированы основные теоретические подходы в изучении концепта федерализма, а также охарактеризованы основные этапы развития данного политико-административного устройства в России. Определены основные подходы в региональной политике, а также на примере зарубежных стран и в России. Дальневосточный регион является приоритетным объектом политики по причине совокупности социально-экономических и геополитических факторов. Институциональное оформление региональной политики на Дальнем Востоке сопровождалось созданием новых органов власти, такие как Министерство Дальнего Востока, или Инвестиционный фонд. Были разработаны различные концепции и стратегии развития. Особенно развивается инвестиционная политика, результатом которой стало создание территорий опережающего социально-экономического развития. Наблюдается политика по снижению

N. Grigorev

STATE REGIONAL POLICY FOR THE DEVELOPMENT OF THE REGIONS OF THE RUSSIAN FAR EAST IN THE CONDITIONS OF FEDERAL RELATIONS

Abstract

This paper explores the regional policy in relation to the regions of the Far Eastern Federal District of Russia, which is determined by various factors. Regional policy is an integrating factor in the interaction of two levels of power - the center and the regions, which affects the development of federalism. Federal relations influence the mechanisms of financial and investment policy, thereby determining the compensatory approach in regional policy. The main theoretical approaches to the study of the concept of federalism were analyzed, and the main stages in the development of this political and administrative structure in Russia were characterized. The main approaches in regional policy are determined, as well as on the example of foreign countries and in Russia. The Far East region is a priority policy object due to a combination of socio-economic and geopolitical factors. The institutionalization of the regional policy in the Far East was accompanied by the creation of new authorities, such as the Ministry of the Far East, or the Investment Fund. Various concepts and development strategies have been developed. The investment policy is especially developing, the result of which was the creation of territories of advanced socio-economic development. There is a policy to reduce the outflow of the population in the form of the adoption of special programs for the Far Eastern hectare and preferential mortgages. The success of the implementation of regional policy

оттока населения в виде принятия специальных программ по дальневосточному гектару и льготной ипотеке. Успех реализации региональной политики во много зависит от четкого распределения полномочий центра и регионов. Необходимо, чтобы региональные и местные власти имели механизмы влияния на принятие решений, что также положительно скажется на развитии федеративных отношений.

largely depends on a clear distribution of powers between the center and the regions; it is necessary that regional and local authorities have mechanisms to influence decision-making, which will also have a positive impact on the development of federal relations.

Ключевые слова:
Россия, Дальний Восток, региональная политика, федерализм, регионы, инвестиционная политика, органы власти.

Key words:
Russia, Far East, regional policy, federalism, regions, investment policy, authorities.

https://doi.org/10.24412/2227-1538-2023-4-173-185

В условиях федеративного устройства российского государства актуализируется политика развития местных территорий в экономике, социальной сфере, в стабильном политическом развитии. В XXI веке успех модернизации определяется многими факторами, среди которых это эффективное управление, развитие технологий и инноваций, уровень человеческого, социального капитала и др. Также важным условием эффективности является равномерное развитие центра и регионов, при котором не возрастает разрыв в уровне социально-экономического положения. В реализации региональной политики определяется уровень взаимодействия двух основных акторов – федерального центра и регионов.

Основными задачами региональной политики являются сокращение в уровне развития между регионами, развитие социально-экономической сферы, а также национальная безопасность. Данный концепт является междисциплинарным, поскольку изучается в рамках нескольких научных направлений, среди которых это экономика, география, политическая наука и др. В большинстве отечественных работ выделяются экономические и хозяйственные факторы в развитии региональной политики [1], в которых регион определяется как административное образование с местной специализацией производства.

В определении региональной политики в научных работах также можно наблюдать акцентирование на экономическом подходе. Исследователи О. Кузнецова и Н. Зубаревич, выделяют факторы уровня развития жизни населения местных территорий, отраслевой специализации и т.д. [9; 19]. Комплексный подход в исследование региональной политики встречается в работах Б. Штульберг, И. Пальговой, В. Лексина, А. Швецова [10; 13; 27]. Безусловно, органы власти ставят задачи в социальной сфере, экономике, а также в ста-

бильном политическом развитии регионов, национальной безопасности, а в некоторых государствах это обеспечение стабильности в этнополитической сфере.

Основным актором региональной политики является государство. В условиях федеративного устройства выделяются политические элиты федерального центра и регионов. В рамках политической регионалистики регион выделятся как условно самостоятельный политический институт, который выстраивает особые отношения с центром [24]. Региональная политика в этих условиях выступает консолидирующим фактором в уровне взаимодействия и в целом в развитии федеративных отношений. Таким образом, региональную политику в рамках федеративного государства можно определить, как совместные действия федерального центра и регионов, направленные на социально-экономическое, политическое развитие местных территорий, а также обеспечение национальной безопасности. Как отмечают исследователи Е. Бухвальд и О. Иванов, региональная политика должна перейти к «саморазвитию», что означает большая субъектность регионов [2].

В России региональная политика развивалась параллельно со строительством федеративных отношений. Само понятие федерализм является широким, куда входит не только определение территориально-административного образования, но и процессы федерализации, а также становление особой политической культуры. Политические элиты и население осознают необходимость и ценности федерализма, равного взаимодействия двух уровней власти. Среди основных признаков федеративного государства можно выделить это, двухпалатный парламент (бикамерализм), в котором верхняя палата выражает интересы субъектов, а также законодательное оформление разграничения полномочий двух уровне власти в правовой сфере и в межбюджетных отношениях.

Концепт федерализма является одной из актуальных тем исследований в политической науке. Зарубежные исследователи во многом обращали внимание на кооперативность в федерациях, где территориальные образования (штаты, провинции, земли и т.д.) имеют широкие полномочия [29; 30]. Также в работах указывалось, что в сложносоставных политиях, с разным этнонациональным, религиозным составом, а также с большой территориальной протяженностью, складывается федеративное устройство (США, Канада, Россия, Индия, Бразилия, Бельгия и др.) [31]. За последнее время в мире наблюдаются процессы децентрализации, где постепенно часть центральных функций государства делегируются другим уровням власти (регионам и местного самоуправления), а также возникают интеграционные объединения.

В современной России развитие федерализма условно можно разделить на два периода, а именно в 1990-е гг. и в 2000-е гг. Федеративный договор

1992 года и Конституция 1993 года определили разграничение полномочий федерального центра и субъектов. В первое десятилетие во время президентства Б. Ельцина можно отметить такие явления, как договорной характер, когда с национальными республиками были подписаны особые соглашения в экономической и социальной сферах. Например, в период главы субъекта (тогда обозначался как президент) Республики Саха (Якутия) М. Николаева были подписаны договора по вопросам добычи ресурсов, определения компетенций в экономической и социальной сферах [21; 25; 11]. Как отмечает исследователь Ю. Полякова, федеральный центр выстраивал отношения с региональными элитами исходя из социально-экономического положения субъекта, а также из уровня лоббистских возможностей губернаторов, определив такие механизмы как национальная республика, модернизированный регион, депрессивный регион [15].

В 2000-е гг. начинается новый, централизованный этап развития российского федерализма. Президентом В. Путиным были определены задачи стабилизации в государстве, усиление позиций федерального центра. Укрепление вертикали власти сопровождалось такими мерами, как создание федеральных округов и института полномочных представителей Президента. Также можно отметить реформирование формирования верхней палаты парламента Совета Федерации, а также отмена прямых выборов Глав субъектов в 2005 г.

На современном этапе четко определены разграничение полномочий центра и регионов в межбюджетных отношениях, в правовой и налоговой сферах. С 2012 года в России вернули практику прямых выборов Глав субъектов. По мнению российских политологов, на сегодня продолжается развитие основных политических институтов федерализма [23]. Также развитие федеративных отношений в России менее зависит от институциональной системы, а в большей от неформальных отношений, определяемых как патронажно-клиентельные [5]. В период пандемии руководители субъектов получили дополнительные полномочия, поскольку в условиях возникновения чрезвычайных ситуаций, власти на местах эффективно решают возникающие проблемы.

Одной из задач региональной политики является политика развития наиболее развитых субъектов государства. Необходимо отметить, что подобная практика редко встречается в современном мире. Поэтому чаще реализуется выравнивающий, или компенсаторский подход в реализации региональной политики. Суть данного подхода заключается в выравнивании уровня социально-экономического развития регионов, при котором в отношении наиболее слабых субъектов выделяются финансовые средства, создаются особые экономические зоны.

В зарубежных федерациях, как правило, реализуется компенсаторский подход. В США существует система грантов, которые выделяются штатам, отстающих по многим социально-экономическим показателям (Миссисипи, Аризона, Теннеси и др.) [20]. В то же время в отношении наиболее развитых штатов существует поддержка и стимуляция местного развития, среди которых особенно выделяется научно-технологическая сфера (штат Калифорния и Кремниевая долина, штат Вашингтон и город Сиэтл и др.). В Канаде существует похожая ситуация, где в отношении наиболее слабых провинций, такие как Саскачеван или северные территории, выделяется финансовая помощь в виде дотаций. Наиболее развитые провинции географически находятся на юге и западе страны, где сосредоточены основные промышленные зоны, городские агломерации (Онтарио, Британская Колумбия, Квебек и др.).

В Европейском Союзе как в интеграционном объединении также реализуется компенсаторский подход в реализации региональной политики [20]. В данном образовании наблюдаются процессы децентрализации, при котором существуют разные уровни власти. Можно выделить общеевропейские органы власти, власть государств, регионов (если речь идет о федерациях вроде ФРГ, Бельгии, Швейцарии), а также уровень полномочий местной власти (муниципалитетов, графств, городов и др.). Политика финансовой поддержки может быть адресована как отдельным странам, в которых могут возникнуть экономические кризисы, так и в отношении отдельных регионов внутри стран.

В Китайской Народной Республике реализуется смешанный подход в региональной политике [20]. Особо можно выделить такой механизм, как создание особых экономических зон, создаваемые в основном на востоке страны, морском побережье и в крупных городах-мегаполисах. Также можно выделить особый геополитический подход в реализации региональной политики, в рамках которого центральная власть развивает территории, где сложилась непростая этнополитическая ситуация (Синьцзян-Уйгурский автономный район, Тибетский автономный район и др.).

Институциональное оформление региональной политики в Российской Федерации часто менялось с возникновением или исчезновением органов власти, отвечающих за данную сферу. На протяжении 1990-х гг. были разные исполнительные органы власти, такие как Министерство по делам национальностей и региональной политике, Министерство по делам национальностей и федеративным отношениям, Министерство региональной и национальной политики и т.д. В 2000-е гг. все функции региональной политики были переданы Министерству экономического развития, а отдельное ведомство было ликвидировано. С 2012 года появились отдельные надминистерские структуры,

отвечающие за отдельные приоритетные макрорегионы, такие как Министерства по Дальнему Востоку, Северному Кавказу и Крыму.

Нормативно-правовая составляющая реализации региональной политики в России также часто претерпевала изменения. В 1996 году был выпущен Указ Президента РФ Б.Н. Ельцина «Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации» [28], в котором были определены основные приоритеты, такие как сокращение в уровне развития субъектов и поддержка наиболее развитых регионов. В 2014 году была принята отдельная программа по региональной политике «Региональная политика и федеративные отношения», нацеленная на сбалансированное развитие регионов и укрепление федеративных отношений [16]. Сама программа состояла из отдельных частей, такие как «Совершенствование федеративных отношений и механизмов управления региональным развитием»; «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России»; «Оказание содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом».

Одним из механизмов региональной политики в России является создание особых экономических зон в приоритетных регионах, смысл которых заключается в поощрении инвестиций, снижении налогов и упрощении правовой деятельности. Такие зоны создавались, как правило, в крупных морских портах, где происходила торговля с зарубежными странами (Владивосток, Мурманск и др.). Был создан отдельный Инвестиционный фонд РФ, средства из которого выделялись для поддержки наиболее экономически уязвимых территорий.

Межбюджетные отношения являются важным фактором в развитии федеративных отношений и реализации региональной политики в России. В 1990-е гг. сложилась децентрализованная система, где налоговые отчисления распределялись не только в большей степени в федеральный бюджет, но также и в региональные бюджеты. В 2000-е гг. также произошла централизация налоговой сферы и межбюджетных отношений, сократился региональный бюджет, местные власти получили больше полномочий в социальной сфере.

За последние годы можно наблюдать активные меры властей по развитию Дальнего Востока России. В данном макрорегионе существует совокупность факторов, которые указывают на необходимость скорейшего и эффективного решения проблем [7; 22]. Во-первых, стоит выделить природно-климатические, географические, пространственные факторы. Отдаленность от центра, слабая сеть железных дорог, транспортная инфраструктура осложняют развитие местной экономики. Суровый, континентальный, арктический климат, зона вечной мерзлоты также влияют на местное развитие и уровень жизни людей [26].

Также следует добавить экономические факторы, среди которых это слабый уровень производящей промышленности, большой уровень экспортной экономики. Однако за последние годы происходит устойчивый рост ВРП, среди которых это сельское хозяйство, добыча полезных ископаемых, обрабатывающая промышленность и др. Как следует из доклада министра РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики А. Чекункова, несмотря на сложную внешнеполитическую ситуацию, в 2022 году был рост инвестиций в основной капитал, рост розничной торговли, выросло производство сельского хозяйства, 8 из 11 регионов ДФО зафиксируют рост валового регионального продукта [5].

Также к проблемам Дальнего Востока стоит добавить демографические факторы, убыль населения. За последние десятилетия не снижается отток населения в другие регионы России, а также высокий уровень смертности, несмотря на заявления о постепенном замедлении тренда депопуляции. Численность населения округа по данным Росстата составляет 7 903 864 чел. (2023). Плотность населения – 1,14 чел./км2 (2023). Городское население — 74,23% (2022) [12].

Приоритетное развитие регионов Дальнего Востока немаловажно определяется геополитическими факторами [3]. В условиях многополярного мира появляются новые центры мировой экономики, среди которых важное значение занимает Азиатско-Тихоокеанский регион. Бурно развивающиеся азиатские страны, Китай, Япония, а также «новые азиатские тигры», среди которых это Сингапур, Южная Корея, Малайзия и др. создают элементы конкуренции в данном макрорегионе. Российские власти давно осознают данные факторы, определив особую роль развития Дальнего Востока, что видно в декларациях, нормативно-правовой сфере и институциональном оформлении реализации региональной политики.

Дальневосточный федеральный округ (ДВФО), как и остальные макрорегионы, был образован в 2000 году Центральным городом был определен Хабаровск, затем в 2018 году Владивосток. За последние 5 лет в состав ДВФО были включены Забайкальский край, Республика Бурятия, что усилило многонациональный состав местного населения. Например, Республика Саха (Якутия) является национальным образование на территории Дальнего Востока, и самым большим субъектом в Российской Федерации. За прошедшие два десятилетия сменилось несколько полномочных представителей президента (К. Пуликовский, К. Исхаков, О. Сафонов, В. Ишаев, Ю. Трутнев с 2013 года), что говорит о сложности данного макросубъекта.

В 2012 году было впервые образовано отдельное федеральное ведомство, курировавшее вопросы одного региона, а именно Министерство РФ по развитию Дальнего Востока, а первым министром был назначен бывший гу-

бернатор Хабаровского края В. Ишаев. На созданное министерство были возложены функции координации деятельности по реализации государственных программ и федеральных целевых программ, управления федеральным имуществом, контроля осуществления органами государственной власти субъектов Российской Федерации полномочий Российской Федерации [12].

Необходимо отметить, что новые идеи институционального управления Дальним Востоком появлялись еще в 2000-е гг. Тогда возникла идея о создании т.н. государственной корпорации по развитию Дальнего Востока, которая бы контролировала всю инвестиционную сферу и финансовые потоки. Однако данная идея была отвергнута в правительстве, поскольку возникновение такой крупной экономической корпорации могло бы внести сложности в налоговую сферу, а также противоречит идеологии развития рыночной экономики. К тому же, федеральные и региональные органы власти не имели бы механизмов влияния на деятельность корпорации, которая бы по идее подчинялась только напрямую Президенту и контролировалась Счетной Палатой. Данные обстоятельства могли бы повлиять на развитие не только региональной политики в России, но и на федеративные отношения.

В 2013 году в федеральном правительстве появилась должность вице-премьера, который курировал вопросы Дальнего Востока, а также меры по ликвидацию паводка 2013 года. На эту должность был назначен бывший министр природных ресурсов Ю. Трутнев. Наблюдатели характеризовали его как эффективного менеджера с большими лоббистскими возможностями. Федеральный центр определил крупные задачи развития макрорегиона, с появлением новых институциональных и инвестиционных проектов.

30 апреля 2015 года было подписано Постановление Правительства РФ «Об управляющей компании, осуществляющей функции по управлению территориями опережающего социально-экономического развития в субъектах Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа» [17]. На месте акционерного общества «Московской материально-технической базы» была создана корпорация развития Дальнего Востока, правами акций которой от имени Российской Федерации будет обладать Министерство по развитию Дальнего Востока. В рамках закона о территориях опережающего развития, управляющая компания контролирует территории опережающего развития, выступает в качестве застройщика объектов инфраструктуры ТОРов; ведет реестр резидентов ТОРов [17].

На протяжении 1990-2000-х гг. федеральный центр неоднократно разрабатывал нормативно-правовую базу реализации региональной политики на Дальнем Востоке [13, с. 75-76]. Наиболее целая и комплексная программа была создана в 2014 году под названием «Социально-

экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» [18]. Данный документ включает в себя две целевые программы и одну подпрограмму: федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока на период до 2018 года», федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинская область) на 2007-2015 годы», подпрограмма «Обеспечение реализации государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» и прочие мероприятия в области сбалансированного территориального развития» [18]. Были поставлены задачи комплексного развития регионов в социально-экономической сфере, транспортной доступности, приросте населения и т.д. Однако не были четко определены источники финансирования данных программ, федерального или региональных бюджетов.

Важным механизмом реализации региональной политики в отношении регионов ДВФО является стимулирование инвестиций, что привело к созданию отдельного Инвестиционного фонда развития Дальнего Востока и Забайкальского края. В результате были внедрены особые экономические зоны в виде территорий опережающего социально-экономического развития (ТОРы) [13; 17]. Суть их функционирования мало чем отличалась от существовавших ранее особых экономических зон, предполагающих создание системы льготного ведения бизнеса, низкие налоги, особенности государственного контроля и т.д. Создание таких ТОРов носило преимущественно централизованный характер, поскольку региональные и муниципальные власти имеют мало механизмов влияния на их деятельность, что является фактором в развитии региональной политики и федеративных отношений.

Деятельность ТОРов функционирует в рамках преобразованного в 2021 году Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики. На сегодня функционирует 21 ТОР в регионах ДВФО. Эксперты отмечают риски деятельности ТОРов, среди них это угроза монополии иностранных инвесторов в экономических зонах. Также указывается на недостаточный государственный контроль при регистрации предприятий, а также малая степень привлечения рабочей силы на местах [8]. Тем не менее, также отмечается прирост инвестиций в регионах Дальнего Востока, снижение оттока населения.

Существует и другие механизмы развития регионов Дальнего Востока [13]. Необходимо выделить проект «дальневосточного гектара», который функционирует с 2016 года. Суть данной программы заключается в возможности населению приобретать земельные участки на Дальнем Востоке, в освоении и развитии регионов. Задачами программы были определены как освое-

ние свободных территорий, снижение оттока местного населения, привлечение граждан на постоянное место жительства и т.д.

Землю получили почти 78 тыс. чел. Наибольшее количество земельных участков предоставлено в Приморском крае – 21 тыс. га, в Республике Саха (Якутия) – 13,7 тыс. га, в Хабаровском крае – 12 тыс. га [12]. Среди сложностей в реализации проекта отмечается отдаленность земельных участков от инфраструктуры, городов, более низкие условия жизни, чем в среднем от городов Центральной России. Жители Дальневосточного региона приобрели 90% земельных участков.

Также в контексте стимулирования миграции населения на Дальний Восток была внедрена программа Дальневосточной ипотеки. В ней предусмотрены наиболее льготные условия для приобретения жилья: кредит по ставке 2% годовых сроком до 20 лет. Однако кредитом могут воспользоваться не все, в основном молодые семьи до 35 лет, или одинокий родитель с ребенком до 18 лет. В целом, можно положительно оценить меры государства по льготной ипотеке в стимулировании притока населения на Дальний Восток, а также в целом в семейной политике [13, с. 77].

Таким образом, государственная региональная политика в отношении Дальневосточного региона России актуализируется многими факторами. Данный макрорегион стал объектом активной политики по причине социально-экономических причин и геополитических факторов. Институциональное оформление управления сопровождалось созданием новых органов власти, такие как, отдельное федеральное министерство, или отдельная Корпорация по Дальнему Востоку и Арктике. Главными механизмами реализации региональной политики стали принятие стратегий развития, межбюджетные отношения и развитие инвестиционной политики. Стали реализовываться территории опережающего социально-экономического развития с особыми налоговыми и административными преференциями. Также наблюдается политика в отношении депопуляции населения, в результате внедряются программы, как дальневосточный гектар и льготная ипотека. Безусловно, такой селективный подход в реализации региональной политики, когда создаются приоритетные точки роста, могут дать положительные результаты. В то же самое время должны быть четко определены полномочия институтов, отвечающих за реализацию данной политики, а также региональных и местных органов власти. Региональная политика выступает интегрирующим фактором в уровне взаимодействия центра и регионов, что определяет не только успех данной политики, но и в целом федеративных отношений.

Литература

1. Арженовский И.В. Региональный рынок: воспроизводственный аспект. Нижний Новгород, 1997. 186 с.

2. Бухвальд Е.М., Иванов О.Б. Стратегия пространственного развития и основные направления ее актуализации // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2021. №1. С. 7-23.

3. Зубаревич Н. Геополитические приоритеты в региональной политике России: возможности и риски // Контрапункт. 2015. №1. С. 1-11.

4. Исаев А.Г. Инструменты политики экономического развития Дальнего Востока в контексте региональной экономической безопасности // Регионалистика. 2018. Т. 5. №6. С. 70–82.

5. «Испытание на прочность»: итоги развития Дальнего Востока и Арктики в 2022 году // PrimaMedia. 26.12.2022. URL: https://sakhalinmedia.ru/news/1424650/. (дата обращения 15.06.2023).

6. К новой модели российского федерализма / Под общ. ред. А. Рябова, А. Захарова, О. Здравомысловой. Москва: Изд-во «Весь Мир», 2013.

7. Козлов Л.Е. Региональная политика России на Дальнем Востоке: обзор актуальных исследований // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. №1. С. 88–97.

8. Конищев Е.С., Неткачев К.И. Особенности и риски функционирования территорий опережающего социально-экономического развития в России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. №10(2). С. 112-117.

9. Кузнецова О.В. Региональная политика России: 20 лет реформ и новые возможности. Москва, 2013. 293 с.

10. Лексин В.Н. Федеративная Россия и ее региональная политика. Москва: ИНФА-М, 2008. 352 с.

11. Маклашова Е.Г. Государственная власть в современных политических условиях (на материалах Республики Саха (Якутия)): автореф. дис. … канд. полит. наук. Хабаровск, 2004. 24 с.

12. Официальный сайт Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктике. URL: https://minvr.gov.ru/ (дата обращения 15.06.2023).

13. Петрова М.В., Шумилов А.В., Шумилова О.В. Геополитические аспекты переосвоения Российской Арктики: от сотрудничества к экспансии // PolitBook. 2022. №4. С. 74-97.

14. Подведены итоги социально-экономического развития Дальнего Востока в 2022 году // Объясняем. РФ. URL: объясняем.рф/articles/news/podvedeny_itogi_sotsialno_ekonomicheskogo_razvitiya_dalnego_vostoka_v_2022_godu/ (дата обращения 15.06.2023).

15. Полякова Ю.С. Типология и прогнозирование моделей взаимоотношений на уровне «федеральный центр – региональная политическая элита» // Известия высших учебных заведений, Поволжский регион, общественные науки. 2008 №2. С. 60-61.

16. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. №307 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Региональная политика и федеративные отношения». Система ГАРАНТ. URL: http://base.garant.ru/70644074/#ixzz3lclrPMwJ (дата обращения 15.06.2023).

17. Постановление от 30 апреля 2015 г. №432 «Об управляющей компании, осуществляющей функции по управлению территориями опережающего социально-экономического развития в субъектах Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа». Справочная правовая система «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_179059/ (дата обращения 15.06.2023).

18. Постановление Правительства РФ №308 «Об утверждении новой редакции государственной программы «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона». Сайт Правительства РФ. URL: http://government.ru/docs/11959/ (дата обращения 15.06.2023).

19. Регион как субъект политик и общественных отношений / Под ред. Н.В. Зубаревич. Москва: МОНФ, 2000. 224 с.

20. Региональная политика: зарубежные опыт и российские реалии / Под ред. А.В. Кузнецова, О.В. Кузнецовой. Москва: ИМЭМО РАН, 2015. 137 с.

21. Республика Саха (Якутия) в годы распада СССР и формирования новой политической системы Российской Федерации / Авт. И.С. Сивцев, А.А. Бурцев, А.И. Гоголев, Е.Г. Егоров, О.Г. Сидоров. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2012. 239 с.

22. Степанов Н.С., Соколовская Е.А. Место Дальнего Востока в перспективной модели развития Российской Федерации // Федерализм. 2021. Т. 26. №3(103). С. 29–49.

23. Туровский Р. Российский квазифедерализм: состояние и перспективы // К новой модели российского федерализма / Под общ. ред. А. Рябова, А. Захарова, О. Здравомысловой. Москва: Издательство «Весь Мир», 2013. 328 с.

24. Туровский Р.Ф. «Центр и регионы: проблемы политических отношений». М., 2007. 400 с.

25. Фарукшин М.Х. Состояние российского федерализма: взгляд из региона // Политическая наука. 2011. № 4. С. 97-119.

26. Федерация: проблемы взаимоотношений центра и регионов в современной системе координат / В.Б. Игнатьева. Якутск: Изд-во СО РАН, Якутский филиал, 2007. 372 с.

27. Широкова Л.Н., Мосина Л.Л., Старокожева В.П. Основные социально-экономические проблемы Дальнего Востока // 2022. №4.

28. Штульберг Б.М., Введенский В.Г. Региональная политика России: теоретические основы, задачи и методы реализации. Москва: Гелиос АРВ, 2000. 208 с.

29. Указ от 3 июня 1006 г. №803 «Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации». URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW&n=10590&req=doc (дата обращения 16.06.2023).

30. Elazar D. Exploring Federalism. Tuscaloosa and London: University of Alabama Press, 1987.

31. Riker W.H. Federalism: Origin, Operation, Significance. Boston: Little Brown, 1964.

32. Stepan A. Federalism and Democracy: beyond the U.S. model // Journal of Democracy. 1999. Vol. 10. №4.

References

1. Arzhenovskii I.V. Regional'nyi rynok: vosproizvodstvennyi aspekt. Nizhnii Novgorod, 1997. 186 s.

2. Bukhval'd E.M., Ivanov O.B. Strategiya prostranstvennogo razvitiya i osnovnye napravleniya ee aktualizatsii. ETAP: Ekonomicheskaya Teoriya, Analiz, Praktika. 2021. №1. S. 7-23.

3. Zubarevich N. Geopoliticheskie prioritety v regional'noi politike Rossii: vozmozhnosti i riski. Kontrapunkt. 2015. №1. S. 1-11.

4. Isaev A.G. Instrumenty politiki ekonomicheskogo razvitiya Dal'nego Vostoka v kontekste regional'noi ekonomicheskoi bezopasnosti. Regionalistika. 2018. T. 5. №6. S. 70–82.

5. "Ispytanie na prochnost'": itogi razvitiya Dal'nego Vostoka i Arktiki v 2022 godu. PrimaMedia. 26.12.2022. URL: https://sakhalinmedia.ru/news/1424650/. (data obrashcheniya 15.06.2023).

6. K novoi modeli rossiiskogo federalizma / Pod obshch. red. A. Ryabova, A. Zakharova, O. Zdravomyslovoi. Moskva: Izd-vo «Ves' Mir», 2013.

7. Kozlov L.E. Regional'naya politika Rossii na Dal'nem Vostoke: obzor aktual'nykh issledovanii. Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2020. №1. S. 88–97.

8. Konishchev E.S., Netkachev K.I. Osobennosti i riski funktsionirovaniya territorii operezhayushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya v Rossii. Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2020. №10(2). S. 112-117.

9. Kuznetsova O.V. Regional'naya politika Rossii: 20 let reform i novye vozmozhnosti. Moskva, 2013. 293 s.

10. Leksin V.N. Federativnaya Rossiya i ee regional'naya politika. Moskva: INFA-M, 2008. 352 s.

11. Maklashova E.G. Gosudarstvennaya vlast' v sovremennykh politicheskikh usloviyakh (na materialakh Respubliki Sakha (Yakutiya)): avtoref. dis. … kand. polit.nauk. Khabarovsk.,2004. 24 s.

12. Ofitsial'nyi sait Ministerstva Rossiiskoi Federatsii po razvitiyu Dal'nego Vostoka i Arktike. URL: https://minvr.gov.ru/. (data obrashcheniya 15.06.2023).

13. Petrova M.V., Shumilov A.V., Shumilova O.V. Geopoliticheskie aspekty pereosvoeniya Rossiiskoi Arktiki: ot sotrudnichestva k ekspansii. PolitBook. 2022. №4. S. 74-97.

14. Podvedeny itogi sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Dal'nego Vostoka v 2022 godu. Ob"yasnyaem. RF. URL: https://clck.ru/36DSK5 (data obrashcheniya 15.06.2023).

15. Polyakova Yu.S. Tipologiya i prognozirovanie modelei vzaimootnoshenii na urovne «federal'nyi tsentr – regional'naya politicheskaya elita». Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii, Povolzhskii region, obshchestvennye nauki. 2008 №2. S. 60-61.

16. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15 aprelya 2014 g. №307 «Ob utverzhdenii gosudarstvennoi programmy Rossiiskoi Federatsii «Regional'naya politika i fe-derativnye otnosheniya». Sistema GARANT. URL: http://base.garant.ru/70644074/#ixzz3lclrPMwJ (data obrashcheniya 15.06.2023).

17. Postanovlenie ot 30 aprelya 2015 g. №432 «Ob upravlyayushchei kompanii, osushchestvlyayushchei funktsii po upravleniyu territoriyami operezhayushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii, vkhodyashchikh v sostav Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga». Spravochnaya pravovaya sistema «Konsul'tant plyus». URL: https://clck.ru/36DSLQ (data obrashcheniya 15.06.2023).

18. Postanovlenie Pravitel'stva RF №308 «Ob utverzhdenii novoi redaktsii gosudarstvennoi programmy «Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Dal'nego Vostoka i Baikal'skogo regiona». Sait Pravitel'stva RF. URL: http://government.ru/docs/11959/ (data obrashcheniya 15.06.2023).

19. Region kak sub"ekt politik i obshchestvennykh otnoshenii / Pod red. N.V. Zubarevich. Moskva: MONF, 2000. 224 s.

20. Regional'naya politika: zarubezhnye opyt i rossiiskie realii / Pod red. A.V. Kuznetsova, O.V. Kuznetsovoi. Moskva: IMEMO RAN, 2015. 137 s.

21. Respublika Sakha (Yakutiya) v gody raspada SSSR i formirovaniya novoi politicheskoi sistemy Rossiiskoi Federatsii / Avt. I.S. Sivtsev, A.A. Burtsev, A.I. Gogolev, E.G. Egorov, O.G. Sidorov. Yakutsk: Izdatel'skii dom SVFU, 2012. 239 s.

22. Stepanov N.S., Sokolovskaya E.A. Mesto Dal'nego Vostoka v perspektivnoi modeli razvitiya Rossiiskoi Federatsii. Federalizm. 2021. T. 26. №3(103). S. 29–49.

23. Turovskii R. Rossiiskii kvazifederalizm: sostoyanie i perspektivy. K novoi modeli rossiiskogo federalizma / Pod obshch. red. A. Ryabova, A. Zakharova, O. Zdravomyslovoi. Moskva: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2013. 328 s.

24. Turovskii R.F. «Tsentr i regiony: problemy politicheskikh otnoshenii». Moskva, 2007. 400 s.

25. Farukshin M.Kh. Sostoyanie rossiiskogo federalizma: vzglyad iz regiona. Politicheskaya nauka. 2011. № 4. S. 97-119.

26. Federatsiya: problemy vzaimootnoshenii tsentra i regionov v sovremennoi sisteme koordinat / V.B. Ignat'eva. Yakutsk: Izd-vo SO RAN, Yakutskii filial, 2007. 372 s.

27. Shirokova L.N., Mosina L.L., Starokozheva V.P. Osnovnye sotsial'no-ekonomicheskie problemy Dal'nego Vostoka. 2022. №4.

28. Shtul'berg B.M., Vvedenskii V.G. Regional'naya politika Rossii: teoreticheskie osnovy, zadachi i metody realizatsii. Moskva: Gelios ARV, 2000. 208 s.

29. Ukaz ot 3 iyunya 1006 g. №803 «Ob osnovnykh polozheniyakh regional'noi politiki v Rossiiskoi Federatsii». URL: https://clck.ru/36DSMi (data obrashche-niya 16.06.2023).

30. Elazar D. Exploring Federalism. Tuscaloosa and London: University of Alabama Press, 1987.

31. Riker W.H. Federalism: Origin, Operation, Significance. Boston: Little Brown, 1964.

32. Stepan A. Federalism and Democracy: beyond the U.S. model. Journal of Democracy. 1999. Vol. 10. №4.

РЕЦЕНЗИЯ

А.В. Баранов

АКТУАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В КРЫМУ

Аннотация

Рецензируется монография «Атлас социокультурных процессов в Крыму», авторы которой впервые обосновали модели и закономерности развития территориально-политических процессов в современном Крыму, интегрирующемся в социокультурное и политическое пространство России. Авторы рецензируемого издания – коллектив специалистов по социальной и политической географии, работающих в Крымском федеральном университете имени В.И. Вернадского, разработали геоинформационную концепцию социокультурных процессов на Крымском полуострове во внутриполитическом, международно-политическом, социальном, демографическом, историко-культурном, экономическом и других аспектах. Проблематика и контент многих карт издания, комментарии к ним обладают новизной, как и способы визуальной репрезентации сведений. Карты и картосхемы, а также авторский текст, созданы на основе диахронного сравнения нескольких аспектов развития сообщества. В центре внимания авторов находится процесс формирования новых ценностей и традиций политической культуры региона. Такой научный подход обеспечил корректное определение моделей и закономерностей территориально-политических процессов в Крыму на протяжении 2014–2021 гг. На данной основе выявлены векторы изменений геополитического положения Крыма в Причерноморье. Раскрыты маркеры региональной идентичности крымчан в результате анализа электорального поведения, участия в активно-

A. Baranov

AN ACTUAL STUDY OF TERRITORIAL AND POLITICAL PROCESSES IN THE CRIMEA

Abstract

The monograph "Atlas of Socio-cultural processes in Crimea" is reviewed, the authors of which for the first-time substantiated models and patterns of development of territorial and political processes in contemporary Crimea, integrating into the socio-cultural and political space of Russia. The authors of the reviewed publication are a team of specialists in social and political geography working at the Crimean Federal University, developed a geoinformation concept of socio-cultural processes on the Crimean Peninsula in domestic and international politics, social, demographic, historical, cultural, economic and other aspects. The subject matter and content of many maps of the publication, comments to them have novelty, as well as ways of visual representation of information. Maps and cartos, as well as the author's text, are based on a diachronic comparison of several aspects of community development. The authors focus on the process of formation of new values and traditions of the political culture of the region. Such a scientific approach ensured the correct definition of models and patterns of territorial and political processes in the Crimea during 2014–2021. On this basis, the vectors of changes in the geopolitical situation of the Crimea in the Black Sea region are established. The markers of the regional identity of Crimeans are revealed as a result of the analysis of electoral behavior, participation in the activity of political parties and public organizations, geospatial images of the region in

сти политических партий и общественных организаций, геопространственных образов региона в общественном мнении и СМИ. Определены тенденции изменений численности, этнического и языкового состава населения Крыма, миграционных процессов, изменений качества жизни. Установлено сложное строение политического и социокультурного пространства Крыма. Данные аспекты исследования позволили авторскому коллективу аргументировать модель политической конфликтности в регионе и предложить методы регулирования политических процессов.

public opinion and the media. The trends of changes in the number, ethnic and linguistic composition of the Crimean population, migration processes, and changes in the quality of life are determined. The complex structure of the political and socio-cultural space of Crimea has been determined. These aspects of the research allowed the team of authors to argue for a model of political conflict in the region and propose methods for regulating political processes.

Ключевые слова: территориально-политические процессы, российский Крым, интеграция.

Key words: territorial and political processes, Russian Crimea, integration.

https://doi.org/10.24412/2227-1538-2023-4-186-194

Одной из актуальных проблем политической науки является анализ интеграции новых субъектов Российской Федерации в единое политическое и социокультурной пространство нашего государства. Накоплен богатый и разноаспектный эмпирический материал о воссоединении Республики Крым и г. Севастополя с Россией (2014–2023 гг.) [6; 12], который нуждается в теоретическом осмыслении. Важным аспектом изучаемого политического процесса выступает территориальность, то есть обусловленность качествами пространства региона и его взаимоотношениями, «вписанностью» в более широкие территориально-политические системы: современную Россию, Причерноморье как международный регион, постсоветскую Северную Евразию [4; 15].

Исследование территориально-политических процессов в современном Крыму актуально с точки зрения политической регионалистики, представляя собой пример успешной, но достаточно сложной интеграции полиэтничного, поликонфессионального ареала в состав «материнского» государства [17]. Этнополитические процессы в российском Крыму привлекают внимание и зарубежных аналитиков: В. Кулика [21], Д. Выдра [21], Э. Кнотт [19]. Сохраняют значение некоторые зарубежные работы, написанные до «Крымской весны», в них дан анализ развития Крыма с точки зрения интересов стран Запада. Таковы работы К. Коростелиной [20], Г. Сассе [26], Ф. Мюнха и Ю. Либиха [23], коллектива под руководством И.Ф. Кураса [10], Т. Кузьо [22], Т.А. Ольшанского [25].

Рецензируемая монография [1] написана коллективом географов, политологов и социологов Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (г. Симферополь). Главным редактором книги является И.Н. Воронин, членами редакционной коллегии – И.М. Яковенко, А.Б. Швец и Д.А. Вольхин. Среди авторов – участники движения за воссоединение Крыма с Россией С.Н. Киселёв и Н.В. Киселёва, обосновавшие концепт крымской региональной идентичности [6; 7]. Монография стала плодом многолетних усилий крымской школы регионалистики по исследованию политических и социокультурных процессов. Данная школа была основана ректором Таврического национального университета, видным географом и политическим деятелем Н.В. Багровым [8; 9]. Разработки симферопольских специалистов востребованы в условиях воссоединения Крыма с Россией. Речь идёт о картографировании этнополитических и конфессиональных факторов конфликтности, пространственных закономерностей голосований и общественного мнения, распространения российской национальной идентичности в Крыму. Исследования дают возможность повысить эффективность национальной политики и продвигать положительный образ Крыма в информационном пространстве, уменьшить риски экстремизма и деструктивного влияния геополитических противников России.

Широкомасштабное исследование территориально-политических процессов в Крыму стало возможным благодаря корректному применению в монографии современного научного инструментария. Применены системный и структурно-функциональный подходы к анализу социокультурного пространства Крыма; обеспечено выявление территориально-политических локальных и субрегиональных систем на основе критериев этнического, конфессионального состава населения и экономической специализации, качества жизни. Также применён сравнительно-политический анализ как в синхронном, так и в диахронном аспектах; использован метод кейс-стади применительно к наиболее политически важным объектам (г. Севастополь, Симферополь, Южный берег Крыма). Обеспечена убедительная типологизация местных сообществ Республики Крым и г. Севастополя по социально значимым критериям. Авторы применили метод картографирования на основе обработки репрезентативного комплекса статистических данных, результатов социологических опросов, экспертных оценок. Многие карты и графические изображения созданы впервые и обобщают многолетний опыт исследований авторов монографии – Д.А. Вольхина и др. [5], Л.А. Ожеговой,

К.Ю. Сикач и др. [11], А.Б. Швец и И.Н. Воронина [27], А.Н. Яковлева [14]. При обработке и систематизации эмпирических данных авторы использовали технологии геоинформационных систем и цифрового картографирования.

Источниковая база монографии репрезентативна, поскольку включает в себя результаты проведённых авторами анкетных и экспертных опросов, нормативно-правовые акты и карты административно-территориального деления за 1783–2021 гг., отчётные и аналитические доклады Государственного комитета по делам межнациональных отношений Республики Крым, статистические данные Избирательных комиссий Республики Крым и г. Севастополя, материалы переписей населения 1989, 2001 и 2014 гг., материалы сайтов органов государственной власти, общественных и экспертно-аналитических организаций. Полезно, что авторы монографии не ограничились отечественными по происхождению источниками, а проанализировали и публикации на сайтах ООН [28], НАТО [24], Стокгольмского международного института исследований проблем мира [18], Государственной службы статистики Украины [7] (на момент сбора данных эти сайты были открытыми для российских исследователей). Процедуры отбора, систематизации и интерпретации документов проведены корректно. Это обеспечило сопоставимость сведений по разным пространственным объектам и периодам.

Структура монографии основана на проблемно-логическом принципе и концепции «воронки причинности» (Э. Кэмпбелл, Ф. Конверс, У. Миллер и др.) [16], которые определяют очерёдность шести разделов. Степень детализации разделов и их объём неравны. Так, первый раздел «Административно-территориальное устройство Крыма» состоит из 4 кратких подразделов, построенных по историческому принципу. Этот раздел имеет вспомогательный характер, облегчая сравнение статистических данных и картографирование в исторической ретроспективе. Важное место в первом разделе занимает раскрытие роли Крыма в демографическом и экономическом пространстве Южного федерального округа России. Авторы подраздела – Д.А. Вольхин и А.Б. Швец отмечают повышенную плотность населения, положительный миграционный прирост и в то же время – низкий уровень валового регионального продукта на душу населения, высокие темпы экономического роста за 2014–2020 гг. [1, с. 10-13].

Второй раздел «Геополитические и социально-политические процессы» более детализован. Вниманию читателей предложено 11 подразделов, в том числе – о развитии политического статуса Крыма за 1991–2014 гг., си-

стеме органов государственной власти и местного самоуправления, политических партиях, результатах избирательных кампаний. Как отмечают авторы подраздела С.Н. Киселёв, Н.В. Киселёва и А.Б. Швец, «в составе России Крым продемонстрировал мировому сообществу и странам СНГ модель реинтеграции с большим геополитическим пространством» [1, с. 17]. Особый интерес представляет авторская карта событий «Крымской весны» 2014 года, как и карты модальности и тематики упоминаний Крыма в информационном пространстве России и Украины (на примере новостных программ телеканалов за 2009–2016 гг.). Среди местностей наибольшее число упоминаний приходится на г. Симферополь, Севастополь, Ялту и Керчь (суммарно свыше 50% всех упоминаний крымских объектов) [1, с. 28]. Мониторинг формируемого в масс-медиа контента позволил А.Б. Швец и А.Н. Яковлеву сделать обоснованный вывод о категориях геополитических рисков в Крыму: рисках возникновения этноконфессиональных противоречий, информационного манипулирования и возникновения террористической активности, санкционном давлении Запада. Картографирование рисков показывает их повышенный уровень в г. Симферополе и Симферопольском районе, г. Севастополе, на Южном берегу Крыма, в Джанкойском и Красноперекопском районах [1, с. 29-31]. Синхронное исследование коллектива политологов Кубанского государственного университета (И.В. Юрченко, А.В. Баранова, М.В. Донцовой и Н.Н. Юрченко) на основе анкетного и экспертного опросов крымчан подтверждают названную географию рисков [13, с. 64-111].

Значительную роль во втором разделе играет анализ деятельности политических партий и национально-культурных обществ, географических закономерностей и особенностей голосований на крымских референдумах 1991 и 2014 гг., на выборах депутатов Государственной Думы РФ в 2016 года и Президента РФ в 2018 года. Отчётливо фиксируется повышенный уровень поддержки В.В. Жириновского и П.Н. Грудинина в крупнейших городах, а К.А. Собчак – в сельских районах с повышенным удельным весом крымских татар.

Третий раздел «Геодемографические процессы» содержит важные сведения о динамике численности населения, рождаемости и смертности, возрасте и брачности, урбанизации, размерах сельских поселений, миграции во всём Крыму и по муниципальным образованиям. Политически актуален вывод авторов о наибольшей концентрации мигрантов в г. Севастополе, Симферополе с пригородами и на Южном берегу Крыма [1, с. 64-65]. Уровень безработицы и бедности, напротив, повышен на Керченском полу-

острое, в степной и восточной предгорной частях Крыма (кроме Феодосии) [1, с. 69, 71]. При расчётах качества жизни населения наблюдаются такие же пространственные распределения, но к зоне пониженного качества жизни добавляется Бахчисарайский район [1, с. 76]. Итак, картографирование социальных и демографических показателей обеспечило выявление ареала повышенных рисков конфликтности.

В четвёртом разделе «Этноконфессиональные процессы» исследованы изменения этнической и религиозной структуры населения Крыма за 2014–2019 гг. Авторы выяснили типы динамики этнической структуры населения, отметив расширение ареала компактного проживания крымских татар и сужение ареала украинцев. Ареалы конфессий определены по количеству зарегистрированных религиозных организаций. Изучена динамика этноконфессиональных конфликтов; установлена повышенная локализация проявлений конфликтов на Южном берегу Крыма и в предгорных районах. Раскрыта структура зарегистрированных проявлений конфликтов (повышен удельный вес протестов, митингов и акций неповиновения в сравнении со спорами о принадлежности культовых и культурно-исторических объектов, актами вандализма в отношении этих объектов) [1, с. 101-102].

Пятый раздел посвящён социально-экономическим процессам. Для политологов представляет интерес оценка динамики объёмов производства промышленной и сельскохозяйственной продукции, стоимости основных фондов, инвестиций, обеспеченности местных сообществ цифровым телевещанием. На основе системы индикаторов выделены социально-экономические субрегионы.

Шестой раздел «Социокультурная среда регионов» содержит результаты анкетных опросов 2020 г. об источниках информации населения о событиях в Крыму (доминирует интернет – 77%, местное телевидение опережает по популярности федеральные телеканалы – 28 в сравнении с 20%). Отмечается, что респонденты ощущают себя в первую очередь жителями Крыма, во-вторую – жителями России и в-третью – жителями своего населённого пункта [1, с. 173-175]. Такое состояние системы идентичностей остро ставит вопрос о необходимости укрепления российского самосознания в крымском сообществе. Авторы монографии картографировали представления опрошенных об имидже региона, на основе чего предложена стратегия социокультурного развития Республики Крым и г. Севастополь.

Разумеется, набор изучаемых индикаторов может быть изменён и дополнен, например, за счёт исторического раздела. Хотелось бы видеть многие карты более крупномасштабными.

В целом же, рецензируемая монография представляет собой новую стадию развития крымской школы политической регионалистики. Авторы издания разработали процедуры отбора информации и её картографирования, которые обеспечивают проведение лонгитюдных исследований не только на Крымском полуострове, но и в других регионах современной России. В будущем полезно создание «Политического атласа Юга России» на основе аналогичной методики.

Литература

1. Атлас социокультурных процессов в Крыму / Под ред. И.Н. Воронина, И.М. Яковенко, А.Б. Швец, Д.А. Вольхина. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2021. 196 с.

2. Атлас. Автономная Республика Крым / Под ред. Н.В. Багрова. Киев; Симферополь: Институт географии НАН Украины; ТНУ им. В.И. Вернадского, 2003. 32 с.

3. Багров Н.В. Региональная геополитика устойчивого развития. Киев: Лыбидь, 2002. 256 с.

4. Баранов А.В. Современные международные отношения в Черноморском регионе: геополитический аспект (теория и практика) / А.В. Баранов, А.В. Ващенко, В.Н. Конышев, С.Н. Шашева. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. 292 с.

5. Вольхин Д.А., Воронин И.Н., Швец А.Б., Яковлев А.Н. Опыт картографирования социокультурной рубежности в Крыму // ИнтерКарто. ИнтерГИС. Геоинформационное обеспечение устойчивого развития территорий. Москва: Издательство Московского университета, 2020. Т. 26. Ч. 1. С. 228-241.

6. Григорьев М.С., Ковитиди О.Ф. Крым: история возвращения. Москва: Кучково поле, 2014. 400 с.

7. Державна служба статистики України. URL: htttp://ukrstat.gov.ua (дата обращения 22.10.2021).

8. Киселёв С.Н. Крымская идея. Симферополь: Издательство ООО «Антиква», 2019. 208 с.

9. Киселёва Н.В. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения / Н.В. Киселёва, А.В. Мальгин, В.П. Петров, А.А. Форманчук. Симферополь: Салта, 2015. 352 с.

10. Крим в етнополітичному вимірі / Редкол.: І.Ф. Курас (голова) та ін.; авт. кол.: М. Панчук (керівник), Г. Бекірова, В. Ганкевич, Р. Хаялі та ін. Київ: Світогляд, 2005. 533 с.

11. Ожегова Л.А., Сазонова Г.В., Сикач К.Ю. Миграционные процессы в Республике Крым: пространственно-временная специфика и современное состояние // Геополитика и экогеодинамика регионов. Симферополь, 2022. Т. 8(18). Вып. 3. С. 217-235.

12. Право крымчан на самоопределение: предпосылки и эволюция «крымской весны» / Под ред. А.А. Власова. Москва: Аспект Пресс, 2020. 478 с.

13. Юрченко И.В. Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов / И.В. Юрченко, А.В. Баранов, Н.Н. Юрченко, М.В. Донцова. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2019. 250 с.

14. Яковлев А.Н. Картографическое изучение динамики этноконфессиональных противоречий в Крым // Геополитика и экогеодинамика регионов. Симферополь, 2020. Т. 6 (16). Вып. 3. С. 314-323.

15. Baranov A.V. The origins of the Crimean crisis: political communication and ethnopolitical conflict in Crimea until february 2014 // Political communication in times of crisis. Berlin: Logos Verlag, 2016. P. 285–296.

16. Campbell A. The American Voter / A. Campbell, Ph.E. Converse, W.E. Miller, D.E. Stokes. Reprint edition. Chicago: Chicago University Press, 2018. 576 p.

17. Ilievski N.L. The concept of political integration: the perspectives of neofunctionalist theory // Journal of liberty and international affairs. Bitola, 2015. Vol. 1. №1. P. 1-14.

18. International Institute for Strategic Studies (IISS). URL: https://www.iiss.org/en/ (дата обращения 22.10.2021).

19. Knott E. What Does it Mean to Be a Kin Majority? Analyzing Romanian Identity in Moldova and Russian Identity in Crimea from Below // Social Science Quarterly. 2015, Vol. 96. Issue 3. P. 830-859.

20. Korostelina K. Readiness for conflict in interethnic relations: case of the Crimea // Conference Papers – International Studies Association. 2004 Annual Meeting. Montreal, 2004. P. 1-42.

21. Kulyk V. Combining identity and integration: comparative analysis of schools for two minority groups in Ukraine // Compare: A Journal of Comparative & International Education. 2013. Vol. 43. Issue 5. P. 622-645.

22. Kuzio T. The Crimea: Europe's Next Flashpoint? Washington: The Jamestown Foundation, 2010. 41 p.

23. Münch F., Liebig J. Identity and conflict in Crimea. Exclavisation tendencies, Russian memory and Ukrainian statehood on the margins of Europe // University of Birmingham. URL: https://www.birmingham.ac.uk/Documents/college-artslaw/gcfe/bjfe/issue-2/2-3-felix-munch.pdf (дата обращения 29.09.2023).

24. North Atlantic Treaty Organization. URL: www.nato.int/en/ (дата обращения 22.10.2022).

25. Olszański T.A. Unity stronger than divisions. Ukraine's internal diversity. Warsaw: Ośrodek Studiów Wschodnich, 2014. 37 p.

26. Sasse G. The Crimea question: identity, transition, and conflict. 2nd ed. Harvard: Harvard University Press, 2014. 185 p.

27. Shvets A.B., Voronin I.N. The change of trends in political and geographical subjectivity of Crimea // Journal of geography, politics and society. Gdańsk. 2018. Vol. 8. №2. P. 44-53.

28. United Nations Organization. URL: https://www.un.org/en/ (дата обращения 22.10.2022).

References

1. Atlas sotsiokul'turnykh protsessov v Krymu. Pod red. I.N. Voronina, I.M. Yakovenko, A.B. Shvets, D.A. Vol'khina. Simferopol': IT «ARIAL», 2021. 196 s.

2. Atlas. Avtonomnaya Respublika Krym / Pod red. N.V. Bagrova. Kiev; Simferopol': Institut geografii NAN Ukrainy; TNU im. V.I. Vernadskogo, 2003. 32 s.

3. Bagrov N.V. Regional'naya geopolitika ustoichivogo razvitiya. Kiev: Lybid', 2002. 256 s.

4. Baranov A.V. Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya v Chernomorskom regione: geopoliticheskii aspekt (teoriya i praktika) / A.V. Baranov, A.V. Vashchenko, V.N. Konyshev, S.N. Shasheva. Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet, 2021. 292 s.

5. Vol'khin D.A., Voronin I.N., Shvets A.B., Yakovlev A.N. Opyt kartografirovaniya sotsiokul'turnoi rubezhnosti v Krymu. InterKarto. InterGIS. Geoinformatsion-noe obespechenie ustoichivogo razvitiya territorii. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2020. T. 26. Ch. 1. S. 228-241.

6. Grigor'ev M.S., Kovitidi O.F. Krym: istoriya vozvrashcheniya. Moskva: Kuchkovo pole, 2014. 400 s.

7. Derzhavna sluzhba statistiki Ukraïni. URL: htttp://ukrstat.gov.ua (data zvernennya 22.10.2021).

8. Kiselev S.N. Krymskaya ideya. Simferopol': Izdatel'stvo OOO «Antikva», 2019. 208 s.

9. Kiseleva N.V. Etnopoliticheskie protsessy v Krymu: istoricheskii opyt, sovremennye problemy i perspektivy ikh resheniya / N.V. Kiseleva, A.V. Mal'gin, V.P. Petrov, A.A. Formanchuk. Simferopol': Salta, 2015. 352 s.

10. Krim v etnopolitichnomu vimiri / Redkol.: I.F. Kuras (golova) ta in.; avt. kol.: M. Panchuk (kerivnik), G. Bekirova, V. Gankevich, R. Khayali ta in. Kiïv: Svitoglyad, 2005. 533 s.

11. Ozhegova L.A., Sazonova G.V., Sikach K.Yu. Migratsionnye protsessy v Respublike Krym: prostranstvenno-vremennaya spetsifika i sovremennoe sostoyanie. Geopolitika i ekogeodinamika regionov. Simferopol', 2022. T. 8 (18). Vyp. 3. S. 217-235.

12. Pravo krymchan na samoopredelenie: predposylki i evolyutsiya «krymskoi vesny» / Pod red. A.A. Vlasova. Moskva: Aspekt Press, 2020. 478 s.

13. Yurchenko I.V. Konfliktogennye i integratsionnye faktory razvitiya chelovecheskogo potentsiala Yuga Rossii v usloviyakh novykh geopoliticheskikh vyzovov / I.V. Yurchenko, A.V. Baranov, N.N. Yurchenko, M.V. Dontsova. Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet, 2019. 250 s.

14. Yakovlev A.N. Kartograficheskoe izuchenie dinamiki etnokonfessional'nykh protivorechii v Krym. Geopolitika i ekogeodinamika regionov. Simferopol', 2020. T. 6 (16). Vyp. 3. S. 314-323.

15. Baranov A.V. The origins of the Crimean crisis: political communication and ethnopolitical conflict in Crimea until february 2014. Political sommunication in times of crisis. Berlin: Logos Verlag, 2016. R. 285–296.

16. Campbell A. The American Voter. A. Campbell, Ph.E. Converse, W.E. Miller, D.E. Stokes. Reprint edition. Chicago: Chicago University Press, 2018. 576 p.

17. Ilievski N.L. The concept of political integration: the perspectives of neofunctionalist theory. Journal of liberty and international affairs. Bitola, 2015. Vol. 1. №1. R. 1-14.

18. International Institute for Strategic Studies (IISS). URL: https://www.iiss.org/en/ (access 22.10.2021).

19. Knott E. What Does it Mean to Be a Kin Majority? Analyzing Romanian Identity in Moldova and Russian Identity in Crimea from Below. Social Science Quarterly. 2015, Vol. 96. Issue 3. R. 830-859.

20. Korostelina K. Readiness for conflict in interethnic relations: case of the Crimea. Conference Papers – International Studies Association. 2004 Annual Meeting. Montreal, 2004. R. 1-42.

21. Kulyk V. Combining identity and integration: comparative analysis of schools for two minority groups in Ukraine. Compare: A Journal of Comparative & International Education. 2013. Vol. 43. Issue 5. R. 622-645.

22. Kuzio T. The Crimea: Europe's Next Flashpoint? Washington: The Jamestown Foundation, 2010. 41 r.

23. Münch F., Liebig J. Identity and conflict in Crimea. Exclavisation tendencies, Russian memory and Ukrainian statehood on the margins of Europe. University of Birmingham. URL: https://www.birmingham.ac.uk/Documents/college-artslaw/gcfe/bjfe/issue-2/2-3-felix-munch.pdf (access date 29.09.2023).

24. North Atlantic Treaty Organization. URL: www.nato.int/en/ (access date 22.10.2021).

25. Olszański T.A. Unity stronger than divisions. Ukraine's internal diversity. Warsaw: Ośrodek Studiów Wschodnich, 2014. 37 r.

26. Sasse G. The Crimea question: identity, transition, and conflict. 2nd ed. Harvard: Harvard University Press, 2014. 185 p.

27. Shvets A.B., Voronin I.N. The change of trends in political and geographical subjectivity of Srimea. Journal of geography, politics and society. Gdańsk. 2018. Vol. 8. №2. R. 44-53.

28. United Nations Organization. URL: https://www.un.org/en/ (access 22.10.2021).

НАШИ АВТОРЫ

АБРАМЕНКО Елена Геннадьевна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии юридического факультета, Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь).
ABRAMENKO Elena – PhD of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science, Faculty of Law, Belarusian State University (Minsk, Belarus).
E-mail: eabramenko1979@gmail.com SPIN-код: 5599-2150

БАРАНОВ Андрей Владимирович – доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия).
BARANOV Andrey – doctor of historical sciences, doctor of political sciences, professor of the department of Political Science and Political Management, Kuban State University (Krasnodar, Russia).
E-mail: baranovandrew@mail.ru SPIN-код: 8648-1983

ВОЛОХ Владимир Александрович – доктор политических наук, профессор кафедры государственного управления и политических технологий, Государственный университет управления (Москва, Россия).
VOLOH Vladimir – doctor of political sciences, professor of public administration and political technology, State university of management (Moscow, Russia).
E-mail: v.volokh@yandex.ru SPIN-код: 1148-3816

ГРИГОРЬЕВ Ньургун Афанасьевич – кандидат политических наук, доцент кафедры истории, обществознания и политологии исторического факультета, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Амммосова (Якутск, Россия).
GRIGORIEV Nyurgun – PhD of Political Sciences, Associate Professor of the Department of History, Social Studies and Political Science, Northeastern Federal University (Yakutsk, Russia).
E-mail: nagrigoriev@mail.ru SPIN-код: 3649-9539

КАШИНА Марина Александровна – доктор политических наук, профессор кафедры социальных технологий, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург, Россия).
KASHINA Marina – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Social Technologies, Northwestern Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg, Russia).
E-mail: Kashina-ma@ranepa.ru
SPIN-код: 3108-7931 ORCID: 0000-0003-4509-8657

КЛЕЦИНА Ирина Сергеевна – доктор психологических наук, профессор, (Санкт-Петербург, Россия).
KLETSINA Irina – Doctor of Psychological Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia).
E-mail: irinaklyotsina@mail.ru
SPIN-код: 5275-0224 ORCID: 0000-0002-2726-2727

КОЗЛОВА Наталия Николаевна – доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии, Тверской государственный университет (Тверь, Россия).
KOZLOVA Nataliya – PhD of Political Sciences, Head of Political Science Department, Tver State University (Tver, Russia).
E-mail: tver-rapn@mail.ru
SPIN-code: 6273-0895 ORCID: 0000-0003-1212-6412

МИЛОВАНОВА Марина Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политической социологии и социальных технологий, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия).
MILOVANOVA Marina – PhD of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Political Sociology and Social Technologies, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).
E-mail: m_milovanova@mail.ru
SPIN-код: 2379-8503 ORCID: 0000-0002-5453-5954

НАДЕЖДИН Александр Евгеньевич – кандидат политических наук, первый секретарь Департамента кадров, МИД России (Москва, Россия).
NADEZHDIN Alexander – PhD of political Sciences, First Secretary of the Personnel Department, Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russia).
E-mail: 3039210@mail.ru
SPIN-код: 3271-1551 ORCID: 0000-0002-4294-5972

ПРОКОПЕНКО Любовь Ярославовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт Африки РАН (Москва, Россия).
PROKOPENKO Liubov – PhD of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute for African Studies of the Russian Academy of Science (Moscow, Russia).
E-mail: skole60@mail.ru
SPIN-код: 1407-4238 ORCID: 0000-0002-1121-8828

РАССАДИН Сергей Валентинович – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии, Тверской государственный университет (Тверь, Россия).
RASSADIN Sergey – PhD Philosophy, Associate Professor of the Department of Political Science, Tver State University (Tver, Russia).
E-mail: s_r08@mail.ru
SPIN-код: 7952-3904 ORCID: 0000-0002-3478-0792

СИМОНОВА Ирина Александровна – кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник Управления научных исследований, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).
SIMONOVA Irina – PhD philosophy, researcher, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia).
E-mail: luboe05@mail.ru SPIN-код: 3562-0771

СКОВИКОВ Алексей Константинович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политического управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия).
SKOVIKOV Alexey – PhD in political science, department of political science and political management, Russian Presidential Academy of National Economy a Public Administration (Moscow, Russia).
E-mail: skovikov@yahoo.com SPIN-код: 3618-9306

СУЛЕЙМАНОВА Рима Нугамановна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом новейшей истории Башкортостана, Институт истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук (Уфа, Россия).
SULEIMANOVA Rima – doctor of historical sciences, chief researcher, head of department of the recent history of Bashkortostan, Institute of history, language and literature of Ufa Federal research centre the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russia). E-mail: rnsulejman@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1877-5421 SPIN-код: 9043-1966

ТАБАРИНЦЕВА-РОМАНОВА Ксения Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия).
TABARINTSEVA-ROMANOVA Ksenia – PhD of Philology, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia).
E-mail: kmromanova@mail.ru SPIN-код: 1827-3164

ЧУМИКОВ Александр Николаевич – доктор политических наук, профессор кафедры коммуникационных технологий Института международных отношений и социально-политических наук, Московский государственный лингвистический университет (Москва, Россия).
CHUMIKOV Alexander – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Communication Technologies of the Institute of International Relations and Socio-Political Sciences, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia).
E-mail: chumikov@pr-club.com
SPIN-код: 6211-6904 ORCID: 0000-0002-7208-9783

ШВЕЦОВА Анастасия Владимировна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Управления научных исследований, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).
SHVETSOVA Anastasia – PhD in Sociology, senior researcher, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia).
E-mail: shvetsovaav@mail.ru SPIN-код: 5300-5257

THE CONTENTS

GENDER POLICY AND SOCIAL CHANGE

E. Abramenko
THE ROLE OF PARLIAMENTARISM IN PROTECTING WOMEN'S RIGHTS
AND INTERESTS IN THE REPUBLIC OF BELARUS
6

M. Kashina, I. Kletsina
THE ROLE CONFLICT OF A WORKING WOMAN AND ITS OVERCOMING
AS A SUBJECT OF SCIENTIFIC RESEARCH AND AS A TASK OF GENDER POLICY
22

L. Prokopenko
SOUTH AFRICAN WOMEN IN THE CONTEXT OF THE STRUGGLE
FOR WOMEN’S POLITICAL RIGHTS
35

A. Shvetsova, I. Simonova
STRATEGIC POTENTIAL OF THE CONCEPT "NON-MATERNAL PRACTICES
OF MOTHERS" AS A BASIS FOR OPTIMIZING THE SYSTEM OF ECONOMIC
SUPPORT FOR MOTHERHOOD
48

M. Milovanova
GENDER EQUALITY POLICY IN THE MODERN OLYMPIC MOVEMENT
61

K. Tabarintseva-Romanova
TO THE QUESTION OF ACHIEVING GENDER EQUALITY (SDG 5)
IN ITALIAN CULTURAL POLICY
81

N. Kozlova, S. Rassadin
NATIONAL STRATEGIES OF ACTION FOR WOMEN:
IN SEARCH OF A STATE MODEL OF GENDER POLICY IN MODERN RUSSIA
93

R. Suleimanova
GENDER EQUALITY IN RUSSIA IN THE REGIONAL DIMENSION:
ANALYTICAL REVIEW
111

A. Skovikov
GENDER POLICY: WORLD EXPERIENCE AND RUSSIAN REALITY
121

ARTICLES

A. Chumikov
COMMUNICATIONS OF THE STATE AND CITIZENS IN THE DIGITAL
ENVIRONMENT AS FACTORS OF PERCEPTION MANAGEMENT OF THE CURRENT
POLITICAL CONTEXT
136

V. Voloh, A. Nadeghdin
MODERN GERMANY: INTERNAL POLITICAL TRACK, INTERIM RESULTS OF THE
COALITION AGREEMENT AND MIGRATION ASPECTS
159

N. Grigorev
STATE REGIONAL POLICY FOR THE DEVELOPMENT OF THE REGIONS
OF THE RUSSIAN FAR EAST IN THE CONDITIONS OF FEDERAL RELATIONS
173

REVIEW

A. Baranov
AN ACTUAL STUDY OF TERRITORIAL AND POLITICAL PROCESSES
IN THE RUSSIAN CRIMEA
186

OUR AUTHOR
195

ISSN 2227-1538 (Print)
ISSN 2307-4590 (Online)

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-48608 выдано
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций

Адрес редакции и издателя: 428023,
Россия, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, ул. Гражданская, 66, 7.

Тел. +7937 9539205.
E-mail: editor@politbook.online
http://politbook.online

ООО «НИИ общественных
и политических наук»

Подписано в печать 03.11.2023
Дата выхода в свет 20.11.2023

Формат 70x100/16.
Усл. печ. л. 12,0.
Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал макета
ООО «НИИ общественных
и политических наук», 428023,
Россия, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, ул. Гражданская, 66.
www.iopn.ru

Свободная цена
Индекс подписки по каталогу
«Пресса России» 15130

© НИИ общественных и политических
наук, 2023.

Published by:
Institute of Social and Political Sciences

Address: 66 – 7, Graghdanskay st.,
Cheboksary, Russia, 428023

E-mail: editor@politbook.online
http://politbook.online

© Institute of Social and Political
Sciences, 2023.

ISSN 2227153-8
9 772227 153005